

НАШ БОНЧ

*Памяти
Владимира Владимировича
Бонч-Бруевича
(05.04.1937 — 14.08.2018)*

УДК 929
ББК 84(2Рос=Рус)6,44

Наш Бонч. Памяти Владимира Владимировича Бонч-Бруевича (05.04.1937 — 14.08.2018) / АНО «Редакция ЛГ», ИПО «У Никитских ворот», 2019 — 248 с., ил.

ISBN 978-5-00095-720-2

Владимир Владимирович Бонч-Бруевич — известный журналист, трудился в «Московской правде», «Правде», «Литературной газете», в Московском отделении Союза журналистов СССР. Автор многих газетных и журнальных публикаций. Принимал участие в подготовке двух фундаментальных изданий — «Журналистика на стыке веков. Люди и судьбы» и «Журналисты России. XX—XXI». Активно работал в ЦДРИ и Обществе дружбы и сотрудничества с Арменией. Был очень сердечным и отзывчивым человеком, никогда не отказывал в просьбах, если мог чем-то помочь. После его неожиданной кончины семья (жена, дочь, внучка и внук) решили подготовить книгу его памяти, где рассказали о дорогом для них человеке.

УДК 929
ББК 84(2Рос=Рус)6,44

ISBN 978-5-00095-720-2

© Елена, Екатерина, Татьяна Бонч-Бруевичи, Максим Каплевич, 2019
© П. М. Каплевич, оформление обложки, 2019

БОНЧ-БРУЕВИЧ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ.
Родился в 1937 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Работал в газете «Московская правда» — литсотрудник, заместитель ответственного секретаря, заведующий отделом информации, член редколлегии — ответственный секретарь редакции (1957–1966). Избирался председателем бюро секции репортёров Московского союза журналистов. В 1966–1967 годах — заместитель редактора «Правды» по отделу информации. В 1967–1969 годах — первый секретарь Правления Московского союза журналистов — заместитель секретаря Правления СЖ СССР. С 1970 года — в «Литературной газете» редактор отдела корреспондентской сети, член редколлегии, заместитель главного редактора. Один из организаторов, член совета директоров ОАО «Издательский дом “Литературная газета”», советник генерального директора. Ос-

нователь, учредитель и главный редактор газеты «Электричка» (2004–2007). Член правления и сопредседатель Московского пресс-клуба Центрального дома работников искусств. Член редколлегии и автор энциклопедического сборника Союза журналистов Москвы «Журналистика на стыке веков: люди и судьбы» (2010–2012). С 2012 года — советник главного редактора «Литературной газеты». Автор многих газетных и журнальных публикаций, автор, редактор и составитель книг «Репортаж эпохи», «Что могут профсоюзы», «СССР вблизи» и др. Награждён орденом Дружбы народов и медалями. Заслуженный работник культуры РФ.

Из книги
«Журналисты России. XX—XXI.
Справочно-энциклопедическое издание»

ЧЕТЫРЕ
ПИСЬМА
О Любви

Мой Володя!

Как это жестоко и несправедливо. Мы были так счастливы вместе. И вот я здесь одна. А где ты?

Ты никогда не узнаешь, что мы сделали всё, как ты хотел: в ритуальном зале ЦКБ собрались родные и друзья — человек сто. А потом большая часть собравшихся продолжила вспоминать тебя в ресторане Дома журналиста. А урна, как ты и хотел, теперь покоится рядом с Владимиром Дмитриевичем.

Ты не узнаешь (хотя нет, ты всегда это знал), какие необыкновенные внимание и заботу по отношению ко мне проявили Катя, Таня, Максим. А у Максима обнаружились ещё и прекрасные организаторские способности.

Ты не узнаешь, что в первые же тяжёлые дни мы с Катей, Таней, Максимом решили, что надо издать книжку в память о тебе. И все твои друзья, знакомые, коллеги, к кому мы обращались с просьбой написать о тебе, с готовностью откликнулись на нашу просьбу.

Ты не узнаешь о новых сделках Кати и Тани в их агентстве недвижимости, о новых заказах на компьютерное программирование для фирмы Максима. Не узнаешь о других наших делах, многие из которых без тебя даются с большим трудом.

Ты не узнаешь, как это страшно для меня возвращаться (особенно в темноте) «в огромность квартиры, наводящей грусть», и видеть твои домашние тапочки в прихожей, твою ветровку на вешалке, твой халат в ванной, твои часы на тумбочке (они встали, потому что идут только, когда их носишь на руке). Твой... твоя... твои... Как жить с этим? А как жить без этого?

Ты не узнаешь, что после сорока дней наши ребята и Галя Синякова уговорили меня в необходимости сменить обстановку и мы с Галей полетели на неделю в Италию. Маленький уютный городок, тишина, тёплая погода, вкусная еда. Но меня и днём и ночью преследовала строфа из дивного стихотворения Тютчева «Утихла биза», где поэт во время путешествия по Швейцарии вспоминает свою безвременно ушедшую из жизни молодую подругу. «Здесь сердце так бы всё забыло, / Забыло б муку всю свою, / Когда бы там — в родном краю — / Одной могилкой меньше было...»

Ты никогда больше не выйдешь в наш уютный дворик, хозяйским взглядом оглядывая недавно покрашенный забор, новый газон, поправленный асфальт — ко всему этому и многому другому в нашем доме ты имел непосредственное отношение.

А наши любимые чёрные коты никогда больше не бросятся опрометью к входной двери, услышав твои шаги на лестнице.

Ты никогда больше не пройдёшь по нашему переулку, восхищаясь недавним благоустройством по программе «Моя улица» — красивая плитка на тротуаре, лавочки, отремонтированные фасады.

Ты не узнаешь, как за лето выросли сосенки на даче, которые ты когда-то посадил. И что на твоей любимой яблоне, которая несколько лет назад почти упала, но ты её спас, в этом году не было ни одного яблочка, хотя уже после «реанимации» она каждый год была усыпана плодами.

Ты никогда не наденешь новую кожаную куртку, которую давно хотел купить, а приобрели мы её только в субботу, за день до рокового понедельника, когда ещё утром ты ездил с Катей выбирать новый котёл для обогрева дачи, а вечером у тебя поднялась температура.

Мы уже не поедем, как собирались, в Углич и Мышкин и не сходим вместе на выставку Куинджи.

Многого уже не будет, о многом ты не узнаешь.
Но останутся
Любовь,
Восхищение,
Удивление
И бесконечная благодарность за то, что ты был с нами.

Лена
Октябрь 2018 г.

Папа и Советский Союз

Когда я была маленькая, я жила в одной сказочной стране. И называлась она Советский Союз. Мой Советский Союз был совсем не такой, как у всех. Он состоял из 14 весёлых и красивых мужчин и одной женщины — собственных корреспондентов (собкоров) «Литературной газеты» в 15 советских республиках и ещё нескольких собкоров в больших городах СССР.

Главным по Советскому Союзу был мой папа — редактор отдела корреспондентской сети «Литературной газеты». Ему удалось собрать команду лучших профессионалов своего дела. На работе у папы было много телефонов, и он постоянно был с собкорами на связи. А раз в год все они приезжали в Москву, и папа с мамой собирали их к нам домой в гости. Это была замечательная, шумная, весёлая компания. Интересно, что они приходили к нам два раза — два дня подряд почти в одном и том же составе, только в один день обязательно был дядя Зорий Балаян из Армении, а в другой день его не было, а был представитель Азербайджана. Как я понимала, они были в ссоре и никак не могли помириться... Меня это не очень удивляло, мы в классе тоже часто ссорились, могли даже и подраться. А праздник два дня подряд мне очень даже нравился!

Папа часто ездил в командировки, и иногда брал меня к собкорам в гости. Принимали нас везде по высшему разряду, «Литгазета» была тогда очень авторитетной, а все собкоры — известными и уважаемыми людьми, писателями. В Ленинграде мы, например, жили в «царском» пятикомнатном номере в гостинице «Европейская», а принимал нас там собкор — известный поэт и папин большой друг Илья Фоняков. Помню, что книгу его жены Эллы «Хлеб

той зимы» о блокадном Ленинграде я зачитала до того, что у неё оторвалась обложка.

Была я в Ереване, Тбилиси, Баку, Таллине, Риге, Минске...

В Таллине меня тогда потряс сохранённый и замороженный древний город и необычные люди — эстонцы, больше похожие на иностранцев. В Баку — море прямо в городе и восточный колорит. В Риге впервые услышала орган в Домском соборе.

В Тбилиси корреспондентом был тогда Эдуард Елигулашвили, Евтушенко называл его «ели-пили-гуляли-швили». Именно такими «ели-пили-гуляли» и были поездки в кавказские республики. Конечно, мы поднялись на фуникулёре на «Святую гору», где находится могила Грибоедова. Гуляли по узким улочкам старого центра и, конечно, заходили в ресторанчики и в гости к знакомым, понятно, что знакомыми был весь город...

Самым любимым моим собкором был лучший папин друг и «брат» Зорий Балаян — известный писатель и общественный деятель Армении. Настолько любимым, что даже дочку я родила в день начала геноцида армянского народа 1915 года. Дети, которые рождаются в этот день, считаются у армян святыми.

Мы с ним объездили пол-Армении. Папа с Зорием любили вспоминать, как мы поехали один раз в горы. И пошли ужинать в ресторан, расположенный пониже нашей гостиницы. Ужин удался, обратно надо было подняться по немного обледеневшей дороге. Мужчины были очень весёлые и очень пьяные. И всё время падали! То один, то другой катился вниз с горы с радостным хохотом. А я, маленькая девочка, чуть не плача тащила их обратно...

В детстве я знала, что живу в большой и дружной стране. А отвечает за эту страну мой папа!

Катя

Дедуля

Мне сложно говорить о нём в прошедшем времени. И невозможно поверить, что его нет.

Он, без преувеличения, был главой и авторитетом в нашей большой семье. И он очень любил всех нас и всегда участвовал в нашей жизни, событиях, приходил на помощь.

Всегда спокойный и рассудительный, с тонким и лёгким чувством юмора и безумно красивыми, немного лукавыми глазами. Дедуля был влюблён в этот мир, и он постоянно с каким-то, как мне кажется, детским восторгом его познавал.

Незадолго до моего рождения моим родителям очень повезло — они смогли достать билеты на «Юнону и Авось» в театре им. Ленинского комсомола. А буквально на следующий день они оба покрылись сыпью: у мамы оказалась свинка, у папы — корь. Болела мама очень тяжело, с высокой температурой, а потом ещё карантин. Речь шла об инфекционном роддоме. Карантин окончился 23 апреля, я смогла дождаться 24-го — всё обошлось. У папы карантин был более долгим, поэтому в роддом нас приехали встречать бабушка с дедушкой. Дедуля молодой (47 лет), красивый. «Папаша, принимай дочку», — сказала нянечка. Дедуля много чего умел в жизни, но вот новорождённых детей держать не научился. Нёс меня к машине на вытянутых руках. Приехали мы сразу на дачу в Барвиху, где я и живу безвыездно с тех пор.

Дедушка очень любил спорить на темы истории и политики. Они с моим отчимом Павлом Каплевичем могли часами вести дебаты (Соловьёв позавидовал бы), начиналось всё тихо, но постепенно страсти накалялись до предела. По-моему, каждый оставался при своём мнении, но важен был сам процесс, а не результат. Мама рассказывала,

что также дедушка спорил и с моим прадедушкой (отцом бабушки Елены Ивановны).

Дедушка был модником. Он очень любил качественные, красивые вещи. Мы часто дарили ему подарочные карточки ЦУМа, и он с большим удовольствием ходил туда, долго всё рассматривал, примерял и задавал множество вопросов консультантам магазина. Задать множество вопросов, узнать всё до мельчайших подробностей, сравнить и выбрать лучшее — это был девиз дедушки всегда и во всём, будь то одежда или лампочки для дома. Я не знаю больше ни одного такого человека, который бы так кропотливо всё изучал.

Последнее своё лето дедушка провёл замечательно. Следил за ЧМ по футболу и, конечно же, ходил на Никольскую улицу посмотреть, что там и как. Много бывал на даче, занимался домашними проблемами, что очень любил. Отдыхал на летней веранде. За две недели до того, как он попал в больницу, мы с ним и с бабушкой абсолютно спонтанно поехали пообедать в ресторан недалеко от нашей дачи. Это был замечательный, очень тёплый вечер. Мы сидели втроем на летней видовой веранде рыбного ресторана и наслаждались вкусной едой. Сохранился чек — бабушка с дедушкой пили пиво, ели блюда из морепродуктов. Я заказала устриц. Наблюдая за сложным процессом поедания устриц, дедушка сказал, что в следующий раз обязательно их закажет... Следующему разу не суждено было случиться...

Но я очень рада, что был тот вечер и он навсегда останется в памяти таким ярким-ярким пятном.

Дедушка безумно любил бабушку. Всегда вместе, всегда рядом. Как-то дедушка сказал тост, который мы (и многие присутствовавшие на том празднике друзья) помним уже много лет: «Лена — это единственный человек, который меня никогда не раздражает».

Дедушка, я очень по тебе скучаю... Очень.

Таня

Мой дедушка

Мой дедушка, дедуля, Владимир Владимирович... конечно же, в нашей семье он был президентом. Президентом, которых не бывает в политике, — умным, чутким, нежным. Пожалуй, только по авторитету он мог сравниться со своим полным тёзкой. Дедушку уважали всегда и везде, за исключением, наверное, только операторов кол-центров, никогда не видевших его вживую и не понимавших, какого калибра человек с ними разговаривает*. Этим исключительным вниманием к людям вокруг, к деталям их жизни, своей интеллигентностью и любовью мой дедушка уважать себя заставлял. И, действительно, лучше выдумать не мог. Даже ушёл он спокойно, не доставляя хлопот, в расцвете сил, а ведь больше всего он боялся потерять комфортный ему образ жизни.

Когда я был маленьким мальчиком, я этого не понимал и встречи с дедушкой частенько превращались в мучение: «Максим, составь дневник и напиши, на что ты тратишь своё время. Прямо возьми и выпиши построчно: 8:00 — проснулся, 9-00 — позавтракал, 10:00–18:00 — играл в компьютерные игры...» Так говорил мне дедушка в надежде оторвать меня от сладкого и беззаботного детства и направить на дорогу в будущее, с космическими целями и мечтами. Мне даже порой казалось, что дедушка меня не любит, а только пытается помешать моим развлечениям. Но я рос, и с каждым днём дедушка начинал играть всё большую роль в моей жизни.

.....

* Однажды ВВБ очень долго уточнял технические детали роутера по телефону и с удивлением услышал на другом конце линии фразу не выдержавшего оператора, адресованную коллеге: «Опять этот дотошный звонит, не хочешь поговорить?»

Однако по-настоящему подружил нас, наверное, Париж, где мы остались вдвоём и где мы стали ровесниками и друзьями, с удивлением открывающими окружающий нас мир. Мы ходили в музеи, рестораны, много гуляли и жили так, как будто весь Париж был построен для наших визитов и прогулок.

Однажды мы зашли с дедушкой в магазин Colette — бутик, позиционирующий себя как самый модный магазин мира. Любая вещь — от одежды до часов и зубных щёток — имеет право находиться непродолжительное время в магазине только в одном случае: если владельцы магазина посчитают их самыми актуальными и стильными товарами в данный момент времени. Неудивительно, что именно здесь мы встретили мэтра дизайнерского мира — Карла Лагерфельда, кутюрье и художественного руководителя бренда Chanel. Я незаметно показал его дедушке и шёпотом сказал: «Посмотри, этот дядечка — самый модный современный дизайнер». И мы начали его разглядывать — полуженские-полумужские сапоги на огромных каблуках, чёрные, эффектные, слегка обтягивающие штаны, чёрный пиджак с блёстками перхоти от ярких пепельно-белых волос, собранных сзади в косичку. Кольца, цепи, ожерелья. Дедушка с интересом за ним наблюдал, пытался подойти поближе, возможно, даже ловил своё отражение в чёрных очках от солнца, неизменно прикрывающих лицо Карла.

Через какое-то время мы вышли из магазина (на улице St.Honore) и пошли часовой прогулкой до дома по ночному Парижу на av. Bosquet, где в доме 26 мы жили. По пути домой мы практически не разговаривали, но я видел, что дедушку что-то очень волнует и мыслительный процесс идёт у него полным ходом. Наконец мы зашли в наш подъезд и поднялись по лестнице с ковровой дорожкой, помнившей ещё Париж Бонапарта и Людовика XIV. Через 20 минут я наконец-то понял, в чём дело. Дедушка зашёл на кухню и очень серьёзным тоном задал вопрос: «Максим, скажи, а я тоже должен так одеваться... как Карл Лагерфельд?» И тут я понял,

что всю дорогу домой дедушка представлял себя в обтягивающих штанишках, сапогах на каблуках и вроде бы и хотел идти в ногу со временем, но явно не настолько.

При этом дедушка всегда был огромным модником. Модником эталонного, мужского стиля. Он мог бы рекламировать свой любимый Hugo Boss или быть моделью Zegna — костюмы и элегантные пиджаки ему шли и были неотъемлемой частью его гардероба. В Москве и в поездках дедушка очень любил зайти в универмаги, да что уж там, последней его покупкой при жизни стала кожаная куртка, которую он собирался носить осенью 18-го.

До осени 18-го дедушка не дожил. Не закрыл поддувала дома на зиму, не проверил котёл и газовые счётчики. Не поиграл с домашними животными и не почистил снег перед воротами, чтобы дочке и внучке было удобнее заезжать на машине во двор. Дедушка был удивительно хозяйственным и любил всё держать под контролем и систематизировать, чему доказательство — рукописные инструкции на любой случай жизни, оставшиеся у нас дома. Дедушка был... до сих пор не верится, что его нет, потому что внутри остаётся ощущение, что он рядом и его так много.

Дедушка с бабушкой часто приезжали на родовую дачу в Барвихе. Там дедуля научил меня играть в шахматы, катался со мной на велосипеде и даже старался играть в футбол. Ещё говорил дедушка, как надо бить, если напали хулиганы: «Делай вид, что бьёшь левой, а в этот момент ударяй правой». Не знаю, использовал ли он эти приёмы сам или видел их в исполнении своего большого друга и, кроме всего прочего, отличного спортсмена, Зория Балаяна. Зорием дедушка восхищался, и мне кажется, что видел в нём воплощение тех мечт, которые не успел осуществить сам — сходить в кругосветное путешествие, проехать на собачьих упряжках всю Камчатку.

Дедушка иногда любил надо мной подтрунивать и рассказывать про своё детство: «Максим, моё детство было намного лучше твоего — у нас был водитель, повар, домра-

ботница, больше пяти человек прислуги». Счастливый советский ребёнок — другого не сказать. Вообще, дедушка любил всё советское. Владимира Дмитриевича и весь ассоциативный ряд возле него — дача, Ленин, коммунисты, классовое равенство и использование одной заварки чая на протяжении нескольких дней. Дедушка скучал и по времени, когда он был в центре огромной газеты с корпоративной жизнью и корреспондентами по всему земному шару.

Но этот земной шар дедушка тоже почти весь осмотрел, а ещё ставил галочки против каждой посещённой страны. Помню, он радовался, как ребенок, когда мы поехали в Люксембург и смогли за один день добавить целую страну в коллекцию посещений. А в 2009 году мы вместе поехали в городок Живерни в часе езды от Парижа, родное поселение художника Клода Моне. Вместе со мной и мамой поехали мой друг Антон Цимблер с младшей сестрой — 5-летней Ликой и их бабушкой — Валентиной Евгеньевной. Мы ехали в поезде, и Лике очень заинтересовала бритая наголо дедушкина голова. Лика долго её с разных сторон осматривала и вдруг посреди вагона поезда начала облизывать дедушкину голову, словно леденец. И продолжалось это почти полчаса. Дедушка не понимал, как следует реагировать, и лишь смущённо улыбался своему счастью. И он действительно был счастлив, любим и обожаем.

Одна из последних фраз, которую сказал мне дедушка: «Да-а, Максим, ты у нас, конечно, великий организатор». И как-то не по себе теперь становится, когда чувствую, что неправильно трачу своё время. Потому что дедушка в меня верил и нельзя его подвести. Дедушка, мне тебя очень не хватает, очень.

В этот же день на обратный поезд мы опоздали. Дедушка сидел на лавочке около пруда с кувшинками, ловил лучи уходящего солнца и никак не хотел уезжать из столь романтического места.

Максим

НАША СЕМЬЯ

БОНЧ-БРУЕВИЧ Владимир Дмитриевич (1873—1955)

Родился в семье землемера. Учился в Межевом институте в Москве, за организацию выступления студентов был исключён и выслан в Курск, окончил Курское землемерное училище. С 1892 года — участник марксистских кружков. С 1895 года — член Коммунистической партии. Эмигрировав в 1896 году, учился в Цюрихском университете. Установил связь с группой «Освобождение труда», организовывал переправку в Россию революционной литературы и печатных станков. Познакомившись с В. И. Лениным, сотрудничал в «Искре». Организовал центральную библиотеку и архив ЦК РСДРП. Участник создания газеты «Вперёд», подготовки 3-го съезда РСДРП. Участвовал в революционных событиях 1905—1907 годов в Петербурге, сотрудничал в большевистских газетах. Организовал ряд большевистских книгоиздательств. В 1910—1911 годах — член редакции газеты «Звезда», с 1912-го — газеты «Правда». Подвергался арестам. После Февральской революции 1917 года — член Исполкома Петроградского совета, член редакции газеты «Известия» Петроградского совета. Редактор большевистской газеты «Рабочий и солдат». Во время Октябрьской революции комендант района Смольный-Таврический, член Комитета революционной обороны Петрограда. В 1917—1920 годах — управделами СНК РСФСР. Руководил в 1918 году переездом правительства из Петрограда в Москву. Выполнял множество не-

отложных дел, непосредственно порученных В. И. Лениным. Девять лет руководил опытным совхозом «Лесные поляны». В то же время не прекращал научную и журналистскую деятельность — возглавлял издательство «Жизнь и знание», участвовал в работе партийного издательства «Коммунист», сотрудничал в РОСТА. В 1918 году избран действительным членом Социалистической академии общественных наук. Издал ряд книг по истории революционного движения в России, истории религии и атеизма, сектантству (осенью 1898 года участвовал в переселении духоборов в Канаду, помогал им устроиться на новом месте), этнографии и литературе. Инициатор создания и с 1933 года — директор Государственного литературного музея. В 1945–1955 годах — директор Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде. Награждён орденом Ленина.

*Санаторий Санупра Кремля «Барвиха»
5 апреля 1953 г.*

Дорогой мой, милый, хороший Вовочка,

пишу тебе рано утром в день твоего рождения и поздравляю тебя, дорогого моего мальчика, близкого моему сердцу, с высокаторжественным днем твоего первого совершеннолетия, совершающегося в день твоей шестнадцатилетней весны, совпадающей с годом твоего окончания десятилетней школы. Крепко тебя обнимаю и целую, радуюсь всем моим существом твоей радости веселого, серьезного, светлого дня твоей свежей юности. Сегодня ты переступаешь порог твоей новой жизни, переходя от отрочества к зрелой юности. Тебе предстоит большая

жизнь в недрах нашего общества, победно идущего от социализма к коммунизму. И это не должно быть красивой фразой, а серьезным настойчивым делом — делом всей жизни, твоего счастливого поколения, которому суждено претворить в жизнь мечтания, борьбу и страстные стремления лучших людей человечества, стремления целых поколений трудящихся.

На пути твоей жизни встретятся, как у каждого, и радость, и горе, и затруднения, и ошибки, и достижения великих дерзновений и все то, что украшает и печалит жизнь. Во всем будь мужественен и благороден. Что бы ни случилось в жизни — не теряйся, ко всему подойди с идейным размышлением и анализом. Всегда все разъясняй себе и другим, прежде всего подумав и хорошенько поразмыслив, как на все это смотрят комсомол и наша великая коммунистическая партия, которая никогда не ошибается своим коллективным разумом. Изучая ее решения, изучая основы марксизма из творения великих учителей наших Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, — твердо знай: всегда будешь стоять на верном пути и никогда ни в каких вопросах не сворачивай с генеральной линии Партии. Ея решения должны быть всегда во всей твоей жизни путеводной звездой, за которой ты должен следовать всегда всю жизнь, помня, что жизнь наша принадлежит нашей родине, нашему отечеству, что мы все, комсомольцы и коммунисты, должны быть неизменными патриотами даже до самой смерти. Личную жизнь не отличай от партийной. Партийность, т. е. проникновение всего существа человека служением трудящемуся народу на всех поприщах жизни, — должна пронизывать все наше существо, все помыслы, дела и всякое творчество, которое только тогда высоко, гуманно и хорошо, когда оно глубоко идейно. То предстоящее тебе творчество, которое ты сам свободно и вольно выбираешь себе после окончания десятилетней школы, требует от тебя глубоких знаний, проникновенной мысли, широкого образования,

вдумчивости, серьезной и усидчивой работы. Только труд, ежедневный и ежечасный, продуманный и настойчивый при даже большой природной одаренности, даст возможность развиться прирожденным качествам. Это, конечно, не исключает возможности хорошего, осмысленного отдыха, прогулок, путешествий, но всегда все делая с умом и не давая себя увлечь какими-либо излишествами. Все великие борцы революции являются замечательным примером в их личной жизни: будем стараться и следовать их примеру.

Дорогой мой Володюшка, знай и помни, что я всегда, и день и ночь, с тобой. Будем самыми близкими и открытыми друзьями, и знай и твердо помни, что, что бы с тобой ни случилось, всегда будь уверен, что я здесь с тобой и моя рука всегда в твоей руке и мы вместе все обсудим, все решим и все сделаем так, как быть должно, согласно нашей твердой воле, нашей коммунистической этике и выработанным и выстраданным целыми поколениями революционеров правилам личной жизни и жизни общественной. Ты никогда не был и не будешь одинок: мы всегда будем вместе с тобой, в окружении любящей тебя мамы и Ани и всех, кто близко и хорошо знает и любит тебя.

Крепко, крепко обнимаю тебя и прижимаю к моему еще хорошо бьющемуся сердцу, целую много раз и, полный счастья за тебя, люблюсь тобой, мой прелестный Вовочка, и очень хорошо и близко люблю тебя, мой дорогой мальчик, и благословляю тебя на путь хорошей широкой жизни.

***Твой отец, дед и друг
Влад. Бонч-Бруевич***

12 января 1955 г.

Дорогой Вовочка,

посылаю тебе мои воспоминания «Смело, товарищи, в ногу!», которые напечатал «Московский комсомолец», кое-что сократив, особенно в конце, и неудачно. Надеюсь, что мне удастся напечатать все это целиком в одной из моих книг, которые я готовлю к печати.

Прочти и скажи мне мнение твое и твоих товарищей.

Я тебе вчера дал мою статью «В. И. Ленин об устном народном творчестве» — оттиск из журнала «Советская этнография» (№ 4, 1954) Академии наук СССР. Обязательно со вниманием прочти. Это взгляд Владимира Ильича на фольклор. Она полезна будет и вашим преподавателям.

Когда прочтешь, расскажи мне о твоём впечатлении.

***Крепко тебя обнимаю.
Твой Влад. Бонч-Бруевич***

5 ноября 1954 г.

Дорогой Вовочка,

1. Посылаю тебе тройчатку — кодеин — кофеин — принимать ты знаешь как: Лидия Дмитриевна тебе сказала.

2. Стрептоцид белый — если продолжает болеть горло.

И № 3. Очень хорошее лекарство, если желудок тугой, — алоэ, ревень, подефилин. Надо принимать одну таблетку часов в десять вечера. Будет действовать утром.

Спроси, если хочешь, у Лидии Дмитриевны — она тебе подтвердит.

Как жаль, что ты болеешь. Надо обязательно окрепнуть.

Ты, кажется, должен идти в поликлинику. Если пойдешь, не забудь заказать мне по рецепту спирт и все прочее. Он мне бывает нужен.

***Всего тебе наилучшего,
крепко тебя обнимаю.
Твой Влад. Бонч-Бруевич***

4 сентября 1953 г.

Дорогой мой милый Володюшка,

посылаю тебе первую тетрадь — тетрадь № 4 — отмеченных мной статей в «Известиях», в «Правде», в «Комсомольской правде», в «Литературной газете» — это систематически, а из других случайно. Это тетрадь, которая будет иметь продолжение на тему: «Искусство, Музыка, Театр, Художники, Кино». Все вырезала и прекрасно наклеила Клавдия Борисовна: спасибо ей! Отнесись к этой работе серьезно: тебе, будущему журналисту-публицисту, совершенно необходимо следить за современной прессой как в этой области, так и в области литературной газетной критики, так и в области политики. Я знаю, как ты нагружен разнообразной работой и сам не успеешь это сделать, разве проглядишь газету! А надо все эти руководящие статьи или особо интересные по всем этим вопросам всегда иметь под руками, вдумчиво и спокойно изучать их, реферировать у себя в тетрадках, отмечать, с чем согласен и с чем не согласен, критиковать, продумывать всю эту современность, от которой тебе нельзя отрываться, а нао-

борот надо углубляться. Особенно надо глубоко обращать внимание на директивные в области литературы, критики, публицистики и искусства статьи в «Правде», которые в большинстве случаев являются руководящим мнением ЦК Партии, высказываемом через ЦО Партии.

Все это тебе будет нужно для непосредственных твоих занятий в Университете, для дискуссий, докладов, рефератов и сочинений, которые вы будете осуществлять в ваших курсовых занятиях. Конечно, кроме этого необходимо будет вдумчиво читать большие журналы, которые мы будем в 1953 г. покупать отдельными номерами, а с 1954 г. на все подпишемся. Прошу тебя ежедневно выделять время на прочтение всех этих статей и сообщить мне твое мнение обо всем этом деле.

Я считаю его для тебя крайне полезным ввиду твоего поступления на факультет журналистики, но еще не знаю, как ты ко всему этому относишься. В каждой тетрадке потом сделаем оглавление и перенумеруем страницы, чтобы легко было все находить. Отдельной тетрадью будут материалы о днях болезни, смерти и похоронах И. В. Сталина.

Кроме того, будет тетрадь с извещением о смерти деятелей литературы, искусства и науки и их газетные некрологи.

***Обнимаю тебя, мой дорогой.
Твой Влад. Бонч-Бруевич***

27 сентября 1954 г.

Дорогой мой друг, хороший мой Вовочка,

с великой радостью и счастьем прочел я только что в газете «Сталинское слово» (г. Кунцево), в № 116 от 26 сентября 1954 года твою первую статью, появившуюся в печати.

Целый подвал в пять колонок заняла твоя статья «Школьникам — практические навыки». Я с большим вниманием прочел ее несколько раз, желая не только хорошо познаться с содержанием, но и со способом твоих обобщений, а также с ритмом языка литературного, лично тебе присущего. Я убедился в некоторой оригинальности твоей письменной речи и вижу, что тебе есть над чем работать. Когда я тебя увижу, мы серьезно обсудим самое построение статьи, ее язык, ее обобщения и изложение фактов. Статью я считаю удачной и вижу, что если ты пристально будешь работать, то несомненно ты усовершенствуешь средства и язык твоих литературных работ, и твое живое творчество даст тебе много радостей. Совершенно необходимо тебе еще более сосредоточиваться, обдумывать весь тот материал, который будет служить тебе в твоих наблюдениях жизни и литературных обобщениях; если ты не будешь жалеть ни времени, ни труда для усовершенствования своих произведений, то все это сулит тебе много высоких творческих радостей. Кроме того, совершенно необходимо каждый день читать художественные произведения, серьезные критические и публицистические работы не только наших современников, но от Пушкина до наших дней. Впечатления от прочитанного записывать для себя, как бы ведя свой литературный дневник. И все это вместе взятое сильно обогатит твой язык, твои знания, и даст развиться многим собственным мыслям, образам и картинам. А сейчас, дорогой мой, искренне, от всего сердца поздравляю тебя со вступлением на тернистый, но радостный путь литератора, с которого никогда не сходи, предпочитая его всякому другому. Развивай себя наблюдениями жизни, учением великих мастеров всесветной литературы, живи сосредоточенно и все остальное приложится тебе. Крепко обнимаю тебя и радуюсь, что я дождался дня выступления на этот радостный желанный путь идейной жизни.

Твой Влад. Бонч-Бруевич

БОНЧ-БРУЕВИЧ АННА СЕМЁНОВНА

(1886—1956)

Родилась в городе Куйбышеве. Училась в Томской гимназии, затем на курсах при Томском медицинском университете. В 1905 году принимала участие в революции, жандармами у нее был произведен обыск. Переехав в Москву, работала зубным врачом, с 1907-го по 1912 год при Московском областном бюро РСДРП(б) в финансовой комиссии. Предоставляла свою квартиру для явок, ночевок, хранила литературу, собирала средства для РСДРП(б) и др. Помогала партийным товарищам, бежавшим из Сибири, перебираться через границу, снабжала их документами, одеждой, денежными средствами. В апреле 1919 года пошла добровольцем на фронт, была врачом. По возвращении в 1920 году с фронта в Москву работала в Наркомтруде, в Культотделе, была направлена в Крым, где пробыла год. В 1922 году вышла замуж за В. Д. Бонч-Бруевича. С октября 1923 года работала заведующей кооперативным издательством «Жизнь и знание», секретарем правления Госиздата, управляющей конторой изданий Государственного литературного музея, замдиректора в «Академкниге». Всегда была верным другом и помощником своего мужа. Скончалась в 1956 году.

Письма Володе

Дорогой Вовик!

Как я была рада, получив твое письмо. У тебя много дел, но основное — учеба, не заметишь, как надо сдавать зачет. Уже пора сесть за занятия, время летит. Почему ты за все время не был в театре, в консерватории?

Очень рада, что такой университет красивый, приеду, обязательно поеду смотреть...

Крепко тебя целую и обнимаю.

Твоя Аня

Пятигорск, 26.5

Дорогой мой хороший мальчик!

Как ты поживаешь, как твое настроение и учеба, правда, мне Володик пишет о учебе, но от тебя самого я ничего не получила. Знаю, что военное дело у тебя прошло хорошо, а 24 не знаю. Вчера я не получила ни одного письма, а до вчерашнего дня я получила 11 писем и в воскресенье говорила по телефону, была опечалена, что тебя не было на даче и я не слышала твой голос, но что подделаешь...

Все ли у тебя есть? Заботятся ли о тебе? Получил ли костюм, не очень ли узкие брюки, купил ли носки? Где за это время был, что видел? Я здесь видела кино, чеховская «Анна на шее». Советую посмотреть, чудесно. Постановка

Анненкова, прекрасный пейзаж и, конечно, хорошая игра. Как тетя Юля? Дед писал, что она очень редко бывает на даче, и помалу. Не оставляйте его одного. В воскресенье он говорил со мной, у него была Леля и Верочка, он мне сказал, а вот Вовочки нет. Мне стало грустно за то, как много он тебе уделял, Володик, внимания, а теперь он ничего не говорит, но ему это очень больно. Здесь я живу каждый день надеждой, что мне почта принесет что-нибудь новое, хорошее. Как поживают твои товарищи? Как мама? Занимаешься ли ты английским? Когда начнутся экзамены, в каком порядке и когда ты прекращаешь регулярное посещение лекций? Ведь, кажется, во время экзаменов уже лекций нет, чтобы я могла позвонить, если вы сами не будете. Хорошо бы было после экзамена мне позвонить, заранее написав часы и дни, чтобы я была дома. Вот, мой дорогой Вовук, все. Всем привет. Целую тебя много, много раз. У меня на столе твоя карточка от 46 г., где надпись «Дорогой моей Анюте, Анютиным глазкам от Вовы голубоглазого. Октябрь 1946 г.». Снято перед школой, ты такой веселый, зубки все видны, а теперь ты не такой. Ты свою Аню не любишь, а мне это очень горестно. Правда, ты стал больше, у тебя много новых интересов, но это не значит, что ты должен измениться так. Я тебе желаю много здоровья, энергии к экзаменам и бодрости духа. Еще раз я тебя целую, моего маленького, крепко, крепко и много раз.

Твоя Аня

Деда крепко поцелуй за меня и знай, что тебя так, как он любит, никто в свете не любит, даже я.

Аня

СЛОВО НА ОТКРЫТИИ ВЫСТАВКИ

*к 140-летию со дня рождения В.Д. Бонч-Бруевича
в Государственном литературном музее
(сентябрь-октябрь 2013 г.)*

Используя известные слова Аполлона Григорьева о Пушкине, я скажу о главном в моей жизни человеке: он был для меня всё. Он был дедом и отцом, другом и учителем, он олицетворял для меня русскую историю и русские революции, создание нового государства, в котором мы жили. Он был наставником, он мог ответить на любые мои вопросы. Он единственный был посвящён во все мои юношеские секреты. Он был первым читателем и редактором моих литературных опытов — от школьных сочинений до первых журналистских материалов в районной газете.

Он был для меня примером, непререкаемым авторитетом. Только к нему шёл я за советом, особенно когда стал секретарём комитета комсомола и нуждался в поддержке. Только он был для меня — пусть это не вызовет сейчас улыбки — мудрым партийным руководством. Он был идейным человеком и идеалы служения Родине и трудовому народу пронес через всю свою долгую жизнь. Он был для меня добрым сказочником, рассказывающим больному ребёнку из вечера в вечер бесконечную сказку о Робинзоне и Пятнице, которые превратили свой необитаемый остров в обитаемый и создавали на нём счастливое общество в гармонии друг с другом и природой. Он открывал для меня богатство великой нашей литературы, нашей поэзии, сборники которой он многократно переиздавал,

помещая на обложке портрет Некрасова, которого, ничуть не принижая любимых им Пушкина и Лермонтова, считал особенно близким к народу, к простому человеку, к мужику, которого надо учиться уважать. И то, что он для меня всё, я знал с младых ещё ногтей, когда при приёме в школу, не поняв, что означают буквы «А» и «У», и на подсказку учителя, что, мол, буду кричать, если заблужусь в лесу, медленно ответил: «Деда!».

Диалектику я точно учил не по Гегелю, а по жизни отца. В ней связывалось, казалось бы, несоединимое. Потомственный дворянин, он вошёл в рабочее революционное движение, убеждённый атеист, он изучал старообрядчество и сектантство, собирал устное творчество духоборов, молокан, баптистов и чемеков, дружил с ними и защищал их от притеснений царским правительством. Представитель новой власти, он заботился о сохранении культурного наследия старого мира, в разгар гражданской войны и разрухи написал брошюру «Сохраняйте архивы!» — взволнованный призыв к тому, чтобы в революционном порыве не утратить бесценные материалы русской культуры. Как Управляющий делами Совета народных комиссаров, он подписал охранную грамоту на усадьбу Ясная Поляна и другие подобные документы.

Замечательны были взаимоотношения двух братьев — Владимира Дмитриевича и Михаила Дмитриевича. Они учились в одном полувоенном Межевом институте, Михаил окончил его с отличием, а Владимир был исключён с волчьим билетом за участие в студенческих волнениях. Михаил Дмитриевич делал стремительную карьеру, став полным генералом, высоким сановником. А Владимир Дмитриевич — в подполье, в эмиграции, многочисленные аресты. Но братья дружат, связь не прерывается. Сохранилось письмо: отвечая на упреки брата в связи с эмиграцией, Владимир Дмитриевич пишет: «Я убеждён в том, что должны же, наконец, перемениться у нас общественные порядки, что сложу свои кости не за границей, а в России,

которую люблю измученной любовью». А я помню уже в пятидесятые годы, как Михаил Дмитриевич, истинно верующий человек, по воскресеньям всегда ходивший в церковь, после службы по дороге заходил к нам, братья пили чай и доверительно беседовали.

Многогранность деда меня всегда поражала. Ещё штрих — наряду с организацией многих газет, журналов и издательств, архивов и музеев, аппарата правительства и различных других органов власти, он основал под Москвой один из первых совхозов «Лесные поляны» и долгое время был его директором. А у нас на даче он со знанием дела занимался огородом и садом, заботился о запасе элитных семян, хороших саженцев...

Все школьные годы я жил на даче, учился в расположенной рядом сельской школе. И деда постоянно жил на даче. Ему было в то время уже за 75, на работу в Академию наук он ездил не каждый день, а в московской квартире работал его секретариат во главе с Клавдией Борисовной Суриковой, который занимался как текущими делами, так и работой с архивом, разборкой, систематизацией того самого архива, который теперь находится в рукописном отделе Ленинской библиотеки и, как мне говорили, является по объёму вторым в стране после архива Льва Николаевича Толстого.

В Москве в последние годы он диктовал письма, но большую часть писал собственноручно. Проживший полжизни в бестелефонную эпоху, он привык к эпистолярному жанру. Он доверял свои мысли, чувства бумаге. Часто вслед за телефонным разговором следовало письмо. А ещё в последние годы он плохо слышал. Пользовался прибором, но техника тогда была примитивная, громоздкая, плохого качества. Если мы не виделись несколько дней (это происходило, когда отец был в больнице, особенно в последний год он тяжело страдал из-за сильнейшего диабета), он и мне писал письмо за письмом, обсуждая все мои новости, давая очень важные советы — ни в коем случае не назидательно, а мягко, дружески. В день

моего совершеннолетия он писал: «Сегодня ты переступаешь порог твоей новой жизни... Только труд, ежедневный и ежечасный, продуманный и настойчивый... даст возможность вполне развиться прирождённым качествам... Будем самыми близкими и откровенными друзьями, и знай и твёрдо помни... всегда будь уверен, что я здесь с тобой и моя рука всегда в твоей руке... Благословляю тебя на путь хорошей широкой жизни. Твой отец, дед и друг. Влад. Бонч-Бруевич».

Он был открытым человеком. Оставляя все до единого, без исключения, письма, записки, заметки, часто по глубоко личному поводу, он всё просил перепечатывать и сохранять в архиве. Понимая, что архив этот останется навечно и доступ к нему будет открытым для всех.

Мне кажется точным и потому удачным название выставки «...всегда — дело, без отдыха». Деда действительно не признавал праздности. А отдыхом для него была смена занятий: утром он писал свои работы, воспоминания, потом читал почту, затем отвечал на письма, изучал чужие рукописи, писал рецензии, читал газеты, новые книги или перечитывал старые. Иногда они с бабушкой Анной Семёновной ездили на воскресенье в дом отдыха «Сосны», раз мы все вместе плавали по Волге до Астрахани, были в санаториях Железноводска и Кисловодска. И всегда нас сопровождали несколько портфелей, набитых (другого слова не подберу) рукописями так, что их приходилось перевязывать прочной верёвкой.

Не мне в этих стенах говорить об одном из важнейших дел отца — создании Литературного музея. Тем более что в начале 30-х годов меня и на свете не было. Но я хорошо помню, с какой любовью, даже с нежностью, с каким энтузиазмом относился он ко всему, связанному с Гослитмузеем. На стенах дачного его кабинета были приколоты портреты писателей, издаваемые музеем. Такие же рисунки висели и в моей комнате. Я помню, какое внимание он уделял «Летописям» и «Звеньям», как, говоря сегодняш-

ним языком, пробивал издание альбома портретов советских писателей, сделанных Анатолием Никифоровичем Яр-Кравченко, как специально ездил в Ригу (и меня разбрал с собой), где альбом печатался. И помню, сколько горечи доставляли ему чиновники от культуры, которые широту взглядов Бонч-Бруевича понять не хотели и не могли.

Читая эпистолярию (поясню, что эпистолярия — это переплетённые в тома копии писем с 1894 года по 1955-й, то есть за шестьдесят лет — и каких лет!), так вот, читая эпистолярию за начало 30-х годов, видишь, какой титанический труд был вложен в фундамент Литературного музея. Фанатичный архивист, он организовал по всей России и по всей Европе розыск материалов, связанных с жизнью и творчеством писателей, которые и легли в основу богатейших фондов Гослитмузея.

Конечно, мои воспоминания касаются лишь последних лет жизни Владимира Дмитриевича. На предыдущих юбилеях о большем периоде могли рассказать дочь отца и его первой жены Веры Михайловны Величкиной — Елена Владимировна и внук Виктор Леопольдович. Увы, теперь их уже нет с нами; из тех, кто знал отца при жизни, остался я один.

И я безмерно рад тому, что и сегодня, спустя восемь десятилетий, Литературный музей сохраняет и развивает традиции и направления, заложенные основателем и первым директором. Замечательно, что в музее работают люди, преданные литературному и архивному делу. Я думаю, что отец был бы доволен такими сотрудниками. Я хочу выразить свою глубокую благодарность за организацию этой выставки. Благодарю директора Государственного литературного музея Дмитрия Петровича Бака, для которого эта выставка стала одним из первых дел на его новом поприще. Благодарю вложивших много времени и сил в подготовку выставки: Алексея Яковлевича Невского, Евгению Михайловну Варенцову, Дарью Владимировну Каверину, Анну Сергеевну Урюпину и всех других, с кем я ещё не знаком. Спасибо вам, большое спасибо!

Мама

**ФУРЕР
НЕЛЛИ МОИСЕЕВНА**

(1916—2004)

Родилась в Москве в 1916 году в семье научного работника. После развода родителей переехала с матерью в Париж, окончила лицей. В 1935 году возвратилась в Москву, поступила в ИФЛИ, в 1937 году перевелась в медицинский институт. Вышла замуж за сына Анны Семёновны от первого брака Иосифа Черномордика, отца Володи. Он был арестован вскоре после рождения сына и погиб. Позже она вышла замуж за известного скрипача Самуила Фурера. Работала во Всесоюзном научно-исследовательском институте по пенициллину и другим антибиотикам, затем в Центральном институте усовершенствования врачей. Под руководством академика З. В. Ермольевой принимала участие в получении первого советского интерферона. Доктор медицинских наук, автор многих научных работ. Владела несколькими иностранными языками.

ТАБЕЛЬ

*Итоговые оценки знаний и поведения
Ученика 6 «А» класса Бонч-Бруевича В.*

Оценки по четвертям					
НАЗВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ	2	3	4	ЭКЗАМЕ- НЫ	ГОДОВАЯ ОЦЕНКА
Русский язык (устно)	5	5	5	5	5
Русский язык (письм.)	5	5	5	5	5
Литература	5	5	5	5	5
Арифметика				5	5
Алгебра	5	5	5		5
Геометрия		5	5		5
Естествознание	5	5	5	5	5
История	5	5	5	5	5
География	5	5	5	5	5
Физика	5	5	5		5
Немецкий язык		5	5		5
Рисование		5	5		5
Поведение	5	5	5		5
Прилежание	5	5	5		5

Жена

**БОНЧ-БРУЕВИЧ (Бойцова)
ЕЛЕНА ИВАНОВНА**

Родилась в 1940 году. До 15 лет жила в городе Ставрополе. Окончила в Москве 59-ю школу имени Гоголя и факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Работала в газете «Московский комсомолец», издательстве «Советская энциклопедия», издательстве Агентства печати «Новости». Училась в Академии общественных наук при ЦК КПСС, кандидат философских наук.

Александр ДМОХОВСКИЙ
поэт, сосед по дому

СВАДЬБА

Вова! Ты ли это в самом деле?
Вот и ты не избежал оков.
Как же это мы недоглядели,
Что опять в «Мосправде» поредели
Стройные ряды холостяков?

Был газетчик ты душой и телом,
В страх вгонял ты секретариат.
Был вполне железный зав. отделом...
А сегодня — на тебе — женат.

Внешне ты совсем не изменился —
Нет брюшка и бас не стал густым.
Может, это только Бонч женился,
А Бруевич ходит холостым?

Как к тебе, к женатому, привыкнуть?
Как теперь с тобою говорить?
Остаётся только «горько» крикнуть
И большую ложку подарить.

Принести десяток поздравлений,
Пожелать, чтоб жил, жену любя...
Нонпарель в отделе объявлений
Да минует, грешного, тебя.

Пусть твои сбываются желанья,
Чтоб и ты бы стать счастливым смог,
Как и автор этого посланья —
Твой сосед, вполне женатый Дмох.

ОДА ПО СЛУЧАЮ 40-летия СВАДЬБЫ ЛЕНЫ И ВОЛОДИ

1

Я помню Лену малолеткой...
В редакционной суете
Володя бросил взгляд свой меткий
В её девичье декольте.
И вместо вёрстки, вместо гранок,
Которых жаждал метранпаж,
Он практикантку спозаранок
Увлёк на отдалённый пляж.
Она кричала иль молчала,
Какой там вышел винегрет —
Не знаю... Только ясно стало,
Что Лена не сказала: «Нет!»
Произошла такая мена,
Что с той поры везде, всегда,
Чего б ни попросила Лена,
Володя отвечает: «Да!»

2.

Итак — живёте вы в нирване,
Полны сюрпризов день и ночь,
То зять сверкает на экране,
То в ресторане блещет дочь.
И настоящее в порядке,
И прошлого почти не жаль —
Лишь бы цвели в Барвихе грядки
И крепла власти вертикаль.

3.

Шли годы... Бурь порыв мятежный
На Бонче не оставил след...
Не то б жену в объятьях нежных
Не удержал он 40 лет!
И пусть узнает вся Барвиха,
Что на одной из местных дач
С друзьями отмечает лихо
Свою удачу из удач
Не мореплаватель,
Не плотник,
А Бонч — ответственный работник!

Август 2001 г.

Тесть

БОЙЦОВ ИВАН ПАВЛОВИЧ

(1896—1988)

Родился в деревне Чащёво Владимирской губернии. Работал на текстильных фабриках. В августе 1915 года был призван в армию, участвовал в боях на Юго-Западном фронте. В июле 1917 году был делегатом на конференции солдат Юго-Западного фронта, поддерживал большевистскую фракцию. Член партии с 1919 года. После демобилизации с 1925 года находился на партийной работе в Ленинграде и Ленинградской области. В марте 1938 года избран первым секретарём Калининского обкома партии. Во время Великой Отечественной войны был членом Военного совета Калининского фронта. Руководил подпольной работой партийной организации в оккупированных районах области, а также организацией партизанских отрядов и их боевой деятельностью. С ноября 1946-го по май 1956 года работал первым секретарём Ставропольского крайкома КПСС. Избирался членом ЦК КПСС и делегатом ряда съездов КПСС. Был депутатом Верховного Совета СССР 1–5-го созывов, депутатом Верховного Совета РСФСР и членом его Президиума. После XX партсъезда был назначен первым заместителем Председателя Комитета Партийного контроля при ЦК КПСС, где на него была возложена ответственная задача по рассмотрению многочисленных дел лиц, репрессированных в период культа личности. Награждён тремя орденами Ленина и многими другими наградами.

Тёща

БОЙЦОВА ТАТЬЯНА ЯКОВЛЕВНА

(1901—1981)

Жена, друг, хозяйка дома. Выростила троих детей, помогала в воспитании внуков.

БОНЧ-БРУЕВИЧ ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА

Родилась в 1962 году. Окончила биологический факультет МГУ и аспирантуру АН СССР. В лихие девяностые ушла из науки, занималась различной предпринимательской деятельностью. Открыла детский центр «Лимпопо» в высотке гостиницы «Украины».

В 2006 году организовала агентство недвижимости «Мезон», которое в настоящее время входит в число основных агентств элитной недвижимости Москвы. Владеет английским и французским языками.

БОНЧ-БРУЕВИЧ (ТАМАРИНА) ТАТЬЯНА АНТОНОВНА

Родилась в 1984 году. В лихие девяностые удалось поучиться в пяти школах. Получив всё же аттестат зрелости, поступила в ГИТИС. Душа была неуёмная, в середине учёбы ГИТИС был брошен. Перевелась во ВГИК. Этим же летом поработала в кино (картина «Папа» Владимира Машкова). Поняла, что и кино не смысл жизни. Получила в итоге экономическое и юридическое образование. В 19 лет открыла собственное дело — кадровую компанию, которая просуществовала пять лет. С 2008 года работает в сфере недвижимости, в настоящее время в семейном агентстве «Мезон». Каким-то образом удалось пристроить несколько бездомных собак, и теперь появилась мечта — организовать приют для животных.

КАПЛЕВИЧ МАКСИМ ПАВЛОВИЧ

Родился в 1994 году. Год учился в средней школе во Франции. Окончил экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова и Парижскую школу бизнеса. Основатель IT компании Junto, занимающейся разработкой программного обеспечения. Владеет английским и французским языками. Любит путешествовать, посетил 45 стран.

Сватья

ТАМАРИНА НИНА АЛЕКСАНДРОВНА

(1926–2018)

Окончила биолого-почвенный факультет МГУ. Прошла путь от учёного секретаря факультета до заместителя декана. Доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член Русского энтомологического общества. Автор более 200 работ по проблемам медицинской энтомологии, в том числе новаторской монографии «Техническая энтомология». Награждена орденом «Знак Почёта», медалями.

Отец Тани

ЛАНГЕ (ТАМАРИН)

АНТОН ЛЕОНИДОВИЧ

Окончил биологический факультет МГУ и аспирантуру. Кандидат биологических наук. Преподавал на биологическом факультете, параллельно работал ассистентом известных фотографов СССР. С 1992 года полностью посвятил себя фотографии. Участник персональных и коллективных выставок, лауреат премий «Золотое

яблоко» и «Обложка года». Много путешествовал, в том числе по неизведанным местам. Его коллекция «Слоны и водопады», снятая в Ботсване, стала классикой. С 2006 года — автор и сопродюсер фото- и кинопроекта «Россия из окна поезда», на фото запечатлена вся Россия — от южной точки до Полярного круга. Удостоен премии ВГТРК «My planet awards» за эту работу. Один из последних крупных проектов — «Хребет. Кавказ от моря до моря».

Жена Антона

КОЛЕСОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

Театральный критик. Автор нескольких книг, в том числе о режиссёре Петре Фоменко.

Отец Максима

КАПЛЕВИЧ ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ

Художник, продюсер театра и кино. Заслуженный деятель искусств России, лауреат премий «Золотая маска», «Хрустальная Турандот» и других. Родился в городе Туапсе в 1959 году. Окончил школу-студию МХАТ им. В. И. Немировича-Данченко. Сотрудничал со многими известными режиссёрами театра (Анатолий Васильев, Владимир Мирзоев, Пётр Фоменко, Галина Волчек, Олег Миньшиков и др.) и кино (Павел Лунгин, Рустам Хамдамов, Александр Сокуров и др.). Оформлял дни русской культуры в Таиланде, Франции, Польше. Его работы находятся в Третьяковской галерее, Русском музее, Театральном музее им. Бахрушина.

Р АНЬШЕ
В СЕХ
*р*асскажет
РЕПОРТЁР*

* Из «Гимна журналистов» А. Аграновича

С «ЭЛЕКТРИЧКОЙ» НЕ СОСКУЧИШЬСЯ

Дорогие читатели! Вы держите в руках первый, так называемый пилотный, номер новой газеты «Электричка». Это издание предназначено вам, и только вам — пассажирам московских пригородных поездов: в первую очередь тем, кто живёт в Московской области, а работает или учится в Москве, или живёт в столице, а отдыхает в Подмоскovie. Вас ни мало ни много — более миллиона человек. Это население иного государства. И как нам представляется, это не просто случайное скопление людей в транспорте, а в основе своей определённая человеческая общность, связанная схожим образом жизни и социальным положением. Каждый из вас некоторую часть своей жизни проводит в вагоне электрички — кто по 30–40 минут, а кто и 2 часа ежедневно. Это время может быть отдано чтению новой газеты.

«Электричка» должна стать надёжным спутником пассажира в дороге. Для этого газета будет жить вашими интересами, проблемами и заботами. Мы ставим своей целью дать читателю необходимую полезную информацию из разных сфер жизни. «Электричка» сообщит о важнейших, касающихся каждого, решениях городских и областных властей, о новостях Московской железной дороги — вашего временного дома на колёсах.

«Электричка» будет рассказывать об электричках. Вам, знающим об электропоездах немало, мы хотим показать то, что в суматохе дней иногда и не замечаешь. Ведь электричка — это здорово! Надёжно, тепло, светло и, главное, дёшево. Несмотря на все недостатки, которых немало, это так. Достаточно сравнить точность поезда и стояние в пробках автомашин, послушать воскресные песни тури-

стов или сопоставить цены на железнодорожные билеты со стоимостью проезда другими видами транспорта. Наши репортажи будут посвящены животрепещущим темам, о которых говорят в электричке, тому, что читают в дороге и в какую увлекательную экскурсию можно отправиться на электропоезде. Читателей, наверное, заинтересуют тематические страницы газеты. Одна — о приусадебном хозяйстве и садовом участке, другая — о правах потребителей, качестве товаров и ценах, следующие — о новых лекарствах и методах лечения, строительных материалах и инструментах, о юридических советах и социальных прогнозах. Мы посоветуем, куда пойти работать и учиться, где повысить квалификацию, в каких магазинах можно недорого, но модно одеться. И наряду с этим — новости культуры, шоу-бизнеса, жизнь кумиров, аннотации новых фильмов, происшествия и, наконец, развлекательные страницы с дорожным кроссвордом. Каждый, надеемся, найдёт себе чтение по душе.

В пилотном номере мы, естественно, не смогли заявить все темы, но сами названия рубрик, думаем, привлекут читателей-пассажиров: «Поезд здоровья» и «Стук колёс», «Вагон-ресторан» и «Стоп-кран», «Бегущие рельсы» и «Встречи в пути». Но это только начало. Многое другое ждёт своей реализации в дальнейшем.

«Электричка» — ваша газета. Мы отдаём сегодня на ваш суд пробный, заявочный номер, изданный совместно с еженедельником «Мир новостей» и агентством «Желдорпресс».

Регулярный выпуск газеты начнётся в 2005 году. До скорой встречи!

***Владимир Бонч-Бруевич,
Главный редактор газеты «Электричка»***

ВЕК «ИЗВЕСТИЙ»

Первый номер «Известий» вышел в день Февральской революции 28 февраля 1917 года (13 марта по новому стилю). О том, как буквально за одну ночь удалось создать новую газету, активный участник её выпуска известный деятель революционного движения Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич подробно рассказал в своих воспоминаниях. Публикацию этих материалов подготовил сын В. Д. Бонч-Бруевича Владимир Владимирович — единственный на сегодняшний день человек, который о тех событиях знает не из старых подшивок и архивов, а из первых уст, — ему, в начале 50-х годов прошлого века поступавшему на факультет журналистики МГУ, отец подробно рассказывал о создании рождённой революцией газеты.

27 февраля, после стачек и забастовок, в Петрограде началось вооружённое восстание рабочих и солдат Петроградского гарнизона. В этой обстановке в Таврическом дворце образовался Петроградский Совет рабочих депутатов и его исполком.

«Поздно ночью, часа в два-три, в разгар первого заседания Совета, в ночь с 27 на 28 февраля встал вопрос о необходимости для Совета создать свой орган... Дело облегчалось для меня тем, что типография и рабочие для газеты уже имелись. До революции выходила довольно распространённая «Газета-Копейка», обладавшая одной из лучших в то время в Питере типографией. И вот оказалось, что В. Д. Бонч-Бруевич в первые же часы революции успел каким-то образом захватить в свои руки эту типографию, о чем поспешил сообщить Совету», — вспоминал Ю. М. Стеклов, которого в эту ночь назначили главным редактором ещё не существующей газеты.

А вот воспоминания самого В. Д. Бонч-Бруевича: «Ещё гремели первые революционные битвы на улицах Петрограда, где восставший народ выковывывал свою свободу, когда пришлось подумать об организации вольной революционной прессы. Я решил немедленно организовать издание «Известий Совета Рабочих Депутатов» по образцу тех, в выпуске которых мне приходилось принимать участие ещё в 1905 году в Петрограде в легальных типографиях, занятых нами революционным способом под постоянной угрозой быть захваченными царской полицией.

Собрав отряд солдат (преображенцев, лично мне известных, так как я в этом полку имел значительные связи ещё до революции), на грузовике поехал я занимать типографию акц. о-ва «Копейка» на Лиговке (в Сайкином переулке) в районе очень беспокойном, черносотенно-хулиганском, где можно было ожидать всяких случайностей и нападений. Пригласил на это дело Никол. Иван. Иорданского. Мы заняли типографию (там нашли спавшего инженера и трёх печатников, работавших в ночную смену, которые выразили свою полную солидарность с восставшими) и, всё приготовив к выпуску газеты, отправились в Таврический дворец в Исполнительный Комитет для получения материалов. Здесь шёл непрерывный митинг и еле-еле пришлось добиться назначения официальной коллегии. Далеко не все члены коллегии поехали глубокой ночью на Лиговку, где было темно, неуютно, да к тому же и городовые осыпали широкий проспект пулемётным огнём. В автомобиле оказались: Авилов, Базаров, Влад. Бонч-Бруевич да ещё один премилый товарищ поляк — Р. Арский (Радзишевский). (По дороге были дважды обстреляны из пулемета, но, к счастью, никто не пострадал.) Мы вовремя вернулись в типографию, ибо и солдаты и рабочие думали уже, что мы не приедем. Время было позднее, материалов у нас почти никаких не было, и мы принялись писать, причём я отдал распоряжение готовить машины к напечатанию ста тысяч экземпляров первого номера «Известий

Петроградского Совета Рабочих Депутатов». Метранпаж стал готовить заголовок.

Мы привезли с собой лишь воззвание «К населению Петрограда и России от Совета Рабочих депутатов», которое в Совете вырабатывала комиссия, и в которую я был делегирован от редакции «Известий». Я застал комиссию в усталом, изнемогающем состоянии, — это было уже два часа ночи. Наконец, кое-как закончив общими усилиями этот первый акт — это первое воззвание Совета, — мы хотели зачитать его в общем собрании, но, увы, там бодрствующих людей было крайне мало. Чхеидзе говорил надорванным шёпотом, махал руками и восклицал чуть слышно: «печатайте, печатайте!..» Я сунул воззвание в карман. Оно-то и напечатано на первой странице первого номера «Известий» за подписью «Совет Рабочих Депутатов». Я знал, что у меня в типографии уже набрано заявление отдельным листком «От временного Комитета Государственной Думы», которое, конечно, придётся, думал я, перепечатывать в первом номере. Делегат «Продовольственной комиссии Совета Рабочих Депутатов» передал тут же мне заявление от комиссии и просил его обязательно напечатать, и более никакого материала не было.

Засели писать. Каждый написал по несколько заметок... Я почему-то совершенно не чувствовал утомления. Все написанное мы сейчас же читали друг другу и без всякого самолюбия отбрасывали наименее удачные. Метранпаж нас торопил.

Мои прокламации «К народу» и «К солдатам» одобрили товарищи, и они были напечатаны в первом номере «Известий».

Так как время было позднее и надо было во что бы то ни стало кончать составление номера, я предложил весь другой материал, а в том числе и передовую, написанную, кажется, Базаровым, отложить до второго номера. Текущий же материал мы решили выпустить среди дня отдельным прибавлением к номеру первому. Я хорошо помнил, что

обещал ещё по телефону запросить Таврический об адреса сборных пунктов для вооружённых рабочих и войск. Еле добившись провода, мне, наконец, удалось принять телефонограмму, которую мы напечатали на второй странице первого номера под названием «Решение Исполнительного Комитета Сов. Раб. Деп». У кого-то из товарищей было с собой рукописное воззвание «Петроградского междурайонного Комитета РСДРП и от Партии Социалистов Революционеров», которое мы поместили в номере как первое дошедшее до нас заявление объединившихся меньшевиков и с.-р. Этот анализ характерен для меньшевиков в этот ответственный политический момент.

Центральный Комитет РСДРП (большевиков) на другой день прислал мне наш «Манифест» ко всем гражданам России, который я немедленно поместил в «Прибавлении к № 1», вышедшее в три часа дня 28 февраля и, кроме того, отдельно отпечатал во многотысячном количестве и распространил повсюду, как в Питере, так и по России.

Я вместе с метранпажем сам выбрал шрифт для газеты, верстал первый и следующий номера «Известий». Когда в эту первую незабвенную ночь, уже на чуть брезжащем рассвете, мы, наконец, отправили номер в стереотипную, а затем в ротационную машину, которая с быстротой молнии стала выбрасывать сотни листов, мы радостно вздохнули и ударили друг друга по рукам, ещё и ещё раз поздравляя всех с революцией.

Чуть-чуть вздремнув и подзакусив черным хлебом, мы нагрузили автомобиль и двинулись в Таврический. Но это не так-то легко было сделать, ибо все улицы были переполнены народом и все жаждали газет. Мы роздали, что могли, и, еле успокоив толпу, с трудом пробрались в думу. Все остальные экземпляры через газетчиков, рабочих и солдат мы даром раздавали всюду, по всем районам.

Так продолжали мы работать далее. Типография, где печатались «Известия», сделалась средоточием тысяч людей, куда шли и шли желающие узнать о судьбах револю-

ции, о событиях, о решениях. Здесь искали защиты, здесь строилась местная организация самообороны.

* * *

Таким образом первый номер «Известий» на листе большого формата состоял из двух полос, причём первую полностью занимало воззвание «К населению Петрограда и России» от Совета Рабочих депутатов, набранное крупным шрифтом и выглядевшее как плакат. В нём были такие строки: «Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голодания. Терпеть дальше стало невозможно. Население Петрограда вышло на улицу, чтоб заявить о своём недовольстве. Его встретили залпами. Вместо хлеба царское правительство дало народу свинец.

Но солдаты не захотели идти против народа и восстали против правительства. Вместе с народом они захватили оружие, военные склады и ряд важных правительственных учреждений.

Борьба ещё продолжается; она должна быть доведена до конца.

Вчера 27 февраля в столице образовался Совет Рабочих Депутатов — из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп.

Совет Рабочих Депутатов, заседающий в Государственной Думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России.

Все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и **созыв учредительного собрания, избранного на основе всеобщего равного, прямого и тайного избирательного права».**

На второй странице были три материала, написанные В. Д. Бонч-Бруевичем (они шли без подписи как редакци-

онные). В обращении «К народу!» говорилось: «Долгожданное время, наконец, пришло. Великое дело **свободы** близко к осуществлению.

Лучше умереть за свободу, чем носить постыдное рабство дома Романовых. Да здравствует Великая Российская Революция!»

Другой материал Бонч-Бруевича — «К солдатам». «Солдаты, вспомните всё Ваше тяжёлое житьё в деревне, на фабриках, на заводах, где всегда душило и давило Вас правительством. Присоединяйтесь к народу и народ даст Вам и Вашим семьям новую свободную жизнь и счастье.

...На крышах домов и в отдельных квартирах засели остатки полиции, черносотенцев и других негодяев. Старайтесь везде их немедленно снимать меткой пулей или правильной атакой.

Поклянёмся лучше умереть, но не отдать врагу свободы».

Третья статья называлась «Не допускайте грабежей». В ней говорилось, что по городу начинают бродить шайки хулиганов, которые грабят лавки и имущество обывателей. Революционный народ и армия ни в коем случае не должны допустить этого.

Публиковалось «Решение исполнительного Комитета Сов. Раб. Деп.», полученное по телефону. В нём говорилось, что к 4 часам ночи Исполком постановил: 1. Немедленно организовать районные комитеты. 2. Установить сборные пункты для вооружённых рабочих и войск (указывались адреса по районам). 3. Рабочим на фабриках и заводах организовать милицию — по 100 чел. на 1000 рабочих.

Были напечатаны также ещё несколько материалов, упоминаемых в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича.

Вышедшее днём Прибавление к № 1 также состояло из двух полос такого же формата. Главным материалом на первой странице был «Манифест Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Большевистский ЦК обращался «Ко всем гражданам России» под лозунгом «Про-

летарии всех стран, соединяйтесь!» «Граждане! Твердыни русского царизма пали... Громадными усилиями, кровью и жизнями русский народ стянул с себя вековое рабство. Задача рабочего класса и революционной армии создать **Временное Революционное Правительство**, которое должно встать во главе нового нарождающегося **республиканского** строя».

Временное революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, **защищающих все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение 8-часового дня и созыв учредительного собрания** на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов.

По всей России, по городам и селам создавайте правительство революционного народа.

Вперёд! Возврата нет! Беспощадная борьба!

Под Красное знамя революции!

Да здравствует демократическая республика!

В Прибавлении повторно печатался ряд материалов, опубликованных утром, в том числе обращение «Не допускайте грабежей», написанное В. Д. Бонч-Бруевичем, а также появилась уже оперативная информация: присоединение войск к народу, выборы студентов в Совет Рабочих Депутатов, заседание Совета Раб. Деп., ход революционного движения, арест начальника жандармского управления, работа революционного «Красного Креста» (сообщалось о тысячах убитых и раненых), призыв «Товарищи печатники, к работе!».

Внизу полосы обозначалось место печати **«Типография «Известия Совета Рабочих и Солдатских депутатов».**

**Публикация Владимира Бонч-Бруевича,
2017 г.**

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ — ЛЮДИ ОСТАЮТСЯ

1958 год, когда «Московской правде» исполнилось сорок лет, был для неё переломным: она стала сугубо городским изданием. Произошло это потому, что Москва, как столица страны и крупнейший мегаполис, была выделена из состава Московской области. Разделён был регион, разделена и газета. На основе традиционной «Московской правды» организовали две: городская сохранила своё имя, а областную назвали «Ленинское знамя». Оба издания остались в доме на Чистых прудах: «Московская правда» на пятом этаже, «Ленинское знамя» обосновалось на четвёртом.

«МП» помолодела, в неё пришли новые сотрудники, в том числе редактор Александр Михайлович Субботин, возглавлявший до этого «Московский комсомолец». Ему было 34 года. А отдел информации, в котором я, выпускник факультета журналистики МГУ, начал работать в том же году, был в редакции самым молодым. Кроме Геннадия Ивановича Проценко, заведующего, который, к сожалению, скоро ушёл в центральную «Правду», всем было не больше 25 лет. И это — во вполне взрослой, а не молодёжной газете. Замечательным сложился состав отдела — талантливые репортёры Нина Фомичёва (Баталова), Лев Колодный, Александр Нежный, Виталий Головачёв, Юрий Синяков, Валерий Дранников стали впоследствии известными журналистами и писателями.

Особо хочу сказать о единственной даме в нашем репортёрском сообществе — Нине, тогда ещё Фомичёвой. Она вела огромную и кропотливую работу с авторами — и с

какими авторами! — например, с замечательным певцом русской природы Дмитрием Павловичем Зуевым, «Заметки фенолога» которого являлись украшением воскресных номеров «Московской правды». Дмитрий Павлович приносил целые свитки своих статей, газетную публикацию нужно было составлять буквально по абзацам и фразам. Нина делала это виртуозно, и я не помню случая, когда бы Зуев был недоволен такими операциями с его текстами. «Писать может и подмастерье, а сокращать только мастер», — говаривал он, по обыкновению нюхая табак собственного производства. А Нина Андреевна Баталова работает в «МП» и поныне. Она абсолютный рекордсмен московской печати: 62 года — всю жизнь! — только в одной редакции.

Мы все были в поиске, в ловле новостей. Все хотели поднять статус и уровень газеты, конкурировать с главными изданиями страны. А Москва бурно переживала новый виток своей восьмисотлетней истории. Её территория многократно расширилась за счёт области, в городскую черту вошли целые города, посёлки, деревни. К 1960 году границей города стала строящаяся Московская кольцевая автомобильная дорога (МКАД) длиной 109 километров. В столице начался настоящий строительный бум. Такого размаха созидательных работ не было никогда. Строительный кран стал на долгие годы символом Москвы.

Однако сообщить о событии было важным, обязательным, но не главным. Главным было сообщить об этом первыми. Создание Кольцевой стало постоянной темой «Московской правды». Лев Колодный опубликовал несколько информационных и интервью, находился в тесном контакте со штабом строительства. Мы следили за каждым новым этапом этой грандиозной работы.

Запомнился случай, который показал, как строители ценили внимание газеты. Уже к вечеру в комнате отдела информации появился человек в крагах, приехавший на мотоцикле. Это был сам начальник строительства дороги,

заместитель министра транспортного строительства СССР Александр Матвеевич Сицкий. Обращаясь к Колодному, говорит: «Готов дать комментарий, у нас сегодня был Хрущёв». Рассказывает, что показали высшему руководителю, какие проблемы обсуждали, какие получили указания. Сицкий по следам важных событий всегда давал в номер комментарии по телефону. А на этот раз, словно что-то почувствовав, приехал сам.

Колодный быстро подготовил текст, мы заслали его в экстренный набор на первую полосу и стали ждать официального сообщения ТАСС. Но вот уже 8–9 часов, а ТАСС молчит. В те годы во всех редакциях стояли телетайпы, по которым передавались различные материалы, в том числе официальные. Самодеятельность здесь не допускалась. Дать комментарий без сообщения ТАСС мы не имели права.

Я звоню в агентство на выпуск: «Когда будет сообщение?» — «Какое сообщение?» — «Хрущёв на Кольцевой» — «Нет такой информации». — «Как же нет, когда у нас есть свой материал». — «Это какая-то ошибка», — говорят мне. Проходит ещё десять-пятнадцать минут, я повторяю звонок главному выпускающему. «Такого сообщения нет и не будет». Иду в кабинет редактора. По правительственному телефону — вертушке набираю номер заместителя главного руководителя ТАСС. «А вы точно знаете?» — спрашивает он. «Совершенно точно, от Сицкого». — «Сейчас разберёмся», — говорит он. И буквально через несколько минут по телетайпу идет экстренная команда: «Газеты не подписывать, в печать не отправлять, ждите важное сообщение». И только через час приходит информация, обязательная для печати: «Сегодня Председатель Совета министров СССР. Н. С. Хрущёв посетил строящийся участок Московской кольцевой автодороги... Пояснение давал начальник строительства А. М. Сицкий».

Мы ставим эти несколько строк и наш комментарий. Утром — сенсация. В «Правде» ничего, кроме тассовки, нет, нигде нет, а у нас собственный материал о событии.

А случилось вот что. Посещение строительства Кольцевой не было запланировано, пресс-служба главы правительства ничего не знала. А Хрущёв уже после окончания рабочего дня, по дороге на дачу вдруг распорядился свернуть с трассы и нагрянул в прорабскую западного участка будущей автодороги. Сицкий, на счастье, был именно там...

А в пределах МКАД и на старых московских территориях, и на новых, включённых в состав столицы, развернулось массовое строительство жилых домов, в основном панельных пятиэтажек, в малогабаритные, но отдельные квартиры которых переселялись семьи из коммуналок, подвалов, ветхого жилья. Большинство этих пятиэтажек теперь уже снесено или будет снесено в ближайшее время, но тогда, полвека назад, новоселье в этих постройках стало счастьем. В газете тема строительства была среди главных. Одним из символов того времени были Черёмушки, где осваивались большие территории и применялось всё новое в индустриализации строительства. Я тогда написал репортаж «Дом собирают, как автомобиль». Приведу некоторые цитаты. «...Дома, которые создаются в 10-с квартале Новых Черёмушек не нужно строить. Это звучит парадоксально, но оговорки нет: дома не строят. Их собирают из отдельных частей — так называемых объёмных элементов... Этот квартал недаром назван экспериментальным. Творческие дерзания зодчих и работников строительной индустрии воплотятся здесь в невиданные доселе здания. Их проекты разрабатывали несколько организаций. Сейчас первыми возводятся пять домов из объёмных элементов, предложенные архитекторами и инженерами Московского института типового и экспериментального проектирования. Заводы № 6 и № 8 железобетонных изделий Главмоспромстройматериалов выпускают готовые части домов: две комнаты, или комната и кухня, или кухня и лестничная клетка. Оклеенные обоями, с полами из пластмассовых плиток, проводкой электричества, канализации и отопления будущие квартиры на трейлерах привозят на стройку,

где из них, будто из кубиков, собирают дома с квартирами из одной, двух и трёх комнат. Из семидесяти пяти объёмных элементов состоит трёхсекционный пятиэтажный дом. Для того, чтобы собрать его, потребуется 15–20 дней... Не раз рисовали мы в своих репортажах заманчивые картины, а потом добавляли стереотипную фразу: «Этого ещё нет, но рассказанное нами, — дело ближайшего будущего». То, о чём пишем мы на этот раз, уже есть. В Москве, в 10-м квартале Новых Черёмушек».

А в другой части Москвы, в ещё одном районе массовой жилищной застройки, в Филях, появились два девятиэтажных дома, как башни возвышающиеся над пятиэтажками. Район был мне хорошо знаком, и я решил, поднявшись на крышу одного из домов, сделать репортаж, так сказать, с высоты птичьего полета. Архитектор, согласившийся стать моим поводырём, показал мне, что и где будет построено, как будет спланирована территория, где пройдут новые улицы и переулки. Обо всём этом я тогда написал, а спустя год-два многое увидел уже построенное и благоустроенное. Мог ли я тогда думать, вернее, фантазировать, что ныне поблизости возвысится комплекс Москва-Сити и с 85-го этажа одного из небоскрёбов мне не удастся даже рассмотреть ту башню, с которой я вёл когда-то репортаж!

Сюжеты, связанные с развитием города, являлись, конечно, приоритетными, но далеко не единственными. Репортёр вообще не может планировать всю свою работу. Новые темы, не связанные с тем, чем ты обычно занимаешься, возникают иногда неожиданно и оттесняют на время все другие. Так появился очерк «Это твои сыновья, Москва!» — история о том, как «Московская правда» восстановила доброе имя героически погибших и посмертно оклеветанных людей, вернула их имена семьям, творческим коллективам, истории города.

Начиналась она так. Мой давний добрый знакомый белорусский краевед-энтузиаст Михаил Мельников как-то спросил меня, что я знаю о московских артистах Окаёмове

и Лузенине. Я ничего не знал. И тогда Михаил Фёдорович сказал, что слышал, будто в Москве этих известных до войны артистов считают предателями, а они никакими предателями не были и погибли как герои.

Я начал журналистское расследование. Сразу же столкнулся с тем, что многие мои собеседники очень сдержанно, осторожно говорят о хорошо им известных Окаёме и Лузенине. Доброе слово произнести опасаются. Артистов действительно считали предателями. Знали лишь, что они были в народном ополчении и вроде бы попали в плен. Эти сведения проверить было несложно.

Известные московские артисты певец Александр Окаёмов (бас), первый исполнитель многих замечательных песен советских композиторов, и главный хормейстер Московской филармонии Геннадий Лузенин уже через 10 дней после начала войны, отказавшись от брони, вступили в народное ополчение, в 8-ю Краснопресненскую дивизию. Значительную её часть, как известно, составляла столичная интеллигенция. Дивизия держала оборону на подступах к Москве, участвовала в боях и создании оборонительных рубежей. Но в начале октября на ополчение обрушился страшный удар — по всему фронту в районах Ельни, Вязьмы немцы перешли в наступление превосходящими силами, широко используя артиллерию, танки, авиацию. Дивизия была фактически уничтожена, более половины личного состава погибли, попали в плен. Среди них — Окаёмов и Лузенин.

Дальнейшее предстояло узнать в Белоруссии. И я отправился в командировку в Кричев. Вместе с Михаилом Фёдоровичем мы встретились со всеми, с кем были в Кричеве связаны Окаёмов и Лузенин. Нам рассказали, что артисты оказались в лагере для военнопленных. В нескольких ветхих бараках ютились сотни людей, тысячи были лишены и этого крова. Обессиленные, они лежали прямо на снегу и умирали от стужи, голода и тифа. Пленные должны были восстанавливать Кричевский цементный завод. Но работа-

ли так, что постоянно портилось оборудование, исчезали ценные детали. Нужный для строительных укреплений цемент немцы не получали. Спасение из этого ада пришло неожиданно. Бургомистр Кричева взял группу пленных для тяжёлых работ в городе. А местный священник выхлопотал разрешение набрать певчих для хора. В воскресенье — петь, шесть дней работать. Всё-таки кое-какая свобода! И артисты решили начать с врагом хитрую, смертельно опасную игру. Они искали связи с подпольем, а подпольщики присматривались к артистам. Наконец, контакты были установлены. Бывший секретарь подпольного райкома партии рассказал нам, что в Кричевском районе во время войны существовали партизанский отряд и несколько групп сопротивления, в одну из них входили Окаёмов и Лузенин. Они вели агитационную работу среди населения, были связными, распространяли листовки, сводки Совинформбюро. И ещё им удалось, помимо церковного хора, организовать самостоятельный хор, в который набралось много народа. Русские песни, русский язык — всё это было как глоток свежего воздуха в оккупированном, кишевшем агентами гестапо, СС и прочих карательных служб городе.

Но всё же героев схватили — нашёлся провокатор. Фашисты подвергли артистов изощрённым пыткам — но ни Окаёмов, ни Лузенин никого не выдали эсэсовцам. Товарищи на воле пытались устроить им побег, но артисты, особенно, Окаёмов, были до такой степени избиты, покалечены, что не то что бежать, а встать не могли. 21 февраля 1943 года их потащили на расстрел. И тогда Окаёмов запел: «Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца...» Когда-то он первый исполнил эту песню на радио, теперь она стала для него последней.

Но в Москве о подвиге и героической смерти Окаёмова и Лузенина ничего не знали. От кого-то из бывших пленных просочились слухи, что артисты выступали перед немцами. Прислуживали врагу. И на героев легло страшное клеймо предателей Родины, прислуживавших оккупантам.

Их имена не вспоминали, записи не исполнялись. А жена Александра Окаёмова была вынуждена взять совсем неблагозвучную по тем времена девичью фамилию Фукс...

Орлёнок, орлёнок,
мой верный товарищ,
Ты видишь, что я уцелел,

Лети на станицу,
родимой расскажешь,
Как сына вели на расстрел.

Не до станицы — до столицы «Орлёнок» долетел через 16 лет. Очерк «Это твои сыновья, Москва!» был опубликован 9 июля 1959 года и снял с доцента Московской консерватории Александра Ивановича Окаёмова и главного дирижера Московской областной филармонии Геннадия Павловича Лузенина тяжкое обвинение в предательстве, полностью реабилитировал героев. Сейчас их имена — в названиях улиц, на мемориальных досках и обелисках.

У каждого журналиста есть материал, которым он гордится всю жизнь. Для меня таким стал очерк «Это твои сыновья, Москва!» в «Московской правде».

Владимир Бонч-Бруевич.
Из книги «Московская правда.
100 лет»,
2018 г.

ИЗ КНИГИ ЮРИЯ ИЗЮМОВА

*«Литературная газета»
1980–1990. Люди и события.
Москва, 2015, стр. 39-40*

Во главе профсоюзного комитета тоже бесменно стоял Владимир Владимирович Бонч-Бруевич, потомок известного революционера, соратника Ленина. Профком занимался всем многообразием бытовых сторон жизни редакции и житейских нужд сотрудников: обеспечивал путёвками в санатории, дома отдыха, пионерские лагеря, детские сады, следил за работой столовой и буфета, чтобы пища была вкусной и недорогой, за порядком в нашей сухумской здравнице, устраивал выездную торговлю дефицитными промтоварами, добывал автомашины, контролировал соблюдение трудового законодательства, распределял выделенные Моссоветом квартиры и прочие материальные блага. В этот орган старались выбирать людей, обладающих пробивными способностями, придиричьих и дотошных, а главное, справедливых. Бонч-Бруевич все эти качества имел, а сверх того отличался неутомимостью в общественных делах, пунктуальностью. Профком под его руководством постоянно добивался для коллектива чего-то ещё, конкретного и осязаемого.

КРЕМЛЬ. ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Приём на высшем уровне

«У дома этого, у дверей, что к Воздвиженке, дверей узких, вы увидите — Рассею.

Самую настоящую Рассею. Рассею в кожных. Рассею в валенках. Рассею в домотканой поддевке. Рассею в поношенных на рыбьем меху пальто, зачастую со «струментом» — пилой, топором, фуганком в ящике из-под гвоздей. С чем шли эти люди, о чём говорили они? «О сенокосе, насчёт леса, по поводу самогонки, насчёт кражи лошади, об отсутствии комнаты, работишки бы, о бесплатном проезде, о помиловании, об определении в приют, насчёт старого помещика...»

Так в 1924 году писали «Известия» о главной приёмной Советской власти.

Вот уже 60 лет работает она в здании на углу бывших Моховой и Воздвиженки, ныне проспектов Маркса и Калинина, здании, известном миллионам. Другой ныне внешний облик у тех, кто приходит в приёмную Президиума Верховного Совета СССР, иные заботы волнуют посетителей. Но неизменным осталось право каждого прийти сюда.

Здесь не спрашивают ни пропусков, ни удостоверения личности, не требуют заранее записаться на приём. В большом зале на первом этаже ответственный сотрудник приёмной выяснит, с каким делом пришёл посетитель, посоветует: как изложить просьбу письменно, какие подобрать

документы. Если есть необходимость, посетителя в тот же день примет консультант приёмной, специалист в том вопросе, который волнует пришедшего. Многих посетителей, ставящих общественно важные проблемы, сообщающих о серьёзных недостатках в работе советских органов или предприятий, об ущемлении своих гражданских прав или нарушении законов, принимают заместители Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Доступность составляет самую суть работы приёмной. Традиция эта восходит к принятому при жизни В. И. Ленина постановлению Президиума ВЦИК об организации приёмной. В нём говорилось о необходимости сделать её максимально доступной для широких масс трудящихся.

...В новой Конституции СССР среди факторов, определяющих развитие политической системы советского общества, указан «постоянный учёт общественного мнения.». Приёмная призвана выявлять максимум социально важной информации, заложенной в обращениях граждан в Президиум, — с тем, чтобы способствовать определению пробелов в действующем законодательстве, внесению корректив в практическую деятельность, устранению причин, порождающих жалобы.

***В. Бонч-Бруевич и А. Егоров
Из статьи «Кремль.
Президиум Верховного Совета СССР»
«Литературная газета»,
28 февраля 1979 г.***

ТАМ, ГДЕ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ МЕРИДИАНЫ

*Репортаж с научной дрейфующей станции
«Северный полюс-8»*

Недавно в Москву и Ленинград вернулись участники высокоширотной воздушной экспедиции «Север-13». За два с половиной месяца они провели большой комплекс исследований, установили на льду десятки радиовех — автоматических наблюдателей погоды, сменили состав зимовки на дрейфующей станции «Северный полюс-8».

Научные работники и полярные лётчики из экспедиции «Север-13» изучали суровую природу Арктики для того, чтобы ещё меньше зависели люди от норовистой погоды Заполярья, чтобы дольше могли ходить суда по Великому Северному морскому пути. На этой неделе на месяц раньше прошлогоднего срока в Арктике открылась навигация. И это стало возможным не только потому, что прорубают теперь дороги во льдах геркулесы «Ленин», «Москва», но главным образом благодаря героическому, многолетнему труду покорителей Арктики.

Во время работы экспедиции «Север-13» в Арктике побывал специальный корреспондент «Московской правды» В. Бонч-Бруевич. Сегодня мы печатаем его репортаж с дрейфующей станции «Северный полюс-8».

— Слева — лагерь на льду!

Это крикнул кто-то из лётчиков, крикнул привычно, будто кондуктор, объявляющий остановку. Экипаж Малькова летал сюда и вчера, и позавчера, возил грузы для нового состава зимовщиков. Две тысячи километров надо

льдом — труднейший, опаснейший рейс — стал для полярных лётчиков обычным.

— Слева — лагерь на льду!

Володе Агафонову, аэрологу новой смены зимовщиков на «СП-8», которая на днях приняла станцию, не удалось улететь вместе с ними. Он задержался в Диксоне, подготавливая приборы. Несколько дней Володя переживал, что товарищи обживают полюс без него. И вот теперь он до боли в глазах всматривался в чёрные квадратики домиков, где ему предстояло прожить год, в чёрные точки — фигуры его товарищей, спешивших встречать самолёт.

Мальков, не делая кругов, повёл машину на полосу. Из пилотской кабины видно, как перед нами наискось мчится белое полотно льдины. Чувствуешь себя так, словно летишь на лыжах с высокой крутой горы. Трамплин. Это самолёт коснулся льда. И дальше — словно пологий, всё замедляющийся спуск: самолёт бежит по глади полосы.

Итак, Северный полюс.

Агафонов первым спускается по трапу, кричит что-то товарищам, передаёт от кого-то приветы. И сразу же вместе со всеми начинает разгружать самолёт. Вот уже вновь запущены винты, серебристая машина разбегается и уходит ввысь. Последняя частица Большой Земли скрывается из глаз. Мы остаёмся возле домиков научной станции. Кругом — лёд и лёд...

Было три часа дня по московскому времени. А здесь, на полюсе, три часа ночи. Правда, астрономическая разница во времени между «СП-8» и столицей — 11 часов. Но для удобства стрелку переводят ещё на одно деление, и получается, что живут зимовщики по московскому времени, только вывернутому наизнанку.

Уже в марте в этих широтах начался полярный день. Лишь немного поднимаясь и опускаясь, солнце, будто на экране круговой кинопанорамы, описывает круг. Чуть тусклее ночью его диск, но светло всё равно, как днём.

В этом свете полярной ночи хорошо виден лагерь. Чёрные шарообразные палатки, жёлтые, похожие на маленькие вагончики домики, покрашенный в зелёный цвет дежурный самолёт «АН-2», мачты, на одной из которых развевается красный флаг. И всё это окружено, замечено, припудрено снегом, таким чистым, что больно смотреть без тёмных очков.

Мы идём с Володей Агафоновым в домик аэрологов. Пригнувшись, проходим через одну дверь в тамбур и, снова пригнувшись, — через вторую, в комнату. Бросаются в глаза круглые окна — иллюминаторы, телефонный аппарат на стене, печка в углу, расположенные, как в купе поезда, койки...

В комнате три человека готовят какие-то приборы, что-то вычисляют по таблицам.

Аэрологи наполняют водородом оболочку воздушного шара, подвешивают к нему прибор, и вот уже радиозонд уходит ввысь. Женя Демидов следит за ним по зеленоватым сигналам на экране локатора, а Саша Тимерёв — по теодолиту.

Вот Тимерёв бежит в радиорубку, и через несколько минут радист Олег Брок начинает передавать на Большую Землю последние сведения о погоде на полюсе.

Мы завтракаем в похожей на вагон-ресторан кают-компании дрейфующей станции. Повар Юра Куракин, сменивший кулинарное царство ресторана «Европейский» на камбуз «СП-8», угощает нас ромштексом и чаем с булочками. Помимо шестнадцати зимовщиков, у Юры Куракина есть ещё двое «зачисленных на довольствие». Это Тузик и Малыш — два огромных пса чукотской породы. Малыш появился на свет на «СП-8», и, хотя ему всего год, он больше своего мохнатого родителя.

Собаки живут в домике метеорологов. Вернее, не в домике, а рядом с ним. Даже в самый жестокий мороз они преспокойно спят на улице. Метеорологам дальше всех хо-

дять к своим приборам, и собаки их обычно сопровождают. Это не почётный эскорт, а надёжная охрана, особенно в пургу, когда выходить из домика одному нельзя. И сейчас, когда мы с метеорологом Володией Кокоулиным идём к приборам, Тузик и Малыш сопровождают нас...

Сравнительно недавно советские учёные обнаружили грандиозные горные хребты на дне Северного Ледовитого океана. Кто знает, не обогатят ли новыми открытиями и зимовщики с «СП-8». Ведь дрейф льдины необычен, она забралась уже в западное полушарие и плавает в малоизвестных районах океана. Магнитолог-астроном Борис Белоусов определяет местонахождение станции. Её координаты — 82 градуса 51 минута северной широты и 29 градусов 43 минуты восточной долготы. Только за одни сутки станция ушла на 11 километров на север.

Начальник станции просил гидролога Павла Морозова сделать глазомерную съёмку льдины, и, воспользовавшись случаем (одному нельзя!), я отправился вместе с ним к торосам. Они барьером окружают льдину. За ними — уже другая льдина. Сейчас она примёрзла к нашей, но льдины может и развести; тогда между ними будет водная граница.

Звучит под ногами снег. Именно, звучит, а не скрипит. Кажется, будто идёшь по ксилофону.

Лишь в одном месте, где снег сдуло, виден обнажённый лёд. Зеленоватый, в прожилках, он напоминает мраморный пол в старинных дворцах. А подойдя к торосам, видишь эти плиты льдин выломанными, взгромождёнными одна на другую, как камни крымских скал.

Здесь, где не слышно гула электростанции, начинается особенно чувствоваться тишина. Она звенит в ушах, она больно отдаётся в барабанных перепонках.

Никого нет в ледовой пустыне. Даже пуночек — предвестниц весны, появившихся уже на прибрежных островах, не увидишь здесь. Но...

— Песец ходит, — говорит Морозов, показывая на круглые неглубокие следы, — значит, может и медведь пожаловать.

Снег твёрд, пружинист. И часто забываешь, что под ним не земля, а лёд. О том, что под тобой океан, вспоминаешь только тогда, когда льдины начинают трещать, ломаться...

...В домик начальника станции резко вошёл дежурный.

— Трещина на соседней льдине, — коротко доложил он.

Все моментально высыпали из домика. Примерно в километре от лагеря, за грядой торосов мы остановились. Перед нами широкой рекой разверзлась трещина. Ее другой берег был за десятки метров. А глубина этой текущей среди скованного океана реки — километры. На сильном морозе вода уже начала покрываться корочкой льда.

— Вот так приходится быть всё время наготове, — сказал дежурный. — Хорошо, соседняя льдина, а если бы наша...

Вечером мы сидели в радиорубке с Иваном Ивановичем Якубайтисом — самым опытным из зимовщиков, самым старым из них, если можно так сказать об этом ещё не старом человеке.

Трещина во льдине не страшна, — говорил он. Все станции ломаются, уж такова их судьба. Десятки раз, бывает, лагерь перетаскиваешь с обломка на обломок, а исследования продолжаются. Страшнее большой трещины во льду маленькая трещина в коллективе. А у нас коллектив монолит, куда там льдине...

...В дни, когда впервые в истории на месяц раньше обычного срока по Великому Северному морскому пути пошли суда, — я думаю о тех людях, героический труд которых сделал это возможным, — о полярниках, о зимовщиках на форпосте покорения Арктики — Северном полюсе, о людях, которые прочнее многометровых океанских льдов.

***Владимир Бонч-Бруевич,
«Московская правда», 2 июля 1961 г.***

ГОРДОСТЬ НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ

*Репортаж из Государственной библиотеки СССР
имени В. И. Ленина*

Необычен и своеобразен этот архитектурный ансамбль на холме против Кремля. «Пашков дом» — замечательное произведение русского зодчества — и современные прямоугольные корпуса, строгие цвета гранита и стекла образуют единое целое — Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина.

Тысячи людей в ранние утренние часы спешат в главную библиотеку страны, которая ныне отмечает своё столетие. Они расходятся по 22 читальным залам и просиживают нередко над книгой дотемна. В людском потоке, вливающимся ежедневно в книгохранилище, есть особая категория — это сотрудники библиотеки. Их тоже немало — свыше 2 тысяч человек.

Если посмотреть на третий научный читальный зал сверху, то от высоты закружится голова. Велик этот зал, равный театральному, где одновременно занимаются 465 человек.

Научный зал № 3 — один из самых больших. Соперничает с ним лишь общий читальный зал, находящийся в старом, баженовской постройки, доме. Там 555 мест. Но главная масса посетителей — в научных и специальных залах. Для академиков, профессоров, докторов наук отведён зал № 1. Читательские формуляры хранят здесь немало широко известных имён: академики А. Бочвар и М. Нечкина, писатели М. Шагинян и К. Чуковский, доктор технических наук, чемпион мира по шахматам М. Ботвинник.

Молодой человек, слишком молодой для этого солидного зала, склонился над книгой. Его фамилия Болотин.

В 26 лет он стал доктором технических наук. А впервые Владимир Васильевич пришёл в общий читальный зал библиотеки имени Ленина семнадцатилетним студентом. «Роль библиотеки в моей жизни исключительно велика, — говорит учёный. — Здесь я прошёл через многие залы, здесь я вырос».

На просторных крыльях беломраморной лестницы многолюдно, как на площади в праздник. Здесь, где установлены каталоги, начинается обычно читательский день.

Но вот шифр книги найден. На карточке указано также, где хранится книга. Недавно в каталогах появились новые адреса — «открытый доступ».

«Открытый доступ» — это 250 тысяч томов, находящихся непосредственно при залах, литература, пользующаяся наибольшим спросом. Потому многие читатели от картотеки каталога направляются в эти подсобные фонды. И здесь сами находят книгу, для этого потребуется всего несколько минут.

А если нужная книга не находится в подсобном фонде, как тогда? Тогда пути её сложнее — ведут они в основное книгохранилище — святая святых библиотеки.

Требование с указанием шифра книги сдано на кафедре приёма библиографу В. Н. Яковлевой. Библиограф делает пометки на бланке и опускает его на ленту транспортёра. Теперь через 1 час 5 минут читатель должен получить книгу.

Транспортёр приносит требования к диспетчеру книгохранилища. Здесь, на третьем этаже грандиозного 19-ярусного книжного шкафа, поступающие заявки сортируют Тамара Кружалова и Тамара Алёшина. От их знаний и сноровки зависит многое. Они должны мгновенно по шифру определить, на каком ярусе находится та или иная книга. А ведь в библиотеке имени Ленина хранится 22 миллиона книг, газет, журналов, рукописей.

По конвейеру требование попадает на тот ярус, где хранится требуемая книга. Здесь библиотекарь Татьяна Кли-

мова быстро подбирает тома, кладёт их на конвейер. Книга двинулась к своему читателю.

Таков её путь. Правда, вскоре его удастся преодолевать ещё быстрее. Транспортёрную почту заменят пневматической, и тогда листки требований помчатся со скоростью 8 метров в секунду.

В этом здании не этажи, а ярусы, и живут в нём не люди, а книги. Мы побывали пока на одной из полок этого книжного дома-шкафа. Велики его богатства! И они постоянно пополняются. Около миллиона книг и журналов получает библиотека ежегодно. И ещё полтора миллиона экземпляров газет. Для этого нужно 14 километров полок. А всего стеллажей сейчас в библиотеке столько, что если их выстроить в одну линию, то протянутся от Москвы до Рязани.

Лифт поднимается на шестнадцатый ярус. Узкий проход, справа и слева — стеллажи, стеллажи, стеллажи, от пола и до потолка — книги. Занавешенные окна, чтобы книги не выцветали.

Здесь, на шестнадцатом ярусе, работает бригада отличного качества во главе с Маргаритой Петровной Ширяевой. В распоряжении библиотекарей полтора миллиона книг на иностранных языках. Чтобы подбирать их, нужно быть людьми образованными. Все работники бригады владеют иностранными языками — кто английским или французским, кто немецким или испанским.

Многими нитями связана библиотека с другими городами и странами. Отдел международного книгообмена предлагает советскую литературу в национальные библиотеки, получая оттуда книги, которые нужны в Москве. А по межбиблиотечному абонементу читатели на Украине и в Сибири, на Северном полюсе и в Казахстане могут получить тома, на которых стоит штамп главного книгохранилища страны.

Работники отдела гигиены и реставрации заботятся о здоровье книг.

Ежедневно на 120 постах замеряется температура и влажность воздуха — она должна быть постоянной. Строго по графику книги очищают от пыли. Это, пожалуй, первые профилактические мероприятия.

А в лабораториях отдела идёт большая исследовательская и реставрационная работа.

* * *

...Сто лет назад в Румянцевском музее был один зал на 20 мест. Сейчас ежедневно в библиотеке имени Ленина занимаются до девяти тысяч человек. В шесть раз увеличилась площадь книгохранилища.

В 1912 году, когда исполнилось полвека Румянцевскому музею, директор его Ю. В. Готье писал: «История музея за 50 лет его существования есть в сущности история его безысходной нужды, история тяжёлой борьбы за сколько-нибудь удовлетворительные условия деятельности».

Вторые полвека жизни библиотеки прошли при Советской власти. Ныне благодаря заботе партии и правительства она стала одной из крупнейших в мире, превратилась в национальную гордость советского народа.

***Владимир Бонч-Бруевич,
«Правда», 29 июня 1962 г.***

ПОСЛЕДНИЙ...

Репортаж с переодеванием

1. Над водой

Это репортаж о том, как ломают мост.

Я стою на палубе водолазного бота и смотрю на то немногое, что осталось от последнего на Москве-реке деревянного моста: насыпь на берегу, быки в воде. Мой коллега — редакционный фотокорреспондент снимает почерневшие, прогнившие сваи и фермы на фоне нового красавца-моста — Автозаводского, созданного из бетона и металла. По нему мчатся машины и автобусы, а здесь огромный крюк многотонного крана, словно чайка за рыбой, охотится за торчащими из воды брёвнами. Пожалуй, это будет исторический снимок. Ведь через несколько дней исчезнут последние следы старого моста, и век нынешний и век минувший уже нельзя будет сопоставить в одном кадре.

Сносят последний деревянный мост. Водолазы уходят вглубь и разбирают скрытые от глаз опоры. Сейчас мне самому предстоит спуститься под воду — водолазы разрешили корреспонденту испытать на себе, каков их труд.

Странное дело, зачем понадобилось писать репортаж о том, как ломают мост? Не пишут же журналисты о том, как сносят старые здания: подошёл кран, ударил чугунным шаром — вот и весь сказ. Но, оказывается, сломать мост много сложнее. Для этого требуются специальный проект и план. Потому что, если сломать мост как попало, то засоришь реку и капитаны судов потом долго будут проклинать тех, кто так испортил фарватер.

Сначала здесь работали мостовики. Бригада Н. А. Трахтенбройда, прославившаяся на строительстве многих уникальных сооружений, как на ответственное задание, была направлена сюда. Месяц назад я видел, как они распиливали два 76-метровых пролёта и сбрасывали их. Под громовые всплески реки теплоход «Буран» оттаскивал канатом секцию за секцией. Первоначальный проект предлагал более сложный способ разборки и был рассчитан на длительное время. Начальник мостопоезда № 443 М. Х. Остронов, главный инженер Е. Я. Морозов, начальник участка Н. С. Гревцев, старший научный сотрудник ЦНИИС Госкомитета по транспортному строительству К. В. Николаи предложили другой план. Это сэкономило государству около 80 тысяч рублей.

Теперь осталась лишь подводная часть моста. На неё ополчилась флотилия: огромный плавучий подъёмный кран, водолазный бот, катер и ещё одно судно с водяной пушкой, которая бьёт по цели струёй силой в 12 атмосфер. Такой «снаряд» может в щепы разнести деревянный дом.

Василий Жаденов, старшина водолазной станции, сказал мне:

— Серов ушёл только что. Его смена — два часа. Придётся подождать.

На воде вздымаются воздушные буруны. Они отмечают путь, которым идет по дну Анатолий Серов.

Наконец водолаз возвращается. Теперь моя очередь.

С огромным зелёным резиновым костюмом мне самому не совладать. Его с натугой натягивают на меня, и я погружаюсь в неудобное одеяние, становлюсь сразу неповоротливым и огромным. На костюм сверху надевают металлическую манишку, притягивают её для герметичности двенадцатью болтами. Их закручивают ключом, и я начинаю ощущать себя уже не человеком, а каким-то инженерным сооружением.

На ноги — свинцовые калоши по двенадцать килограммов каждая. На спину и грудь — по пудовой гире. Моя аму-

ниция весит около 90 килограммов. Как много, оказывается, нужно, чтобы утонуть!

Последнее — это шлем. Полоборота — и он надёжно закреплён. Сразу же чувствую, как в костюм накачивают воздух. Головой достаю кнопку клапана — воздух журча устремляется наружу. Так мне предстоит регулировать свою «атмосферу».

С трудом, еле поднимая ноги, иду к трапу. Одна ступенька, другая... Трап кончается, но я не иду ко дну. Ну да, конечно, забыл спустить воздух. Нажимаю кнопку, и сразу вода начинает плотнее обжимать ноги, туловище, руки. Последнее, что я вижу над рекой, — два зелёных флага, поднятых над ботом. Они означают, что идут водолазные работы.

2. Под водой

В круглое, как иллюминатор, окошечко шлема вижу жёлтую, мутную воду. Это длится несколько мгновений. В полуметре от поверхности уже крошечная тьма. Вот что значит загрязнённая вода Москвы-реки! Вспоминаю о подводных фотографиях, киносъёмках. Какие тут съёмки! Не видно ничего, как в пасмурную, безлунную чёрную ночь. Как же работают здесь водолазы? Значит, всё вслепую, только на ощупь?

В шлеме раздается голос Жаденова:

— Идите влево.

Пытаюсь сдвинуться с места и не могу — ноги увязли в иле. Задерживаю воздух, костюм раздувается, нагрузка от воды и гирь спадает, меня оттаскивает от дна. Но я боюсь, как бы не вытолкнуло на поверхность (от этого специально предостерегали), и скорее нажимаю клапан. Снова вязну, трудно найти ту точку, когда и не выталкивает, и не вдавливают в дно.

Натыкаюсь на какое-то бревно. Ощупываю его, подражаю тому, что, наверное, делал бы настоящий водолаз.

Он должен зацепить, «застропить» его тросом. Но где трос? Начинаю искать его и теряю бревно. Ведь ничего не видно.

Сверху говорят: «Вы топчетесь на месте, идите смелее». Наверное, они думают, что я трушу. Но мне не страшно, потому что есть телефон. Без него, наверное, было бы жутковато.

Вот, значит, как сложно ломать мост. Мало того, что работала бригада мостовиков, что пригнали сюда целую флотилию, приходится ещё водолазам в крошечной тьме разыскивать его остатки. Может быть, построить мост легче, чем снести?

С борта поддёргивают сигнальный шланг, и я сразу определяю направление. Снова чувствую, как важна в трудной работе помощь. Недаром водолазы стремятся работать вместе годами, чтобы понимать друг друга с полуслова. И спайка у них в коллективе какая-то особенная. Водолазная станция 3-го отряда подводно-технических работ Министерства речного флота — В. Жаденов, А. Серов и А. Ерёмин — коллектив коммунистического труда.

Хватаюсь за трап и чувствую, что поднять свинцовые ноги нет сил. Меня подтягивают с борта, я неуклюже переваливаюсь. Кажется, что вечность провел в скафандре.

Взгляд падает на часы. С трудом соображаю, что был под водой... всего пять минут

А Василий Жаденов проработал под водой пять тысяч часов!

***Владимир Бонч-Бруевич
«Московская правда»,
27 октября 1963 г.***

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Евгений Иванович Рябчиков сыграл в моей профессиональной жизни очень большую роль. В начале 60-х годов я работал в отделе информации «Московской правды», исполнял обязанности заведующего. Назывались мы корреспондентами, литсотрудниками, спецкорами — термин «репортёр» не употреблялся. Он ассоциировался со скандалами, лживыми сенсациями и т. д. Рубрика «репортаж» не использовалась, жанра такого как бы в советской печати не было, репортаж считался атрибутом буржуазной журналистики. С этим проявлением догматизма тех лет и повёл борьбу Евгений Иванович. Он всячески содействовал возрождению жанра репортажа в нашей печати, призывал, убеждал, советовал наряду с корреспонденциями, отчётами, информационными сообщениями писать, публиковать, ставить рубрику — репортаж. По инициативе (скорее, даже по настоянию) Рябчикова в Союзе журналистов СССР, а затем и в Московской организации Союза журналистов, наряду с секциями очеркистов, критиков, фельетонистов возникли секции репортёров. Евгений Иванович создаст замечательное братство людей, гордящихся своей профессией. Присматриваясь к сотрудникам информационных отделов, он заметил и меня, рекомендовал в состав бюро секции московских репортёров, а вскоре предложил избрать председателем бюро секции. Наше сотрудничество с Евгением Ивановичем становится ежедневным.

Рябчиков с удивительной внимательностью относился к работе репортёров, особенно молодых, наши успехи были для него праздником. Репортёры — всегда конкуренты, но вот Рябчиков, поддерживая стремление каждого к оперативности и первенству, в то же время сумел сдружить нас — сдружить нас как служителей его величества

репортажа. И сейчас, полвека спустя, сохраняются добрые отношения между яростными друзьями-конкурентами из «Правды», «Известий», «Труда», «Комсомольской правды», «Советской России», «Огонька».

На съездах и конференциях Союзов журналистов и писателей Евгений Иванович Рябчиков возносил (звучит высокомерно, но это так) значение работы репортёров, важность информации, которая должна идти не на подвёрстку, а во главу номера. Редакторов, недооценивающих работу репортёров, он разил ленинскими словами: «Информация — это агитация фактами за коммунизм».

Нужно сказать, что никаких властных полномочий у Евгения Ивановича не было — только личный пример и авторитет. Его репортажи о легендарных свершениях тех лет — перекрытии рек, освоении Севера, научных экспедициях, строительстве новых городов, о героическом созидательном труде народа — были образцом творческой работы журналиста, причём именно репортёра. Рябчиков утверждал жанр репортажа своими репортажами и был неустанным его пропагандистом на любых уровнях. Евгению Ивановичу принадлежала идея учредить премию Московской журналистской организации «За лучший репортаж».

Я уже отметил, что за работой репортёров Евгений Иванович следил буквально ежедневно. Я вообще-то не знаю ни одного мэтра журналистики, который был бы так внимателен к творчеству молодых коллег. Нередко ранним утром дома у меня раздавался телефонный звонок. Рябчиков, уже успевший просмотреть массу газет, которые он выписывал (они даже в почтовый ящик не умещались), с радостью сообщал о наиболее интересных репортёрских публикациях, о творческих находках, о неожиданных адресах и сюжетах, литературном мастерстве наших товарищей по цеху. Это была как бы прелюдия к тому, что обсуждалось на жюри нашего конкурса.

Решение о победителях, лауреатах конкурса принималось накануне Дня печати и объявлялось на торжествен-

ном заседании в Колонном зале Дома Союзов. На этот высокий уровень нас сначала не хотели пускать, там традиционно чествовали только новых лауреатов элитной премии журналистов-международников. Но с 1965 года и о нашей премии разрешили сообщать на главном журналистском празднике года. Помимо объявления имён лауреатов я мог сказать несколько слов во славу репортажа и репортёров. Этот текст — всего полстранички — мы с Евгением Ивановичем тщательно составляли, это был как бы манифест репортёров.

Сам он выходить на трибуну не захотел, отправил меня. Также он категорически запретил давать ему нашу премию и радовался, когда первыми лауреатами стали В. Песков, А. Гудимов, Я. Голованов...

И ещё одно воспоминание. В 1957–1959 годах. Рябчиков был членом редколлегии «Литературной газеты» по разделу внутренней жизни. И с присущим ему энтузиазмом организовал выездную писательскую редакцию в специальном вагоне по маршруту Москва – Владивосток. Спустя пятнадцать лет я, работая в «ЛГ» и участвуя в подготовке писательских экспедиций по районам, где живут народности, получившие письменность в годы советской власти, предложил испытанный способ — вагон «Литературной газеты». Рассказал Рябчикову. «Но поезд, вагон — это не современно. Другое дело — самолёт. Договаривайся с Аэрофлотом. Самолёт «Литературной газеты» с писателями и журналистами». Мы так и поступили.

Владимир Бонч-Бруевич

ПУСТЬ ЗАМОЛЧАТ

«Бедная страна, если в ней такие депутаты Государственной Думы», — заявила своему оппоненту Алла Пугачёва на передаче «Пусть говорят». «Бедная страна, если в ней такие члены Общественной палаты», — уколола в ответ певицу депутат. Действительно, «бедная страна». Но не поэтому. А потому, что в ней стало возможным в течение месяца в прайм-тайм главных каналов телевидения и на первых полосах даже не «жёлтых» газет мусолить вполне рядовой семейный конфликт, отличающийся от тысяч подобных только тем, что он происходит в семье миллионеров от шоу — и просто бизнеса. В этой ситуации нет никакой общественно значимой проблемы, нет явления, которое журналисты должны исследовать, — ничего нет, кроме «клубнички», кроме тошнотворного придыхания от возможности уже не в замочную скважину, а в специально широко открытую дверь лицезреть частную жизнь небожителей.

Для ребёнка в данном случае нет никакой опасности — что с отцом, что с матерью будет ему неплохо. Хотя вряд ли для детской психики даром пройдёт публичное раздувание ажиотажа вокруг него. Стыдно за журналистов, которые с такой охотой занялись развешиванием грязного белья по экранам и газетным страницам. Конечно, у них есть оправдание — деньги, которые в отличие от грязного белья не пахнут, особенно если это большие деньги — и от богатых заказчиков и от массового интереса толпы.

Массовый интерес. Вот что самое печальное и тревожное. Казалось бы, какая разница зрителю и читателю из Калуги, Перми или Омска, где будет жить этот ребёнок — в хоробах на Рублёвке или на Манхэттене. Но у людей оказались потеряны нормальные этические критерии. Это ре-

зультат того, что в течение последних двадцати лет вместо морально-нравственного воспитания народа велось его развращение (в чём немало преуспели опять же наши свободные и независимые СМИ). Обывательская психология мутной волной накрыла вполне приличных людей. И вот они целыми семьями садятся у телевизора, смотрят и обсуждают гнусный спектакль. Это — позор!

Пусть говорят?

***Владимир Бонч-Бруевич
«Литературная газета»,
21-29 сентября 2009 г.***

ВСПОМИНАЮТ
ДРУЗЬЯ
и КОЛЛЕГИ

НЕЛЬЗЯ ЕГО ЗАБЫТЬ

Мои воспоминания о Володе Бонч-Бруевиче относятся к концу 50-х годов прошлого столетия: он был студентом факультета журналистики. Я, окончив школу, стала работать в отделе рукописей Библиотеки имени Ленина и почти сразу меня откомандировали на улицу Семашко принимать огромный архив Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича.

Нас работала целая бригада по приёмке архива. Анна Семёновна, бабушка Володи, передавала архив мужа в отдел рукописей, а он сам в свободное от учёбы время нам помогал. Помню, как я первый раз его увидела: в кабинет вошёл красивый, модно одетый молодой человек, представился и сразу вместе со всеми сотрудниками включился в разбор архива, желая облегчить нашу работу.

В 1957 году с познакомилась с моим будущим мужем Андреем Чернышёвым. И оказалось, что Володя и Андрей вместе учатся на факультете журналистики уже четыре года. Действительно, мир тесен.

А в 1961 году Володя женился на очаровательной девочке Лене: красивую свадьбу сыграли в ресторане «Прага».

На мой взгляд, это была очень гармоничная пара: Лена являлась не частью Володи, а именно женой. Совместно они вели свой гостеприимный дом.

Мы стали очень тесно дружить домами. Никогда не забуду дни рождения Володи, он каждый год справлял их. И всегда, стараниями Лены, стол ломился от вкуснятины. Особенно Лене удавался студень.

Иногда мы отдыхали вместе. В 70–80-х годах Андрей часто печатался в «ЛГ», и у него появилась возможность купить путёвки в Дом творчества «ЛГ» в Гульрипши на

берегу моря. Отдыхать там было здорово и комфортно. К сожалению, после падения СССР дом был разграблен и разрушен.

У Володи были прекрасные организаторские способности. Я вспоминаю замечательные вечера в ЦДРИ, зал всегда был переполнен.

Володя был очень чутким к своим друзьям, всегда старался помочь людям, особенно когда кто-то из его близких попадал в беду или заболел: старался сказать какие-то добрые слова, попытаться устроить в хорошую больницу.

Когда мой муж заболел надолго, дня не проходило, чтобы Володя не позвонил и не поинтересовался, какое у него самочувствие. А сейчас... полная тишина.

Он пришёл к нам провести Андрея за две недели до своей кончины. Попили чая с тортом, я их вместе сфотографировала на его телефон, и он ушёл через час, пообещав, что придёт в следующий раз с Леной.

Сейчас у нас дня не проходит, чтобы мы не вспомнили о Володе. Нельзя его забыть: его доброжелательную улыбку, ровность в разговорах, харизму. После него осталось прекрасное наследие: жена Лена, прожившая с ним более полвека, красивая и преуспевающая дочь Катя, симпатичные внуки. Все они помогают друг другу в этот тяжёлый момент.

Спи спокойно, Володя, светлая тебе память. А мы с Андреем сколько будем жить, столько будем тебя помнить.

ПОКА ЖИВУ — ПОМНЮ

Впервые это имя, Бонч, я узнала, когда в 1972 году прочла книгу Еремея Иудовича Парнова «Ларец Марии Медици». Спустя много лет, волею судеб, я стала членом семьи Е. И. Парнова и была введена в круг удивительных людей. Тогда меня и познакомили с Владимиром Владимировичем и его супругой Еленой Ивановной. Обаяние, интеллигентность, достоинство, внешняя простота. И это не на показ, это в крови. Я очарована этими людьми, и с каждым годом это чувство только усиливается.

В 2000 году Еремей Иудович и его жена Елена Сергеевна Кнорре были уже не молоды и, к сожалению, не здоровы. Поэтому в дом приглашались только самые близкие: друг детства Волков Юрий Сергеевич с супругой Светланой Александровной и чета Бонч-Бруевичей. Встречи были редкими, только в связи с каким-нибудь праздником: день рождения, масленица, издание новой книги... Парновы умели принимать гостей, но особым «лакомством» были застольные беседы на самые разные темы: исторические, политические, философские, о путешествиях, встречах с интересными людьми, забавные истории... Никогда не забуду тембр голоса Владимира Владимировича, его особую манеру говорить, взвешивая каждое слово (наверное, профессия наложила свой отпечаток), улыбку. Как мало было этих встреч!

Ещё одно, и мне кажется, самое главное в характере Владимира Владимировича открылось, когда в наш дом пришла беда. В 2007 году ушла из жизни Елена Сергеевна, затем серьёзно заболел Еремей Иудович. И тут на помощь пришёл Владимир Владимирович, и не пустопорожней болтовней, а конкретным делом. А моему заболевшему

мужу он просто спас жизнь, устроив его в 1-ю Градскую, где моего Серёжу вернули с того света. Я безмерно благодарна ему за это.

Эта готовность прийти на помощь любому, не требуя ничего взамен, присуща только искренне сострадающим, верным друзьям, настоящим людям. И вообще, его отношение к окружающим определялось не размером кошелька, статусом, чинами и наградами. В этом я убедилась, когда в 2009 году не стало Е. И. Парнова. Казалось бы, нас уже ничто не связывает. Но это не в характере Владимира Владимировича. Наши встречи продолжались либо в день рождения, либо в день памяти Еремея Иудовича. Не забывал и о Елене Сергеевне. Постоянно поздравлял уже нашу семью с праздниками. И что очень важно для меня, организовал, при активном участии Елены Ивановны (моя отдельная благодарность!), вечер памяти Еремея Иудовича Парнова в Центральном доме работников искусств.

После того, как мой муж слег с инсультом, встречи в нашей квартире стали невозможны. Казалось бы... Но НАСТОЯЩИЕ своих не бросают! Благодаря семьям Бонч-Бруевичей и Волковых наша традиция сохранилась. Но в следующий раз одно место окажется свободным...

Я благодарна судьбе: в мою жизнь вошли необыкновенные люди, которыми я восхищаюсь, которым хочется подражать, чьим отношением к нам очень дорожу. СПАСИБО ЗА ВСЁ!

Пока живу, ПОМНЮ.

СТО ЛЕТ ТЕБЕ ЖИЗНИ...

Мне до сих пор не верится, что нет Володи. И что по телефону больше не услышу его голос, его необыкновенный смех. Я часто вспоминал о нашей с ним дружбе, которая началась вовсе не в Москве, не в стенах «Литературной газеты». А на Камчатке, где в шестидесятые годы я работал врачом и одновременно занимался вторым любимым делом — журналистикой, часто печатаясь в местных (камчатских) и центральных изданиях. С 1967 года (пятидесятилетие СССР) «Литературная газета» стала выходить на шестнадцать полосах. Тогда же вышел мой первый очерк с моими рисунками. Именно с того времени и началась наша дружба с Володей, довольно быстро переросшая в самое настоящее братство, которое с каждым днём укреплялось не только в стенах любимой нами газеты, но и в наших домах. Даже в горах Армении, где мы с ним много путешествовали, вместе познавая древнюю культуру и историю моей страны, которая и для Володи стала не чужой.

И вот теперь я должен с болью в сердце признаться дорогой моему сердцу Елене Бонч-Бруевич, сестре моей, в том, что, узнав о страшном горе, я, вроде бы заядлый и безудержный путешественник, не мог приехать в Москву, чтобы быть рядом с ней в самый тяжёлый для всех нас день.

Леночка, надеюсь, ты догадываешься о причине моего отсутствия, ведь ты, наверняка, была рядом с Володей при наших с ним телефонных разговорах, особенно в последнее время, и вместе с ним разделяла его беспокойство по поводу состояния моего дважды прооперированного сердца. Я ведь последние три года никуда не выезжал.

Дорогая сестра! Надо ли мне сейчас говорить о том, как я бесконечно признателен тебе за твоё предисловие к заключительному восьмому тому моего собрания сочинений. Предисловие, в котором ты, называя меня своим братом, желаешь мне армянское «цавыт танем»*. Именно с таким заголовком один из армянских журналов перепечатал твоё предисловие к восьмому тому. Упоминаю об этом вовсе не всуе. Узнав о постигшем тебя горе, издатели журнала, читатели его, мои друзья также выражают тебе и домочадцам свои искренние соболезнования.

А моя Нелли, мои дети, вся моя родня не просто выражали соболезнование, а, и это невозможно было не заметить, почти на клеточном уровне разделяли со мной мою боль от потери поистине настоящего друга-брата. Не смогу объяснить, но в такие горестные минуты почему-то часто вспоминаются какие-то эпизоды из жизни, которые словно бы идут вразрез с нашим состоянием, не имеют к нему прямого отношения. Возможно, это происходит оттого, что жизнь, как не крути, сильнее смерти. И эпизоды эти, в воспоминаниях, как бы опровергают потерю родного человека.

Один из таких «жизненных» эпизодов я и рассказал моим друзьям и домочадцам, понимая, как сильно они осознают мою огромную боль. Поведал о том, как однажды на легендарном озере Севан с Володей и вашей дочкой Катей мы, что называется, ужинали. Надо ли напоминать, что ужин этот был историческим. Мы часто с Володией его вспоминали — одновременно со смехом, и стыдом тоже, больше всего думая о нашей Кате. Именно она и тащила нас обоих в гостиницу, как мешки, даже взглядом не осуждая нас за столь уж слишком развесёлое наше состояние. Она ведь понимала, что мы с Володией никакие не алкаши, и во всем «виноват» только и только величественный Се-

.....

* Цавыт танем — в переводе с армянского «возьму себе твою боль».

ван, где нельзя было не произносить уйму действенных тостов. Поэтому она и не переживала за нас, а на следующее утро, под всеобщий хохот рассказывая о нашем «героическом» походе, добавила: «А я знала, что уж если мы с папой находимся на Севане, то иначе было бы просто невозможно, и даже грешно».

Боже мой, сколько же у нас с Володей было таких памятных дней. Разумеется, не обязательно с водкой.

Должен сказать, что дружба с Володей обязывала меня ко многому. Прежде всего к серьёзному и ответственному отношению к работе, к каждой моей статье. Все мои зарубежные поездки непременно завершались литгазетовскими очерками, а затем и книгами. Володя, как глава соборовской сети, был спокоен: знал, что я не подведу никогда. Меня же обязывала не только творческая мысль, но и дружба с ним. Она была вне времени и обстоятельств. А когда после распада нашей общей страны кардинально изменились и время, и обстоятельства, нас и нашу дружбу спасала телефонная связь.

Однажды, находясь в Карабахе, я позвонил Володе и узнал, что он затеял очередной ремонт квартиры. Была у него такая «пламенная» страсть: время от времени заниматься ремонтом — бывало даже комнатные стены представлял, а то просто обои менял. К его восьмидесятилетию (через два года после моих 80 лет) я написал ему в Москву такие два четверостишия:

Бонч-Бруевич может заменить все стены,
Двери, окна, пол и потолок.
А вот Лену может заменить лишь Леной.
И это, скажу я, пока пролог.

Относись ты к недугам сурово.
Больше смеха и поменьше слов!
Чтобы были вы всегда здоровы,
Надо лишь любовь и плюс любовь.

Эти две строфы с развёрнутым предисловием помещены в сборнике моих стихов, вышедшем в Ереване. Я пошлю экземпляр тебе.

Однажды я спросил Володю, как бы он ответил Богу, если бы Всевышний предложил сто лет жизни, но... либо ему, либо жене. Не дав мне закончить шутовскую задачку о божьем долголетьи, он ответил так, как ответить мог только он. А я написал такое четверостишие:

Бог разрешил Володе торговаться:

«Прожить сто лет — тебе или жене?».

«Все сто жене, — ответил он мне вкратце. —

Елене — всё. Лишь остальное мне».

Лена-джан! Сто лет тебе жизни!

ИЗ ДАЛЁКОГО ИЗРАИЛЯ

Мне довелось всего лишь несколько раз встретиться с Владимиром Владимировичем, чаще общались по телефону, да и то в основном по чисто техническим делам, связанным с выпуском «ЛГ» в Израиле.

Но даже по немногочисленным встречам и беседам было понятно, с человеком какого масштаба мне повезло быть знакомым. В самом начале налаживания связей с российскими СМИ (первая половина 90-х) Вл. Вл. был одним из тех, кто помогал мне в этом. Помогал, не преследуя никаких коммерческих целей. Помогал с желанием, чтобы тысячи преданных читателей «ЛГ», репатриировавшиеся в Израиль, могли продолжить читать любимую газету, которой он и сам был верен до последнего своего дня. Встречаясь с журналистами и руководителями российских СМИ, я отмечал, с каким уважением к нему относились коллеги. Я даже придумал своеобразный тест для таких встреч: если собеседник знаком с Вл.Вл. и отзывается о нём с уважением, то стоит продолжить поддерживать контакты. Вл. Вл. в свой, к сожалению, единственный приезд в Израиль искренне интересовался историей, жизнью нашей страны, устройством земляков. Просил помочь в поисках работы бывшим коллегам. Во время нашего прощального вечера в иерусалимском ресторанчике он заметил, что его мама Нелли Моисеевна, наверное, была бы рада узнать, что сын ходит по улицам древней столицы её далёких предков. Запомнились мне и наши прогулки по Москве, в которую он был влюблён всю жизнь, его рассказы и воспоминания о городе, о встречах со знаменитостями (а их было немало), с простыми москвичами. Будучи одним из самых профессиональных журналистов старой московской школы,

он оставался удивительно тёплым, чутким и скромным человеком. Великолепно эрудированный, блестящий собеседник, он являлся для меня образцом настоящего российского интеллигента. Таким он и был вне зависимости от смены властей, идеологий, условий быта. У нас принято говорить, прощаясь с дорогими и достойными людьми: «Зихрано увраха» — «Да будет благословенна его память».

ЧЕЛОВЕК СВОЕГО ВЕКА

Горел камин, у его решётки стоял «будущий Шифрин», а мы сидели за торжественным столом и слушали его шутки. Это было 48 лет назад — мне вручали первую журналистскую премию. Её инициировал председатель секции репортёров Москвы Владимир Бонч-Бруевич. Здесь, в кафе «У дядюшки Гиляя», мы и познакомились.

Спустя 15 лет я пришёл из «Комсомолки» в «Литературную газету». Мы стали соратниками. И вскоре я придумал ему личностную характеристику: «деятельное спокойствие».

В отличие от большинства громких людей, которые меня окружали, Володя был человеком бесшумным. Но его творческая и организационная деятельность была явственной любого шума.

Бонч от природы был заточен на помощь другим. На поддержку других. На внимание к нуждам других. Незадолго до своего ухода, он, зная о драме моей жены — потеря зрения — принял энергичное участие в поисках врачей, клиник, больниц, всего того, что могло бы помочь в трудной ситуации.

Когда внезапно умер мой сын (Дмитрий Бакин), Володя лично писал некролог в «ЛГ». Когда назревал тот или иной мой юбилей, Володя писал простые, но всё же вгоняющие меня в краску тексты, и они появлялись на страницах «ЛГ». А я всегда был рад тому, что он неизменно присутствовал на моих торжествах, устраиваемых руководством «Российской газеты».

Сразившая меня информация: Бонч был младше меня на 2 года! А я считал, что мы живём на одном этаже времени. Ведь в нашем с ним возрасте 2 года — это срок! Это

целая жизнь: короче той, что прошла, но и не меньше той, что дарит судьба.

Бонч и «ЛГ» — какой бы она ни была и какой бы ни стала — это история журналиста и исторического издания. Роль Володи в «ЛГ» — серьёзная и основательная. Я благодарен судьбе за те предназначения, которые она определила мне в моём земном сроке, одарив встречами и дружбой с такими людьми, как Бонч...

...Говорю ему в нашем последнем телефонном разговоре: «Я не доверяю этому человеку. Пробы негде ставить». — «Ну, ты знаешь, — возражает Володя, — он, конечно, не без греха, но я думаю, что на него можно положиться...» Сознание Володи не допускало абсолютно подлых, безнравственных людей. Хотя бы одну искру света он видел в каждом. А каждый из нас — видел свет и доброту в нём... Бесшумный, добрый, умный, неповторимый...

Человек своего века. Века, не ставшего своим личностям, подобным Владимиру Владимировичу Бонч-Бруевичу.

ШТРИХ К ПОРТРЕТУ

Моё знакомство с Владимиром Владимировичем стало делом случая.

Было это так. По окончании работы над рукописью о выдающемся журналисте и репортёре, известном писателе и талантливом сценаристе «космических» фильмов Евгении Ивановиче Рябчикове я посоветовался с его сыном Борисом Евгеньевичем, кому можно было бы показать текст на предмет рецензирования. У самого Б.Е. сомнений в качестве подготовленного материала не было (по ходу работы мы многократно советовались, особенно по спорным вопросам), но хотелось получить внешний отзыв и притом от человека, который хорошо знал журналистскую среду 1950–1980-х годов.

Почти не задумываясь, Борис Евгеньевич назвал Бонч-Бруевича, с которым ему время от времени доводилось встречаться, в том числе на столетии со дня рождения Е. И. Рябчикова (2009 год): Владимир Владимирович не только лично знал Евгения Ивановича (ещё в далёком 1962-м по предложению мэтра его, 25-летнего ответсекретаря «Московской правды», избрали председателем секции репортёров Московского союза журналистов), но и давно и заслуженно имел репутацию настоящего профессионала журналистики, доброжелательного, отзывчивого человека.

Заполучив телефон Владимира Владимировича, созвонился с ним, пояснил, кто меня «вывел» на него, и кратко изложил свою просьбу.

В. В. без каких-либо возражений согласился посмотреть рукопись, разве что, словно извиняясь, деликатно предложил мне набраться терпения: «труд» большой, свыше пя-

тисот страниц, и менее чем за пару месяцев с просмотром не уложиться.

Я, конечно, согласился и стал терпеливо ждать, когда Владимир Владимирович будет готов к разговору.

И вот, наконец, — звонок, извещавший, что могу прийти для беседы. Не скрою, сильно волновался: историко-биографические исследования мне доводилось проводить и прежде, но подобного рода, в новой для себя области — впервые. От оценки, которую предстояло выслушать, во многом зависела дальнейшая судьба рукописи.

Владимир Владимирович встретил меня приветливо и, как мне показалось, не без любопытства, с прищуром разглядывая неизвестного ему гостя, который не принадлежал ни к журналистскому, ни к писательскому сообществу.

Знакомство началось с просьбы рассказать, кто я, откуда, где и кем работал, имел ли публикации, какие... И конечно, как возникла идея написать о Рябчикове. Чувствовалось, что интерес, с которым В. В. слушал меня, — неподдельный, искренний. Тем более что речь шла об «экзотике» — Заполярье, Норильске, крупнейшем горно-металлургическом комбинате... Сказал, что к нынешней теме хотел подступиться, когда прежде, в начале 2000-х, работал над книгой «Атомный век: норильский след», в одной из глав которой «действует» Сусанна Михайловна Карпачёва, жена Евгения Ивановича. По прочтении её «Записок советского инженера» ещё более уверовал в необходимость написать о Рябчикове, но Борис Евгеньевич не сразу дал согласие на сотрудничество в этой работе.

Слово за слово, подошли к главному — замечаниям по рукописи. Мог ли я предполагать, с какой скрупулёзностью мой рецензент проштудирует написанное? Даже не помышлял. Ну, думалось, полистает, на выборку покритикует — и всё. Нет же! Пометки были чуть ли не на каждой странице, причём сделаны аккуратно, без вмешательства в текст. Словом, с предельной уважительностью к автору.

Мы тогда просидели несколько часов. Иногда я с чем-то не соглашался, приводя те или иные аргументы, а в ответ — встречные доводы, которые чаще всего «перевешивали». Характерно, что мои возражения Владимир Владимирович воспринимал с предельной корректностью, без малейшей доли недовольства. Он создал такую атмосферу дискуссии, когда я не чувствовал себя в роли мальчика для битья, неумелого новичка. Любой спорный тезис, пассаж мы обсуждали чуть ли не на равных. По крайней мере, у меня осталось именно такое чувство.

И ещё. Обычно рецензент, общаясь с таким автором, как я, больше внимания уделяет недостаткам, ошибкам, неточностям. Конечно, критика не обошла и меня. Но в то же время Владимир Владимирович не без удовольствия отмечал удачные «куски», правильные оценки. Особенно комплиментарную реакцию вызвала у него заключительная глава...

В общем, ушёл, нагруженный такой обильной информацией, работа с которой потребовала и повторного редактирования текста, и различного рода исправлений, очередных архивных уточнений. Не говоря уже о «мелочах».

Время от времени я звонил Владимиру Владимировичу, согласовывая поправки или уточняя суть его замечаний. И он ни разу не выказал своего недовольства, раздражения. Скорее наоборот: предлагал, не стесняясь, звонить по каждому поводу, делиться сомнениями... Тем более если возникало какое-то недопонимание.

В конце концов книга «Неистовый» вышла (2017 год), да ещё с предисловием моего рецензента, о чём он позаботился заблаговременно, понимая, что его слово — далеко не последний фактор успешного издательского процесса.

Прошли несколько её презентаций («Комсомолка», к примеру, предоставила свою площадку на Международной книжной ярмарке, за что я особенно благодарен Людмиле Матвеевне Сёминой, председателю Совета ветеранов «КП» — газеты, в которой Евгений Рябчиков начинал свой путь в большой журналистике).

А Владимир Владимирович счёл своим долгом написать о книге в «Литературной газете», тоже родной для Евгения Ивановича. В одном из июльских номеров 2017 года появилась рецензия В. В. «Неистовый репортёр», где к тёплым высказываниям о Рябчикове автор не преминул присоединить слова глубокой благодарности мне — за «объёмно и достоверно созданный портрет Евгения Ивановича».

Пишу об этом потому, что такова, как я понял, — жизненная позиция Владимира Владимировича: не оставлять без доброго слова, напутствия тех, кого он поддержал, кому помог, кто благодаря ему получил возможность увидеть свою рукопись в типографском облике.

Не могу не сказать и о последнем, в отношении меня и книги «Неистовый», намерении Владимира Владимировича: попросить «Литгазету» ходатайствовать о присуждении премии Союза журналистов России. Казалось бы, зачем ему дополнительные хлопоты (здоровье-то не ахти, и я стал отговаривать его от лишних забот), но В. В. упорствовал, считая нужным довести это дело до конца.

Как всякое другое, как всё, к чему он был причастен.

Светлая ему память...

СОХРАНИМ СВЕТЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

С Владимиром Владимировичем я познакомился лет 30 назад, может быть, даже больше, через своего школьного товарища Еремея Парнова, с которым я дружил начиная с 8 класса. Еремей, или как все его звали Рим (это имя он сам себе придумал ещё в школе), в это время был уже известным писателем, который попробовал себя во многих литературных жанрах, включая исторические детективы, научную фантастику, традиционную и научную журналистику — и везде успешно. Однажды Еремей устроил банкет по случаю выхода очередной книжки (не помню какой), гонорары тогда у писателей были весьма приличные, особенно если книга выходила большим тиражом, а научная фантастика тогда была нарасхват. Так что пригласить друзей в ресторан преуспевающий автор мог себе позволить запросто. Банкет проходил в ресторане гостиницы «Интурист», что в начале улицы Горького, сейчас на этом месте построена другая гостиница, высотой пониже, но классом повыше. Сложилась тёплая обстановка. В больших компаниях всегда образуются мини-компании, по каким-то одним им известным интересам, и, когда ресторан закрывался, Володя предложил нашей мини-компании, а это было человек 10, не меньше, продолжить литературный праздник, благо его дом был недалеко. В начале банкета Рим сказал мне: «Познакомься, это Володя Бонч-Бруевич». Знаменитая фамилия, не скрою, произвела, на меня впечатление, но Володя держался настолько просто и естественно, что мы с ним, как писал О. Генри, подвели под наше знакомство жидкую, но тем не менее твёрдую почву.

Я даже хотел было рассказать анекдот о том, как председатель Совнаркома В. И. Ленин и его управделами В. Д. Бонч-Бруевич приехали инспектировать недавно открытый первый пролетарский публичный дом, но воздержался и никогда этот анекдот Володе так и не рассказал (наверняка, он его знал и без меня).

Вернёмся в квартиру Бонч-Бруевичей. После банкета веселье у них дома продолжалось настолько шумно, что раздался звонок в дверь. Это были соседи сверху, а я в этот момент исполнял на пианино только что сочинённый мной музыкальный экспромт «Буря и натиск» (или что-то в этом роде). При этом стоит отметить, что мой музыкальный опыт игры на пианино ограничивался до этого времени чижиком-пыжиком. Ну, думаю, сейчас будет скандал. И действительно, соседи начали упрекать: «Вы тут пьянствуете, орёте, а нас-то почему не зовёте?!»

Короче, гости разошлись весьма довольные друг другом. В дальнейшем мы с Володией встречались, как правило, у Рима: дни рождения и другие подобные события. Впрочем, были и вопросы строительства. Московская консерватория, расположенная поблизости от дома Бонч-Бруевичей, затеяла реконструкцию, настолько масштабную, что строительство подземной парковки могло повлиять на устойчивость дома и вызвать нежелательную деформацию фундамента. Поскольку я работаю в НИИ бетона и железобетона (НИИЖБ им. А. А. Гвоздева), то по просьбе Владимира Владимировича обратился к своему знакомому заведующему лабораторией соседнего с нами Института оснований и подземных сооружений (НИИОСП) Христофору Авдеевичу Джантимирову. Джантимиров, которому Володя за глаза дал прозвище «Христофор Колумбович», разобрался с проблемой и, насколько я помню, выяснилось, что дому Бонч-Бруевичей ничего не угрожает. А дом, надо заметить, исторический, его стены украшает не одна мемориальная доска, в том числе и в честь деда Володи — В. Д. Бонч-Бруевича, соратника В. И. Ленина.

У нашего общего друга, Рима Парнова, умерла жена, журналистка Елена Сергеевна Кнорре. Рим, конечно, тяжело переживал горе, но не сломался, продолжал работать над новыми рукописями и переизданиями ранее вышедших книг.

У Рима в этот период мы с Володией виделись довольно часто, но судьба неумолима и Рим заболел. Володя, чтобы поддержать нашего общего друга, организовал очень интересное интервью с Римом в «Литературной газете». Володя сделал очень многое, чтобы отсрочить неизбежное, но 18 марта 2009 года Рима не стало. Мы с женой Светланой в это время были за границей. Урна с прахом Рима нас дождалась и по возвращении на Востряковском кладбище мы предали прах Рима земле в могиле его родителей: отца Иуды Израилевича Парнова и его мамы Веры Еремеевны. 18 марта стало днём памяти нашего общего друга, и мы встречались два раза в год, 18 марта и 20 октября (день рождения Рима).

Владимир Владимирович, как заместитель председателя Пресс-клуба Центрального дома работников искусств, организовал в ЦДРИ замечательный вечер памяти Рима Парнова, где выступили с воспоминаниями многие именитые журналисты и писатели, знавшие его лично. А творческие интересы Рима были необычайно широки: от истории восточных религий (только по буддизму он издал две или три книги, был лично знаком с Далай-ламой), до Шекспира. По-моему, в вопросе, был ли Шекспир Шекспиром, а не лордом Рэтлендом или Френсисом Бэконом (в книге Рима о Шекспире есть даже глава с выразительным названием «Претенденты на трон»), в чём уверены многие шекспироведы, он поставил точку. Он доказал, что пьесы Шекспира написаны автором, отлично знавшим постановочную театральную технологию, когда текст пьесы предусматривает перемены в появлениях на сцене того или иного героя, чтобы дать возможность актёру, исполняющему ту или иную

роль, передохнуть. Таким знатоком и был сам Шекспир, директор театра «Глобус».

На поминальной церемонии, провожая Владимира Владимировича в последний путь, один из выступавших правильно отметил, что «с его смертью ушла эпоха, эпоха подлинных русских интеллигентов». Все, кто его знал, сохраняют о нём самые светлые воспоминания.

ВОЛОДЯ. КАКИМ ПОМНЮ И ЛЮБЛЮ

О Володе Бонч-Бруевиче ещё напишут друзья, коллеги (увы, многие из них уже ушли в мир иной) — о таком человеке можно и нужно вспоминать, да его просто не забудут никогда. Моя же цель более чем скромна. Лышу себя надеждой, что была и остаюсь одной из лучших подруг его Лены, а связывает нас почти 60 лет. И это значит, что пишу я о муже своей подруги.

Однолюб во всём — почти одно место работы, одна семья (и какая !) и, конечно, одна любимая жена. На их золотой свадьбе сказал, что единственным человеком, ни разу не вызвавшим у него даже намёка на раздражение, была Лена. Я в это безоговорочно верю.

Уметь дружить — уже большое дело, а дружить по 50 и более лет — тем паче. И так остро переживать неизбежные уходы своих закадычных друзей — в этом тоже был весь Володя. Жизнь такова, что эти потери становились чаще и чаще, но ведь оставались близкие их с Леной друзья, жёны, дети, внуки, даже дальние родичи, и никогда они не были обойдены вниманием Бончей.

Обязательность, надёжность, желание придти на помощь и словом и делом — и в этом тоже был весь Володя. И, конечно, порядочность самой высокой пробы.

Вспомнился один эпизод. Я не работала с Володей (хотя когда-то давным-давно в моей редакторской практике в АПН пришлось сотрудничать как с автором), но однажды обмолвилась о своей проблеме, и собственно никакой просьбы с моей стороны не было. Просто сидели на кухне за рюмкой чая на Семашко, и я сказала, что лечу в коман-

дировку в Тбилиси и Ереван (дело было в 78-м году прошлого века) сопровождать болгарскую поэтессу, гостью по линии АПН. Сказала и сказала. Поездка наша организована, программа составлена. Володя дал мне телефон своего корреспондента Эдика Елигулашвили. «На всякий случай, — добавил он, — мало ли что, вдруг пригодится...»

В результате вся наша запланированная с особой тщательностью программа полетела ко всем чертям. Оказывается, Володя после «чаепития» сделал звоночек собору «Литгазеты» и тот встретил нас в аэропорту. Ну а дальше... пять незабываемых декабрьских дней. В поистине солнечном Тбилиси. Конечно, тут и традиционное грузинское гостеприимство, но и безмерное уважение, даже любовь к человеку, попросившему своего собора о содействии. Кстати, позже болгарская гостья написала мне, что будь на её месте сам Тодор Живков, вряд ли его принимали бы лучше. То же самое было и в Армении, и в Узбекистане, и в Прибалтике. Всегда помню об этом.

А Володина принципиальность... Он никогда, ни в какие времена (а они были разные) не изменял себе, своим взглядам (они не всегда совпадали с моими). Но в нём не было упёртости, агрессии, навязывания своих мыслей, чем нередко грешат его единоверцы, вчерашние атеисты, а сегодня молящиеся в церквах. Побольше бы таких чистых людей «в пыльных шлемах», глядишь и жизнь была бы иной... Справедлива или не справедлива единственная парадигма, в которой жил Володя Бонч-Бруевич?

И в то же время никакого консерватизма, замшелости. Абсолютно современный, элегантный, даже пижонистый. С интернетом на короткой ноге (и давно). Если гаджет, то последней модели (спасибо дочке Кате и внукам Максиму и Танечке).

И, как говорится, ничто человеческое... Труба лопнула в Барвихе, газовый котёл дал дуба, сосна упала на крышу — разве можно обойтись без Володи? А спасти и лечить больных, но таких любимых собак, кошек, даже во-

рон. Вообще отношение всех Бончей к зверью это что-то отдельное, а уж как красит это самого главу семьи...

Любопытство к жизни ещё одна грань Володи, уже в «бархатном» возрасте они с Леночкой кидались в такие волшебные поездки — Сингапур и Мальдивы, норвежские фьорды и исландские гейзеры... Всего не перечесать. И ведь это было совсем не так давно. Редкий день, когда бы мы с Ленуськой не болтали по телефону. В последние годы Володя частенько бывал дома, хотя постоянно решал те или иные проблемы. Одним словом, всё как всегда. Звоню. «Володя, привет!» — «Здравствуй, Ингуля, не могла бы ты перезвонить позже, жду звонка». Мы с Леной в такие минуты называли его «врагом», конечно, шутиливо. Господи, вернуть бы эти чудесные времена... Зато теперь болтай сколько влезет. Только Володи уже нет. Он помогал всем, а мы все не смогли помочь ему.

В августе, четырнадцатого. Горько и больно...

P.S.

Закончила свои сумбурные заметки, перечитала и подумала: что же это получается, какой-то совершенно идеальный образ, так не бывает у нормальных людей.

А если бывает?..

**ВОЛОДЕ БОНЧ-БРУЕВИЧУ —
В ДЕНЬ 50-летия**

Полвека знаем мы его
И представляем грубо, зримо:
В нём лишнего нет ничего.
А всё, что есть, — необходимо.
Квартира, дача и жена,
Зарплата, должность, дочка, внучка,
Награды, званья, ордена,
Друзей надёжная стена —
За всё заплачена цена,
Она повыше, чем получка.
Достоинств у него не счесть —
Немало накопил в полвека:
В налицье — совесть, ум и честь,
Пусть не эпохи — человека.
В нём свет октябрьского огня,
И ясен нам его генезис,
Когда он, голову склоня,
Апрельский сочиняет тезис.
Или готовит мыслей клад,
Чтоб заострить вопрос вопросов,
Иль вдруг подарит нам доклад
О неуплате членских взносов.
...Что ж, не уплатим в срок и в лад —
Жизнь недоимки подытожит.
Ты славно прожил пятьдесят,
Пусть век не хуже будет прожит!

Апрель 1987 г.

МУЖ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Мне повезло. В мой класс пришла новенькая девочка — Лена Бойцова, мы оказались за одной партой и сразу подружились. В 1957 году школу окончили (обе с медалями) и поступили — Лена на факультет журналистики МГУ, я в Энергетический институт. Дружить продолжали, бегали друг к другу на лекции, делились всеми девичьими секретами. С моим вздорным с юности характером мне ни разу не удалось с ней поссориться, кстати, до сих пор, хотя прошло с тех пор более шести десятков лет.

После 4 курса Лену послали на практику в газету «Московская правда», в отдел, где заведующим был один из самых молодых сотрудников редакции Володя Бонч-Бруевич. Мне сразу стало ясно, что в жизнь моей подруги вошла любовь. Они тайком уехали ненадолго отдохнуть на Рижское взморье, а когда вернулись, уже понимали, что не смогут жить отдельно. 19 августа 1961 года они поженились, и, уверена, за 57 лет никто из них не пожалел о своём выборе.

Все эти 57 лет Володя был и в моей жизни, и я считаю большим везением иметь такого друга — мягкого, умного, интеллигентного, умеющего выслушать и дать дельный совет так, чтобы никогда не было обидно. Я тоже вскоре вышла замуж, и у Лены и у меня родились дети, встречи стали не такими частыми. Но все радостные и, к сожалению, печальные события переживали вместе. С 18 лет я всегда, день в день, отмечала свой день рождения. Естественно, Бончи всегда были у меня, удивительно, как Володя находил общий язык и с моими негуманитарными друзьями, с моими бабушкой и дедушкой, родителями — особенно с папой. Мои гости ждали, когда для тоста возьмёт слово

Володя, это всегда были не обычные пожелания, а что-то своё, бесконечно тёплое, что я запоминала надолго.

По работе я Володю знала мало, но даже мне довелось испытать на себе то уважение, которое питали к нему собственные корреспонденты союзных республик, руководителем которых он был. В Ереване меня опекал Зорий Балаян — гостиница, поездка по Армении. Свадебное путешествие моего старшего сына в Грузию тоже помог осуществить собкор — Эдуард Елигулашвили.

Не могу не вспомнить об одном случае, ярко характеризующем Володю как очень участливого человека. Женщине, с которой я вместе работала в ВЦ Управления Московской железной дороги и где я была профоргом в отделе, дважды по совершенно непонятным причинам не предоставляли квартиру, хотя она была первой в очереди. На третий раз — всё то же самое, сколько я не пыталась за неё вступиться. Я рассказала об этом Володе. И он, несмотря на свою чрезвычайную занятость, встретился с руководителем профсоюзной организации предприятия. Удостоверение «Литературной газеты» сыграло свою роль. Мы победили!

Последние встречи вспоминаются особенно остро. В январе 2018 года я отметила столетие со дня рождения моего папы. Собрала всех родственников: сыновей, внуков, внучек. Мне так хотелось, чтобы они помнили своего деда и прадеда. Я много говорила, что-то вспоминала, но, кроме меня, никто ничего не сказал. Все разошлись, а мне было очень грустно. И вдруг позвонил Володя, узнал от Лены о юбилее. Он сказал столько тёплых слов о папе, что мне стало гораздо легче.

Дома у них часто звонил телефон, и я понимала, что у Володи просят совета и помощи, часто медицинской. Я тоже дважды пользовалась «скорой помощью» Володи: когда моего сына сбила машина и в Институте им. Склифосовского его осматривала Елена Владимировна Бонч-Бруевич (дочь В. Д. Бонч-Бруевича, хирург института),

и когда я сама сломала ногу и консультировалась у самого лучшего специалиста в том же Склифе.

Помню, как на праздновании 50-летия свадьбы моей подруги Володя сказал, что даже близкие друзья и родные, бывает, раздражают, и только один человек никогда не раздражает его — это его жена. Они жили очень дружно, заботились друг о друге, и сейчас сердце моё страдает за Лену, потерявшую такого мужа — Мужа с большой буквы. Рядом с ним не могли вырасти плохие дети или внуки. И это они доказали ещё раз в тяжёлые дни после потери. Как Максим поддерживал осиротевших женщин, как он проявил себя на похоронах и поминках. Спасибо ему за это.

НЕВОСПОЛНИМАЯ УТРАТА

Впервые мои пути-дороги пересеклись с Володиными в январе 1956 года во время студенческих каникул. В те времена, на время школьных и студенческих каникул, дома отдыха превращались в молодёжные лагеря. Я приехал в дом отдыха «Тетьково» под городом Кашин Тверской области.

Там мы и встретились. Я был на четвёртом курсе военно-инженерной академии, радиотехнический факультет, Володя на первом курсе МГУ, факультет журналистики. Почему мы, два совершенно разных человека и по возрасту, и по образованию, подружились, не пойму до сих пор.

Мне врезалось в память из первых недель знакомства, что в молодёжном коллективе, когда заходил разговор о Володе, говорили: «Володя: Флобер, Гюго, Мопассан...». То есть он сразу выделился среди молодёжи своим интеллектом, своей интеллигентностью. И спустя годы, если встречались «тетьковцы», то, говоря о Володе, обязательно добавляли «Флобер, Гюго, Мопассан», без насмешки, уважительно.

Говоря о наших с Володией взаимоотношениях, хочется отметить следующую его особенность. Я с Володией подружился 62 года (22 645 дней), и за всё это время я ни разу не услышал грубого слова, ни одного громкого слова. Володя всегда был корректен в своих высказываниях. А обо мне Володя отзывался только положительно, даже хвалебно, ни разу не сделал ни одного замечания в мой адрес. А я их точно временами заслуживал. Я всё время чувствовал очень доброе, уважительное отношение Володи ко мне, что меня смущало.

При различии нашего образования, — Володя, эрудированный журналист, я инженер-разработчик в военной форме, — мы в молодости (до женитьбы) встречались почти каждый день — Володя ни разу не показал своего гуманитарного превосходства. Мне было очень интересно и поучительно с ним, а почему Володе было интересно со мной, для меня осталось загадкой.

60 лет — это вся моя сознательная жизнь, которая прошла рядом с Володиёй. Оценивая прожитые годы, понимаешь, что в конце жизни оказались важны два человека. Моя любимая жена Эмма и друг Володя. Друг ушёл, и потерялась моя связь с половиной моей жизни, полжизни ушло в небытие!

ЭРУДИРОВАННЫЙ И ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ

С Владимиром Владимировичем я познакомился у него на даче в Барвихе. Был жаркий летний день, я приехал в гости к его очаровательной дочке Екатерине, мы сидели — пили чай на летней веранде.

С Владимиром Владимировичем мы как-то сразу подружились и нашли общий язык, как будто были знакомы уже очень давно. Он потом шутил, что это, наверное, потому, что мы оба учились в одной и той же Барвихинской школе.

Помимо того, что он был интересным и приятным собеседником, Владимир Владимирович был очень деятельный человек. С его появлением на даче чудесным образом всё начинало работать, крутиться и вертеться, газоны — поливаться, лампочки — загораться, короче, появлялась жизнь.

Мы с ним разговаривали об истории Советского Союза, о революции, мне было очень интересно узнать это почти из первых уст, а не из учебников ВПШ. Он со знанием дела обо всём рассказывал в мельчайших подробностях и с точными комментариями. С Владимиром Владимировичем было интересно поговорить обо всём, он мог поддержать беседу в любом направлении, будь то хоккей или политика. Он был очень эрудированный и любознательный, удивительно честный человек, к сожалению, таких людей уже почти не осталось.

ВРЕМЯ ТОРОПИЛО, НО ОН ДЕРЖАЛ ДИСТАНЦИЮ

Любое прожитое поколением людей астрономическое время — своя история. И эти исторические вехи невольно делят нашу личную жизнь на условные и вполне акцентированные периоды, обрекают биографию на «параллели Лобачевского». У параллельных со страной курсов каждый живущий в ней человек находит столько пересечений, общих интересов и ожиданий. В революционной семье Бонч-Бруевичей таких пересечений, естественно, было больше, и всё, что с ними связано, легко догадаться, создавало особую домашнюю атмосферу, в которой рос и воспитывался Володя.

Ни он сам, ни те, кто с ним вместе работал, никогда не могли абстрагироваться от этого, без преувеличения, исторического факта. Фамилия редкая, в советское время широко известная. И я считал и считаю, лишь добавляла уважения коллеге. Хотя самому ему она порой создавала и некоторые чисто психологические трудности. Ведь в профессиональной среде тех же литгазетовцев все прекрасно знали о регалиях совнаркомовского Бонч-Бруевича, и каждому члену семьи заведомо предполагалось держать заданный, высокий и достойный уровень, к чему стремился, понятно, и всю жизнь работавший в печати, на линии беспощадного перекрёстного огня, Владимир Владимирович Бонч-Бруевич.

Разумеется, его как человека ответственного, с большим чувством долга прочно держала при себе обязанность соответствовать фамилии. И нет причин стесняться говорить об этом. Мы вместе с ним трудились одиннадцать

лет (я отвечал, будучи редактором «ЛГ», за общественно-политическую тематику), и у меня есть право сказать, что литгазетовский Бонч-Бруевич неизменно оставался собранным, организованным, руководимая им корреспондентская сеть в стране и её регионах (напомню: речь идёт об огромном по территории Советском Союзе) обеспечивала еженедельник с более чем шестимиллионным тиражом всей необходимой информацией, оперативно выполняла редакционные задания в горячих точках, на самых трудных и напряжённых участках тогдашних перестроечных фронтов.

События в те дни нередко заставляли торопиться, определённый накал в газетной работе — вещь вообще частая, и далеко не каждый в редакции был способен справляться с нервами. Владимир Владимирович умел проявлять сдержанность, сделать паузу и тем самым помогал разрешить ситуацию. Хотя кому-то, наверное, это больше напоминало невозмутимость (равнодушие), казалось медлительностью и нерешительностью, излишней страховкой. Нет, скорее здесь иногда была осмотрительность, а возникавшая короткая пауза давала ему дистанцию для привлечения дополнительного ресурса. Дистанцию при этом он, похоже, предпочитал всегда. В отношениях с людьми она, однако, редко становилась барьером — вот что во всех случаях главное.

Характерно, если уж касаться человеческих отношений, что долгие годы Бонч-Бруевич возглавлял профком редакции. Расшифровывать смысл профсоюзной работы совсем не к месту. Скажу лишь, что я со своей стороны несколько лет руководил производственной комиссией, которой доверили регулярно подводить итоги редакционной деятельности и трудовых, творческих достижений сотрудников, предлагая для каждого свой уровень премиальных выплат, дипломы лауреатов года и прочие радости жизни. Так вот, при отсутствии серьёзных оценочных разногласий Владимир Владимирович, тем не менее, к достижениям

людей был весьма внимателен и старался оставаться справедливым, независимо от личных пристрастий. Качество, боюсь, сегодня уже многими потерянное.

В девяностые и последующие годы мы работали в разных системах, и в новое время наше общение ограничивалось какими-то организационными журналистскими делами. Правда, в 2013 году после выхода в журнале «Мир транспорта» статьи к 125-летию одного из основоположников электронной промышленности и радиовещания в стране М. А. Бонч-Бруевича у нас состоялся обмен мнениями по поводу его возможного родства с В. Д. Бонч-Бруевичем. Были версии, которые нуждались в архивных проверках, при этом упоминались некие источники, связанные с частной или ведомственной перепиской. По крайней мере, дальнейшее родство не исключалось. Планировали даже публикацию по этому вопросу. Увы, вопрос так и остался открытым.

ВОЛОДЯ

Для меня он был и остаётся просто Володи́ей. С 1958 года. Мы работали тогда в комбинате «Московская правда» на Чистых прудах. Мой «Московский комсомолец» располагался на третьем этаже, Володина «Московская правда» — на четвёртом. Оба окончили факультет журналистики МГУ и, как все его выпускники, держались вместе среди старших журналюг. С тех пор, кто бы из нас где ни работал, незримая связь не прерывалась, поддерживаемая встречами на разных мероприятиях.

В 1980 году судьба свела нас на 10 лет в редакции «Литературной газеты». Володя там был уже ветераном. Встретились, как будто всегда работали вместе. Я, первый зам. главного редактора, так и остался для него Юрой. Не при людях, разумеется.

В большой разномастной редакции «Литгазеты» со сложнейшими взаимоотношениями множества талантов и считающих себя таковыми Володя занимал особое место. Во-первых, по вкладу в газету. Его могучий отдел из трёх десятков собкоров, журналистов с большим жизненным опытом, в большинстве ещё и с солидным литературным трудом за плечами, доподлинно знающих, что происходит там, где они живут, был крепким фундаментом редакции. Володя подбирал их сам. Выезжал в республику или область РСФСР, изучал претендентов, тактично отводил порой очень настойчивые рекомендации местных деятелей и всегда делал наилучший выбор. Не помню случая, чтоб он ошибся с рекомендацией. В отделе всегда лежали, дожидаясь своей очереди на газетных страницах, десятки первоклассных статей, очерков, рецензий, стихов и прозаических отрывков. Он вполне мог бы выпускать га-

зету своими не истраченными силами. В правке материалы отдела соборовской сети не нуждались: заведующий был прекрасным редактором.

Всё имеет оборотную сторону. Володя был под непрерывным тяжелейшим гнѐтом со стороны своих кадров, требовавших немедленной публикации собственных творений. Как он с этим справлялся — одному Богу известно. Ведь и все редакционные сотрудники непрерывно писали, у отраслевых отделов было немало первоклассных авторов из московских писателей и публицистов. А они, конечно, находясь вблизи от редакции и состоя в дружеских отношениях с нею, часто имели «право первой ночи».

Володя сам хорошо писал, а тут как будто забыл о своём уменье. Наступал на горло собственной песне ради других исполнителей.

Надо сказать, что и времени для собственного творчества у него не оставалось.

Я одно время собирал высказывания знаменитых людей о том, что такое счастье. Запомнилось такое: счастье — это когда ты нужен. Володя был счастливым человеком, в его помощи и сочувствии постоянно нуждалось множество людей в редакции и за её пределами. Он, неизменный председатель нашего профсоюзного комитета, обладал редким даром сочувствия к другим. Принимал чужие заботы и проблемы как свои собственные. И брался за их решение с присущими ему решительностью, стремлением всё доводить до конца. Мягкий, деликатный по натуре человек, тут он преображался во льва. Как известно, понять и прочувствовать чужие слѐзы может только тот, кто сам их лил. В жизни Володи это было...

Я работал в другом издании, когда происходили роковые события 90-х годов. С болью в сердце следил за тем, что происходило с «Литгазетой». Её руководители и многие творческие сотрудники, все, как один, состоявшие в КПСС, в одночасье превратились в ярых антикоммунистов. Друг

перед другом старались заслужить одобрение новых властей. А под шумок сначала быстренько приватизировали редакционные дачи в Переделкине, потом продали за бесценок великолепное здание в Костянском переулке ради жалких подачек новых хозяев жизни. Ставшая в их руках газетой-перевёртышем, «ЛГ» враз потеряла читателей, тираж с 6 с половиной миллионов упал до 27 тысяч. И под руководством череды ушлых зиц-редакторов неудержимо катилась к позорному концу. Но, как известно, Бог всё видит и чего не надо — не допустит. Пришёл каким-то чудом Юрий Поляков, остановил вакханалию и начал шаг за шагом восстанавливать добрую репутацию любимой когда-то народом «Литгазеты».

К его чести, Володя в этом шабаше не участвовал. Ему, сыну известного революционера, соратника Ленина, нелегко пришлось в те годы. Но он делал всё, что мог, помогая попавшим в тяжёлое положение коллегам. Кто-то должен был это делать, и он, несмотря ни на что, не оставлял свой подвижнический труд до конца дней.

БОНЧ БОЛЬШЕ НЕ ПОЗВОНИТ

Последние пару лет мы виделись редко. Общались больше по телефону. То он позвонит и расскажет, как прошло очередное заседание пресс-клуба Центрального дома работников искусств, которое должен был вести я, но не смог приехать в ЦДРИ, и это дело поручили вести ему. Расскажет со всеми подробностями, и мне покажется, что я сам там был. То выясняем и обсуждаем детали и тонкости какого-либо обстоятельства, известного нам обоим. То расскажет о беседе в Союзе журналистов, в которой и я собирался участвовать, да пропустил её. Последний раз я звонил ему в начале апреля. Поздравлял с днём рождения. Последний раз. И ещё были вместе на торжественном закрытии сезона в ЦДРИ, в июне, вроде бы недавно совсем. Был, как и положено, фуршет. Выпили, он — водки, я — вина.

И больше Бонч уже никогда не позвонит...

Меня всегда поражал необъятный круг его знакомств. Это, без преувеличения, сотни человек. самого разного возраста, самых разных занятий. В этом отношении и я судьбой не обижен, профессия такая. Но у Бонча это что-то невероятное. Похоже, нет ни одного журналиста, ни одного писателя, с кем бы он не был знаком. Причём знаком по-настоящему. А то ведь как бывает: я думаю, что знаком с Иваном Ивановичем, скажем, встречались да не на бегу, беседовали даже, разошлись как знакомые, а он ничего уже не помнит, всё забыто. Или ещё вот так. Был я на праздновании юбилея одного знаменитого деятеля в Доме учёных. Народу — тьма. Когда его поздравлял, он заметил: «Сперва удивился, сколько знакомых лиц, как много известных людей со мной, оказывается, знакомы! Не сразу понял, что знаком потому, что часто вижу их в телевизоре».

У Бонча не так. Он знал всех, и его все знали. Может, из-за известнейшей фамилии, оставившей яркий след в нашей истории и культуре. Может, потому, что несколько лет довелось ему быть секретарём московской журналистской организации и много-много лет проработал он в «Литературной газете». Но, думаю, дело не столько в этом, сколько в его характере. Он с огромным интересом относился ко всем людям, к каждому человеку. К новым знакомым — со всей душой, с открытым сердцем. Потом, правда, если новый знакомец оказывался человеком недостойным, отношение менялось, порой очень резко, до полного неприятия. По моим же наблюдениям, большинство из нас, особенно с возрастом, новые знакомства воспринимают настороженно. Но это — не про Бонча.

Между прочим, у нас оказалось немало общего, очень схожего, и в характерах, и в судьбах. Хотя жизненную школу прошли абсолютно разную. Вот один забавный пример. Как-то разговорились о том, когда в первый раз попали в Центральный дом работников искусств, тот самый, которому в последние лет двадцать отдали немало энергии и сил, который стал незабываемой страницей его жизни и моей, с которым связано столько радостных и счастливых эпизодов, случаев, событий, встреч, впечатлений, переживаний. Выяснилось, что у обоих это произошло больше шестидесяти лет назад, в студенческие ещё времена. Боже, как давно это было: другой город, другая страна, другие люди вокруг, зимы другие. И мы другие. Меня пригласила в ЦДРИ однокурсница по Московскому энергетическому институту, где я тогда учился и который потом окончил. Она умудрилась как-то достать билеты на казавшийся тогда совершенно недоступным вечер в легендарном Доме. А Бонч примерно в ту же зиму позвал в ЦДРИ свою однокурсницу по факультету журналистики Московского государственного университета имени Ломоносова. Девушка, спутником которой я тогда был, потом стала крупным инженером, кандидатом технических наук, заслуженным

изобретателем. А спутница Бонча — Ия Саввина — замечательной, всем нам известной актрисой, народной артисткой СССР.

...Познакомились мы с Бончем благодаря Мавроди. Тем, кому сейчас лет 25-30, надо, пожалуй, объяснять, кем был в начале 90-х Сергей Мавроди, вряд ли они знают, кто это такой. Я спросил старшую внучку (ей как раз 25), знает ли. Сказала: «Понятия не имею». Вот так. А был ведь одним из самых известных, по-своему знаменитых людей в стране. Откуда он вынырнул, я не знаю. Как и большинство, обратил на него внимание, когда его уже всюю раскрутила телевизионная реклама. Люди несли ему свои деньги и через некоторое время во много раз больше их получали. За счёт тех, кто приносил деньги позже. И этих, тех, кто «позже», должно было становиться всё больше — десятки тысяч, сотни, миллионы человек. Тогда финансовая пирамида (в те дни впервые прозвучали эти слова) продержалась бы довольно долго. Но люди, приносившие деньги, «кончились», и вся затея лопнула. Но тогда, в самый пик популярности Мавроди, когда он сам ворочал миллионами рублей и долларов, он решил свозить на Кипр как можно больше журналистов, чтобы привлечь их, большей частью к нему относившихся скептически, на свою сторону, чтобы заручиться поддержкой газет, радио, телевидения. Ещё не существовало для нас ни турецкой Анталии, ни египетской Хургады, кое-кто, очень немногие, уже побывали на Кипре, но очень немногие. И журналисты на зов Мавроди откликнулись, тем более что никаких обязательств предлагаемая поездка на нас не накладывала. В «Вечерней Москве» выбор пал на меня. Всего набралось сотни полторы человек, целый самолёт.

Я уже сел на своё место в ТУ-154, когда подошёл ко мне человек примерно моего возраста и сказал:

— Вы Юрий Иванович? А я ваш сосед — Владимир Владимирович Бонч-Бруевич.

Так мы всю жизнь и называли друг друга — на «вы» и Юрий Иванович, Владимир Владимирович. Даже не

пытались перейти на «ты» и просто на Юру-Володю, хотя разница в наших днях рождения меньше двух месяцев. Через несколько минут мы разговаривали, как давние знакомые. Бонч (за глаза его все так звали — и он это знал) завёл речь про опубликованную неделю назад в «Вечёрке» полосу о бывшем коменданте бункера, где содержали злосчастного Берию от ареста до самого расстрела. Материал этот, написанный мной в соавторстве с известным журналистом Анатолием Руссовским, оказался широко читаемым. ТАСС даже передал его по своим каналам по всей стране, и мне уже позвонили прочитавшие его родственники из Ростова-на-Дону и бывшие сослуживцы из Иркутска. Что заговорили об этом, меня не удивило, но удивило, как внимательно полосу прочитал Бонч, заместитель главного редактора «Литературной газеты». Самой популярной в стране газеты, в которой ещё недавно работал друг моего детства специальный корреспондент Владик Травинский и куда я и не мечтал попасть в 70-80-е годы, когда служил в одной областной газете. И какие профессиональные замечания Бонч сделал! А ещё сказал, что, когда читал, вспомнил «Приглашение на казнь» Набокова. Я ведь, когда писал, тоже вспомнил этот роман. И ещё оказалось, что Владимир Владимирович прочитал практически все мои мало-мальски заметные публикации. Это меня окончательно подкупило. И мы проговорили всё время, пока продолжался полёт. Через много лет мы летели во Владивосток и тоже всё время проговорили, а это не два-три часа, а больше десяти. И столько же летели обратно. И опять разговаривали. О чём? Обо всём. О жизни.

К стыду своему, в те времена («кипрские») я ещё не читал, как и о чём пишет сам Бонч. Уже потом я увидел, что он всегда ищет какую-нибудь яркую деталь или эпизод, наоборот, чтобы они врезались в память надолго, даже если сама корреспонденция или очерк забудутся (увы, такова участь газетных и журнальных публикаций). Несколько лет назад меня позвали в Литературный музей на вечер памя-

ти основателя музея Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. Наш Бонч тогда выступал и читал свои заметки. Вот 1944 год. Семилетний Володя поступает в первый класс. В школе проверяют, как он подготовлен.

— Это какая буква?

— А

— А это?

— У.

— И что получается вместе?

Бонч растерялся, не знает, готов расплакаться.

— Ну что ты будешь кричать, если заблудишься в лесу?

— Де-е-да-а!..

...Прошло немало лет, забылось почти всё, что видел и о чём говорилось в тот вечер в Литмузее. А рассказанное Бончем помнится. Да и как лучше сказать, что значил дед в твоём детстве, юности?

Но вернусь к поездке на Кипр. Праздновать необычные выходные дни журналистская братия начала ещё в самолёте. Пока добрались до отеля, расселились по номерам, отдышались, стемнело, и всех позвали на ужин. Столики были накрыты прямо под открытым небом вокруг бассейна. Вопреки ожиданиям сам Мавроди не прилетел. Это, правда, никого не огорчило. И вино полилось рекой: заплатил-то за всё Мавроди. Тосты, разговоры, песни... Всё шумнее, всё громче, всё раскованнее. Тон задавали телевизионщики, я тогда мало кого из них знал. Да и сидели мы с Бончем довольно далеко от «центра» событий. А там какую-то тогдашнюю телезвезду прямо со стулом, на котором она сидела, да ещё в недешёвом вечернем платье, подняли и бросили в бассейн. Тут же те, кто это «сотворил», поняли, что зашли слишком далеко, и прямо в клубных, тоже недешёвых, пиджаках сами прыгнули за ней в бассейн. Потом «купальщики» убежали переодеваться, а когда вернулись, всеобщая «обалделость» от произошедшего уже прошла. И пир понёсся дальше. Да так, что утром к двум автобусам для запланированной по острову экскурсии пришли только

гиды, мы с Бончем и ещё женщина, державшаяся всё время как-то поодаль, видимо, была она не из Москвы и стеснялась. Полчаса подождали, но никто больше не проснулся, не вышел, и поехали гид и мы трое в одном автобусе. Павильон Аполлона, древняя крепость, как-то связанная с Ричардом Львиное Сердце (забыл как), место, где Афродита вышла из пены морской... От этого места, когда гид уже всё рассказал, мы готовы были уйти, но вдруг подъехал другой туристический автобус, и из него высыпало множество немцев. Со смехом и криками немки, раздеваясь на бегу и бросая одежду прямо на землю, помчались по довольно крутому спуску к морю, где был небольшой пляжик. Через несколько мгновений «из пены морской» на берег вышло десятка полтора-два обнажённых Венер — всяких и разных. Их спутники ликовали, шуму было столько, словно все греки сбежались встречать свою богиню...

А когда на следующий вечер мы возвратились в Москву, то узнали, что пирамида Мавроди закачалась, деньги перестали платить, даже те, что были внесены, вкладчикам перестали возвращать. И через несколько дней мавродиевский пузырь лопнул с огромным скандалом. Самого Мавроди вскоре посадили, но ненадолго. Так что на Кипре мы вроде бы справили поминки по этому пузырю. Зато я познакомился с Бончем и мы стали если не друзьями, то довольно близкими товарищами. На много лет.

Года через два-три после Мавроди и Кипра Владимир Владимирович раскрылся для меня с новой стороны. У писателя, журналиста, киносценариста, художника Валерия Поволяева возникла идея создать пресс-клуб при Центральном доме работников искусств. Активнейшим членом его правления Валерий был уже с давних-давних пор. Поволяев — наш хороший товарищ: с Бончем они знакомы без малого полвека, я с Валерием Дмитриевичем — сравнительно недавно. Идею первыми поддержали мы — я от «Вечерней Москвы», Бонч-Бруевич — от «Литературной газеты». Мы и стали заместителями председателя клуба —

Поволяева, естественно. В то время подобных клубов, объединявших работников разных газет, телевидения, журналов, радио, просто «свободных журналистов», в Москве образовалось много — не меньше двадцати. Где они теперь? Живы сегодня лишь пресс-клуб ЦДРИ и ещё два-три. В этом, по-моему, большая заслуга Бонч-Бруевича. Он оказался неистощим на предложение всё новых тем для обсуждения на наших заседаниях, на то, кого приглашать на них, кого привлекать к нашей работе, как организовывать наши собрания. И не только предлагал, но и всё это просто мастерски организовывал. Мне, например, давал сто очков вперед. Да ещё и как умело он всё это вёл! Будь то встреча с представителями армянской диаспоры, сложность которой заключалась в том, что между ними были, казалось, непримиримые противоречия. Будь то обсуждение работы какого-либо издательства, которую откровенно не одобряли некоторые члены пресс-клуба, и их нужно было удерживать не от критических выступлений, а от запальчивых, оскорбительных. Будь то разбор новой книги кого-то из наших коллег, у неё появились не только благодарные читатели, но и недоброжелатели. Вообще острые моменты, удивительно мягко, интеллигентно смягчавшиеся Бончем, были практически на всех вечерах пресс-клуба. И на том, что был посвящён памяти писателя Еремея Парнова, и на встрече с нашим старым и общим знакомым, написавшим и издавшим многотомную российскую историю и назвавшим её, в отличие от Карамзина, — «История российского государства». И просто на посиделках с блинами или на коллективном выезде на Хамовнический пивоваренный завод...

Об этих редкостных дарованиях Бонч-Бруевича хорошо знали в «Литгазете», не случайно же ему поручили много лет руководить сетью собственных корреспондентов в союзных республиках СССР, в других крупных регионах. А это в большинстве своём люди, знающие себе цену, амбициозные, самолюбивые, часто очень талантливые. И тут нуж-

на не просто твёрдая рука (а она нужна любому руководителю, любого ранга), но и товарищеское внимание, даже деликатность.

Как-то на одном из заседаний пресс-клуба журналист, с которым мы рядом сидели, вполголоса заметил: «Смотри, наш Бонч — прямо-таки классический русский интеллигент. Как держится, как одевается, как говорит... Словно Дмитрий Сергеевич Лихачёв». Тогда всем были памятли выступления по телевизору академика Лихачёва. Он многим, и мне в том числе, представлялся неким эталоном. Но в тот вечер продолжать разговор мне почему-то не захотелось. Я отделился известной шуткой. Мол, если кто-то ходит, как утка, крикает, как утка, летает, как утка, — то, может быть, это утка и есть? А между тем Владимир Владимирович Бонч-Бруевич действительно был настоящим русским интеллигентом — в самом высоком смысле этого слова, чеховском, а не ленинском с его г... По воспитанности (с раннего детства), по университетскому настоящему (не сегодняшнему) образованию, по всем своим манерам. Я думаю, Владимиру Владимировичу не раз это и в глаза говорили, и, думаю, ему это было лестно (мне бы это, к примеру, было именно так), но он воспринимал такую оценку, наверное, со смущением. Хотя я знаю многих журналистов, инженеров, даже учителей, врачей, очень часто — чиновников, для которых слово интеллигент — оскорбительное, ругательное, уничижительное, обидное... В такие вот времена живём.

И ещё об одной черте характера Бонч-Бруевича не могу не сказать. Люди, с предубеждением к нему относящиеся (а таких вообще-то на каждого из нас немало наберётся), говорят о нём, как о зануде. В самом деле, черта не привлекательная. Но это примитивный наговор на Бонча. Да, он очень дотошный в любом деле, за которое берётся. Додокапается до мельчайшей детали, до самого дна достанет, ничего не оставит на авось. Помню, в одной корреспонденции, которая шла «через Бонча», я допустил досадную неточность, второстепенную, даже десятистепенную, как мне

казалось. Знал, что надо бы проверить факт, но представил себе, насколько это хлопотно, и легкомысленно махнул на всё рукой, и так сойдёт. А Бонч, читая как редактор этот материал, не поленился найти нужную книгу, посоветоваться со знающим человеком. И исправил мою ошибку, в печать материал ушёл, уже приведённым в порядок. И мне потом не пришлось краснеть за свою небрежность, по большому счёту граничившую с некомпетентностью. И издателю потом не пришлось неловко оправдываться. Владимир Владимирович вообще всё стремился делать так, чтобы даже большому счёту не к чему было придраться. Видимо, именно из-за его скрупулёзности, дотошности Бонч-Бруевича не один год избирали председателем ревизионной комиссии Центрального дома работников искусств.

Довольно много лет прошло с тех пор, как рано-рано утром мне позвонил Владимир Владимирович и сказал, что всё заметил и всё исправил. И когда я эту маленькую историю нет-нет да вспоминаю, мне становится стыдно. И перед Бонч-Бруевичем, и перед собой. А сейчас и очень горько: больше не позвонит...

Перечитал всё сегодня написанное. Конечно, заметил, что во многих местах написал о Владимире Владимировиче, как о живом, словно вчера поговорили и завтра встретимся снова. Так писалось. И разумеется, встретимся. А ещё в этих заметках, мне показалось, слишком много меня и меньше, чем хотелось бы, Бонч-Бруевича. Так вышло. Скорее всего, потому, что в меня очень многое перешло, перетекло, впиталось от самого Владимира Владимировича. Ведь ещё когда мудро замечено: с кем поведёшься, от того и наберёшься.

НАВСЕГДА В МОЁМ СЕРДЦЕ

Вова! Несмотря на разницу в возрасте и моё чрезвычайное уважение и почтение, — именно так я называл его всегда.

Хочу поблагодарить судьбу за встречу с дорогим и любимым Вовой Бончом по нескольким пунктам. Форму моих высказываний попробую сделать по-Бончовски:

1. Нежный и трепетный, а порой мужественный и негибаемый, — он стал главной ролевой моделью для моего сына Максима.

2. Я не наделал много глупостей благодаря мудрым и дельным советам Вовы.

3. Я много лет прожил счастливо с его дочерью-красавицей-умницей Катей, которая «плоть и кровь» его.

4. Дом в Барвихе, родовое гнездо Б-Б, который для меня и всех моих друзей стал родным и тёплым оазисом.

5. Благородство, мужское достоинство, а вместе с тем невероятная самоирония Вовы Бонч-Бруевича — это стало моей ролевой моделью!

...Вспоминаются яркие моменты нашего общения.

Однажды я придумал телепроект «Русские любовные треугольники», где один из сюжетов был связан с Лениным, Крупской и Арманд.

А надо заметить, с Лениным у Вовы были очень личные, «неформальные» отношения. Конечно, благодаря Владимиру Дмитриевичу и многим другим людям и событиям, которые формировали нашего Вову.

Он себя «под Лениным чистил»!

Так вот, у нас на даче собирались драматурги, режиссёры. Мы много обсуждали наши проекты, и фильм о Ленине в том числе, причём наш вождь в результате мог раскрыться для многих своими тонкими человеческими качествами. Вова ходил вокруг, долго собирался с духом. А потом, когда мы остались одни, тихо, но жёстко произнёс: «Паша, я к вам очень хорошо отношусь, но, несмотря на это, наши отношения закончатся, если вы сделаете фильм о Ленине в этом “скандальном” контексте...» Что мне оставалось делать? Я закрыл этот фильм...

И человек, в общем-то, с глубоким юмором, по поводу Ильича никого юмора не терпел, будучи уверенным в его полной правоте. И только окружению и потомкам оставляя ответственность за возникшие проблемы...

А его преданность друзьям! Зорий Балаян, которого я полюбил как родного благодаря Воле. А самый ближний круг, который собирался в московской квартире или на даче по семейным праздникам! Уникальные люди!

А отношение к женщинам! К своим самым близким — жене, дочери, внучке!

И к женщине вообще!

Спасибо, дорогой Вова! Вы навсегда в моём сердце!

МОЛОДОСТЬ ДУШИ

Владимир Владимирович соединял в себе те главные качества, которые я больше всего ценю в мужчинах. Благородство, великодушие, мудрость, верность, надёжность, порядочность, умение прощать. И конечно, высочайший профессионализм. Всё это — черты истинного интеллигента. И если профессионализм и компетентность мы ещё встречаем в представителях нашего поколения и даже порой среди молодёжи, то всё остальное, безусловно, принадлежит поколению наших отцов. Поэтому, говоря о Владимире Владимировиче, я неизбежно вспоминаю своего отца и понимаю: таких мужчин больше нет. И мне хочется просто попросить тех, кто рядом с нами, — помните, что входит в понятие «настоящий мужчина», храните это и стремитесь соответствовать.

За все годы нашего общения (а это уже больше двадцати пяти лет) я ни разу не слышала, чтобы Владимир Владимирович повысил голос, чтобы он был жесток, раздражён, хотя, безусловно, поводы у него находились. Владимир Владимирович был для меня своеобразным гарантом гармонии в семье, благодаря его мудрости и деликатности жизнь на даче всегда текла в размеренном, спокойном ритме, он хранил мир, защищал слабых, всегда принимал их сторону. И при этом ласково, доброжелательно и чуть иронично улыбался. У меня в ушах звучит его голос — негромкий, мягкий, с лёгкой очаровательной картавостью. Я помню, каким Владимир Владимирович был модным и элегантным — его парадные пиджаки, галстуки, шарфы и кашемировые свитера. Он был по-настоящему светским человеком — любил вернисажи, премьеры, праздничные выходы в ресторан. Всегда вёл себя естественно и обаятельно.

Мне особенно приятно, что, поскольку мы коллеги, журналисты, Владимир Владимирович искренне интересовался моей работой, поддерживал меня в моих успехах и помогал, если требовалась помощь. Мне очень дороги его комментарии к моим книгам и то, что на всех презентациях — на выставке нон-фикшн в ЦДХ или в Бахрушинском музее — Владимир Владимирович и Елена Ивановна всегда были рядом, как и моя мама, мой первый читатель и советчик. Это семейное единение я очень ценю и всегда помню.

Владимира Владимировича отличал невероятный интерес к жизни: это проявлялось и в его профессиональной энергии, и в его отношениях к друзьям и коллегам, в его готовности немедленно прийти на помощь, задействовав все возможности и связи. Владимир Владимирович был страстным путешественником, он до последнего момента открывал для себя мир, изумлялся и радовался новому. Он был неутомим, и целеустремлённость, с которой в своих путешествиях Владимир Владимирович стремился охватить как можно больше и глубже всё, что только можно найти в Париже, Таиланде и даже Норвегии, вызывает восхищение. Относиться к жизни с таким азартом может только человек, который молод в душе. И мне всегда казалось, что во Владимире Владимировиче, несмотря на его авторитет и мудрость, живёт юноша с пылким сердцем, неизменно открытым миру.

РОЖДЁННЫЙ ДЕЛАТЬ ДОБРО

О редкой фамилии Бонч-Бруевич впервые я услышал в коридоре факультета журналистики МГУ на Моховой, когда там с воспоминаниями о Ленине публично выступил его соратник, лишённый такой возможности много лет. До «большого террора» за подписью «В. Д. Бонч-Бруевич» появлялись статьи, мемуары, выходили книги, пока Сталин не начал расправу над своей партией. 5 апреля 1937 года одним телефонным звонком семья старого большевика узнала об аресте зятя, а другим звонком — о рождении внука. Затем последовала гибель зятя, арест и расстрел отца младенца, слушателя Военно-воздушной академии.

Новорождённого назвали Владимиром в честь Ленина, его усыновил 65-летний дед. С тех пор пришлось ему писать в стол о былом, где он выступал на авансцене истории.

Случилось взбудоражившее студенческую аудиторию выступление после того, как на моих глазах комендант общежития на Стромынке ходил по комнатам и снимал со стен в застеклённых рамах портреты Лаврентия Берия, висевшие вперемешку с портретами соратников Сталина. Лишь после смерти вождя и казни всесильного карателя стало возможным появление в Московском университете восьмидесятилетнего Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, отца усыновлённого им Владимира, студента газетного отделения. Он привёл с собой знаменитого деда, коменданта Смольного, управляющего делами Совнаркома в Кремле.

Факультет распределил выпускника Бонч-Бруевича в «Московскую правду», где сочли за честь принять без испытательного срока сына соратника Ленина. Ему исполнился 21 год. Он оказался самым молодым штатным

сотрудником партийной газеты, переживавшей в 1958 году радостные дни. Попал он тогда в новую редакцию со старым названием. Газета стала городской, столичной, органом МГК КПСС, а у Московской области появилось своё издание. Сотрудников «Московской правды», начиная с главного редактора, вывели за штат. В освободившиеся кабинеты высадился десант из «Московского комсомольца» во главе с великим редактором 34-летним Александром Субботиным. Он зачислил выпускника МГУ литературным сотрудником в отдел информации с полным окладом, где работали месяцами внештатно на гонораре или на половине ставки.

С улицы тогда мог в редакцию прийти любой, охраны не существовало. Но всем новичкам требовалось проявить себя, чтобы заслужить заветное удостоверение с золотым тиснением «Московская правда». Его я получил спустя два года после первой публикации.

Заведовал отделом информации, то есть новостей, репортажа, единственный сохранившийся из старой редакции матёрый газетный волк Проценко, которого, единственного, не наделив кличкой, все репортёры с почтением называли по имени и отчеству — Геннадий Иванович. В его блокноте значилось сто тем, которыми он щедро делился. То был пять лет отслуживший на флоте самородок, нигде не учившийся журналистике. Под его рукой кроме меня, студента музыкального училища имени Гнесиных, оказался после десятилетки Саша Нежный; пришёл студент транспортного института Юра Синяков; из этого института подвизался Виталий Головачёв, восклицавший в наборном цехе «Умрём на талере!». С золотой медалью вечерней школы ИТЛ возник отсидевший срок за квартирные кражи «Санька-король», Саша Мостовщиков. (Называю имена ставших известными московских журналистов, редакторов, писателей, авторов книг.)

В нашу компанию молодых да ранних вписался получивший прозвище Бонч, в свои двадцать ставший рано

лысеть. Мне он напоминал молодого Ульянова-Ленина на исторических фотографиях. О вожде, чей культ набирал в стране невиданную силу, никогда речь не заводил, как и заслугах своего деда.

На Чистые пруды в редакцию «Московской правды» приезжал он в новой голубой «Волге» с серебристым оленем на капоте. Главный редактор ездил в чёрной казённой «Волге», Геннадий Иванович рулил купленной по дешёвке списанной «Победой» с брезентовым верхом. Жил наш заведующий в одной комнате с женой и сыном. Все мы ютились в коммунальных квартирах с верой, что и у нас будут отдельные квартиры в новых домах. Никто не завидовал усыновлённому внуку друга Ленина, не сумевшего спасти зятя и его отца от расстрела, а родную дочь от мучений в концлагере жён врагов народа.

В редакцию приходил Бонч в хорошо сшитом синем костюме под цвет глаз. Пребывая всегда в хорошем настроении, никогда не матерился, что считалось нормой поведения между сотрудниками, не повышал голос, если спорил, то с улыбкой. Но как все делал всё, что требовалось от литературных сотрудников: правил, редактировал чужие корявые заметки и сам писал, когда хотел, не дожидаясь заданий.

Писать было о чём, Хрущёв закрывал кирпичные заводы, насаждал домостроительные комбинаты, переселял народ из бараков и коммунальных квартир в новые дома. Они монтировались из сделанных на комбинатах бетонных панелей, как машины на конвейере. Один из своих репортажей Володя озаглавил «Дом собирают, как автомобиль». Номер газеты с ним сохранил, и когда недавно «Московская правда» отмечала столетие, его процитировал: «...Дома, которые создаются в 10-м квартале Новых Черёмушек, не нужно строить. Это звучит парадоксально, но оговорки нет: дома не строят. Их собирают из отдельных частей — так называемых объёмных элементов. Из семидесяти пяти объёмных элементов состоит трёхсекци-

онный пятиэтажный дом. Для того, чтобы собрать его, требуется 15–20 дней».

Побывал он на другом конце Москвы в Филях. Там поднялся, как истинный репортёр, на крышу девятиэтажного дома, появившегося вслед за пятиэтажками. «Мог ли я тогда думать, — вспоминал он, — вернее, фантазировать, что ныне поблизости возвысится комплекс Москва-Сити и с 85-го этажа одного из небоскрёбов мне не удастся даже рассмотреть ту башню, с которой я вёл когда-то репортаж!».

Каждый из нас мог привести в редакцию, где не существовало охраны у парадного подъезда, кого хотел. Нежный привлёт к работе друга Вадима Бузычкина, ставшего ответственным секретарём «Московских новостей», и прославившегося прогнозом «Сначала перестройка, потом перестрелка». Синяков внедрил в газету двоюродного брата Валерия Дранникова, его именем названа стипендия газеты «Гудок» лучшим студентам факультета журналистики МГУ.

Бонч украсил отдел присутствием двух прелестных девушек по имени Аня и Анастасия — Туся, дочерей народного артиста СССР Ивана Козловского. Круг его общения был выше и шире, чем у всех в отделе. Он мог позвонить по городскому телефону Алле Петровне, секретарю горкома КПСС, очевидно, бывшей в курсе его службы в органе МГК; запросто говорил с Мишей Борисовым, редактором «Московского комсомольца», ставшим позже директором «Лужников». Его пригласил на премьеру «Тёркина на том свете», инсценировку по поэме Твардовского, главный режиссёр театра Сатиры Плучек. Мы с ним успели увидеть этот фарс на местах почётных гостей, пока пьесу не запретили.

В редакцию «Московской правды» направлялись на практику студенты факультета журналистики МГУ. Её прошёл в отделе информации Эдик Церковер, ставший звездой «Недели», его не забыла энциклопедия «Москва в лицах». Появились после четвёртого курса студентки. Одна

из них, Лена, поразила меня способностью писать без редакторской правки. Когда Бонч-Бруевич, став заведующим отделом, решил её заметку, завизированную мной, сократить, я возмутился. Наш спор разрешил в своём кабинете главный редактор, задавший мне вопрос: «Хочу ли работать в “Московской правде”?»

Другая столь же способная студентка, Фаина, побудила нас предложить ей и подруге в ближайший выходной побывать на природе. На «Волге» мы заехали в Старокопненский переулок, где жила Лена, потом примчались к общежитию МГУ на Ленинских горах и посадили в машину Фаину. Так, вчетвером, провели ясный день на даче Бонч-Бруевича в Барвихе. А ночью оказались на речке Истре, где плавали и утонули в объятьях практиканток. В тот заплыв решились наши судьбы. Лена Бойцова стала Бонч-Бруевич, а Фаина Малкина — Колодной.

Но не репортажами со строек запомнился мне мой друг в отделе информации, я их давно забыл и не вспомнил бы, если бы не прочёл его предсмертную статью. Удивил меня в другом жанре. Поразил размером публикации. Всю страницу занимало расследование «Это твои сыновья, Москва!». То был рассказ о судьбе артиста Александра Окаёмова, первым исполнившим «Орлёнка», песню, которую до войны знала вся страна, и о Геннадии Лузенине, главном хормейстере Московской филармонии. Оба ушли в народное ополчение, попали в окружение. Их считали предателями, пока Бонч-Бруевич не доказал: были они подпольщиками и погибли, как герои. Запел артист перед расстрелом «Орлёнка»...

«У каждого журналиста есть материал, которым он гордится всю жизнь, — признался он недавно. — Для меня таким стал очерк «Это твои сыновья, Москва!», опубликованный 19 октября 1959 года».

Как давно это было! А его сердце всю жизнь грела радость, которую принёс близким и родным героев. Владимир Бонч-Бруевич был рождён источником добра, и в

этом качестве выступал везде, где честно шестьдесят лет служил: в «Московской правде» — ответственным секретарём, «Правде» — заместителем редактора отдела, Московской организации Союза журналистов СССР — первым секретарём Правления. И в «Литературной газете». Там он много лет корреспондентам всех республик СССР помогал изданием книг, рецензиями, пенсиями. И ещё, как писал первый зам. главного редактора «ЛГ»: «Во главе профсоюзного комитета бесменно стоял Владимир Владимирович Бонч-Бруевич». В этой роли отличился справедливостью, распределяя путёвки, квартиры, машины, дефицит, всё, чего так не хватало советским людям. У него самого всё было и того же он хотел всем.

В моём ноутбуке храню нашу последнюю переписку. Там отправленная ему статья о переезде советского правительства из Петрограда в Москву в 1918 году. Сто лет тому назад эту тайную операцию провёл В. Д. Бонч-Бруевич. А мысль о переезде подал Ленину его родной брат генерал-лейтенант М. Д. Бонч-Бруевич. Володе статья понравилась, особенно подзаголовок: «Москва благодаря им стала столицей».

При последней встрече в ЦДЖ, где отмечалось столетие «Московской правды», мы горевали, что не смог прийти на юбилей Саша Нежный, попавший с сердечным приступом в кардиологию. Из больницы его вскоре выписали. А Володя ушёл навсегда.

ЕГО ВЛИЯНИЕ НАДОЛГО

Слава Богу: Владимир Владимирович Бонч-Бруевич не узнал о сносе легендарного здания его родной «Литературной газеты» в Костянском переулке в конце 2018-го, ставшего для многих годом утрат. В апреле, когда ничего ещё не предвещало беды ни с Бончем, ни с нашим зданием, я туда поехал, сделал снимки, послал их Владимиру Владимировичу. Поговорил с ним по телефону, он меня успокоил — да это здание ещё долго стоять будет.

Именно там, на шестом этаже в мае 1992-го я впервые увидел Владимира Владимировича — тогда готовился первый номер еженедельника «Век». Знаменитый руководитель знаменитой соборовской сети «ЛГ» помогал в этом своему бывшему подчинённому из Ташкента Владимиру Соколову. Тот нас и познакомил, мимолетно поговорили о «Вечёрке» и «Московской правде» и встретились вновь через шесть лет, когда, прожив свой век в «Веке», я пришёл на работу в «ЛГ», которой в очередной раз требовался ответственный секретарь.

За два десятилетия нашего плотного общения ни разу не случилось повода на него обидеться. Он ни разу не подвёл. Бонч при смене пяти главных редакторов «ЛГ» всегда давал мудрые советы, находил нужные слова.

С ним легко было разговаривать на любую тему — от внуков до политики, от состояния здоровья до модной премьеры, от книги, которую газете нельзя не заметить, до юбилея бывшего сотрудника. Он доставал из кармана листочки со списком вопросов-просьб-необходимостей и начинал их решать. Кого-то надо было положить в больницу или отправить к юристу, позвонить на журфак, кому-то была нужна справка из архива, и только Бонч мог связаться

с РГАЛИ, куда по его настойчивой просьбе был отправлен редакционный архив. Он напоминал о юбилеях ветеранов и непременно присылал свои, неоднократно выверенные несколько строчек. Чтобы помнили...

Волин, Песков, Сырокомский, Хмара, Преловский, Карзанов, Донская, Баруздина, Ваксберг, Рубинов, Басков, Барыкин... Представить их похороны без деятельного участия Владимира Владимировича невозможно.

За без малого полвека работы в «Литгазете» он был своим для всех, умел ладить с самыми разными людьми и находить общий язык со всеми. Он, безусловно, имел свой взгляд и позицию. Но тем не менее всегда — и это урок! — был в ровных отношениях со всеми и выговаривал мне, когда узнал, что я не раскланиваюсь с одним из работников дирекции.

Всегда считал расхожим журналистский штамп: вот не стало человека и позвонить некому. А оказалось — и в случае с Владимиром Бонч-Бруевичем особенно — это действительно так.

С ним было всегда уютно. В переполненном зале ЦДРИ на вечерах памяти Виктора Веселовского (которых без него просто не было бы), на премьере в доронинском МХАТе, в самолёте из Еревана в Москву, на редакционном корпоративе. Был Бонч, и всё было хорошо. И стабильно — не смотря ни на что.

Он выручал многих (и меня, конечно, тоже) одним телефонным звонком. Он позвонил в больницу, где моему тестю — ветерану войны — сделали операцию, и просто поговорил с заведованием. Тесть был немедленно переведён в отдельную палату, а нас с женой любезно встречала та самая заведованием, на которую до этого ничего не действовало. Некролог, который я написал, назывался: «Это Бонч-Бруевич из “Литературной газеты”». Эти слова из его уст производили впечатление.

По горькой иронии судьбы наш последний разговор был тоже связан с больницей. Бонч попросил меня по-

звонить заму главного врача и решить вопрос с палатой. Я отставил все дела и поймал-таки доктора, который как мог помог. Но жить Владимиру Владимировичу оставалось совсем немного...

Он умел изумлять. В Армении, на торжествах в честь юбилея легендарного литгазетовского собкора Зория Балаяна, слово взяла замечательная жена Бонча Лена и также замечательно говорила. ВВ смотрел на Лену очень внимательно, а после этого произнёс: «Вы знаете, моя жена впервые за 50 лет при мне выступила публично». Громче всех хохотал Балаян...

Какая чудесная атмосфера была на 80-летию Владимира Владимировича! Я когда-то в «ЛГ» назвал его образцовым мужем-отцом-дедушкой. И на юбилее это было много раз подтверждено. Он был рядом с женой, молодой красавицей дочерью Катей и её, к удивлению многих, взрослыми детьми. Ощущение семьи стопроцентное! Можно только догадываться, как им всем его не хватает...

В. В. Бонч-Бруевич был профессионалом экстра-класса. В нашей чудом сохранившейся редакционной картотеке, которая, увы, уже и не ведётся, нашёл десятки пожелтевших карточек с его материалами. Последний прижизненный — к столетию «Московской правды», в которой после факультета журналистики началась его журналистская деятельность и где он встретил свою Лену.

...Иду недавно по Малой Никитской на работу и встречаю бородатого любимого внука Владимира Владимировича Максима Каплевича, большая часть жизни которого прошла практически на моих глазах. Именно он позвонил мне утром августовского дня, когда не стало Владимира Владимировича.

Уверен — наша мимолётная встреча доставила бы его знаменитому и, главное, любимому дедушке радость...

ОДИН СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Катюша — любимая подруга моей дочери и моя тоже, а с Еленой Ивановной и Владимиром Владимировичем только редкие разговоры по телефону.

Но вот мне повезло, и я была отправлена в Париж для присмотра за внуками (Антоном и Ликой), они в это время там учились.

С той же задачей и в то же время там оказался Владимир Владимирович с Максимом. Антон и Максим почти ровесники и друзья ещё по Москве.

И вот в один тёплый долгий летний день мы все вместе поехали в Живерни к К. Моне в усадьбу. Эту поездку придумал Максим, узнав, что в июне — пик цветения нимфей, которые так много писал К. Моне.

И сама усадьба, и буйство цветения всех цветов, названия которых даже не удержать в памяти, и неспешный обед были настолько очаровательны, что мы не заметили, как весь транспорт закончил свою работу и мы остались одни на площадке, но никакой паники не было, так как темнеет в июне поздно. Антон дозвонился в ближайший городок, вызвал такси, которое довезло нас до станции, и мы успели на последний поезд, идущий в Париж. Атмосфера надёжности и покоя под покровительством Владимира Владимировича царила в воздухе.

Потом была поездка в Сен-Дени, правда, без приключений, но такая же интересная. Жаль, что лето так быстро пролетело, не было сомнений, что будут повторы. Увы!

А сколько очарования было в поездке в поезде, когда моя маленькая внучка прилепилась к В. В. и он всё это терпеливо выдержал, а объятия были пыльные.

Да, самые лучшие воспоминания о Владимире Владимировиче остались с нами навсегда. Неожиданно случился уход его из жизни.

Светлая память ему!

КАКИМ Я ЗНАЛ ЕГО

Бонч и Зорий Балаян из мятежного Карабаха

Провожая в последний путь Владимира Владимировича Бонч-Бруевича, я, как и все, кто выступал на траурном митинге в мемориальном зале ЦКБ, говорил о товарище, с которым более 10 лет был тесно связан по активной общественной работе, ставшим через неё для меня без преувеличения настоящим другом, причём из взаимного семейного круга, именно как о Владимире Владимировиче Бонч-Бруевиче. А может, я слушал не совсем внимательно, потому что ещё не верил своим глазам. За три дня до этого он позвонил, как мне показалось, из дома, не сказав, что из Боткинской, поинтересовался моей предстоящей поездкой в Ереван и нашими встречами после неё. На мою традиционную привычку, приобретённую в полувековом общении с армянами «Как вы?», спокойно сказал, что всё нормально, вот только с ногами плоховато, но к моему возвращению из Армении будет стараться, чтобы обязательно встретиться нам в Марьиной роще в офисе Международной ассоциации участников космической деятельности, которую я недавно возглавил. И вот за поминальным столом в арбатском Дом-журе практически все вспоминали о Бонче.

О моём же Бонче, то есть о Владимире Владимировиче Бонч-Бруевиче, я впервые услышал в далёком 1990 году в ходе одной из встреч с народным депутатом СССР и собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Армении Зорием Балаяном в мятежном Карабахе, где я тогда находился в длительной служебной командировке по линии союзного министерства МВД в качестве начальника

штаба Следственно-оперативной группы по Нагорно-Карабахской области Азербайджанской ССР. В этой небольшой автономии впервые в истории советского государства с 20 января 1990 года действовало чрезвычайное положение, введённое президентом М.С. Горбачёвым из-за разразившегося межнационального армяно-азербайджанского конфликта.

Там-то Зорий Балаян, будучи по депутатским обязанностям в родном городе Степанакерте, попросил меня передать с кем-либо из офицеров, летевших в ближайшее время в Москву, журналистский материал по срочному заданию Бонча. Поняв, что я последним его словом озадачен, пояснил, что это всего-навсего ответ на поручение редакции «Литгазеты» по поводу писем её читателей, конверт будет открытым и в нём нет никакой крамолы. Просьба была мне понятна и выполнима, помогать в подобных случаях журналистам ТАСС, «Советской России» и других московских СМИ приходилось не раз. А тут популярнейшая и всеми тогда любимая газета! В условиях блокады армянской части Карабаха и жёсткой цензуры, устроенной азербайджанскими властями, обычной почтой материал не только быстро, а вообще в Москву может не попасть.

Затем Балаян сказал, что Бонч — это не подпольная кличка, а только короткая часть фамилии заведующего отделом корреспондентской сети и члена редколлегии «Литературки» Владимира Бонч-Бруевича. И на мой осведомлённый, по этой части, но всё же вопросительный взгляд, видимо, не впервой, автоматически, но с большим удовольствием произнёс: «Да-да, внук Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, ближайшего соратника Ленина». Потом я не раз передавал Владимиру Владимировичу Бонч-Бруевичу через своих сослуживцев, друзей и даже жену или сына письма и другие посылки от Зория. А слово Бонч прочно прописалось в моём постоянном лексиконе не только в общении с Зорием Балаяном, ставшим для меня с тех времён скорее больше чем другом, но и в

семье, со многими друзьями и соратниками. А вот Зорий произносил слово Бонч как-то по-особенному, с завидной завораживающей теплотой или, как в таком случае сказали бы армяне, сладко что ли, вызывая со временем у меня всё более нарастающую жажду в необходимости знакомства с этим человеком не только с редкой и легендарной фамилией, но и, как оказалось, удивительно деятельным и добрым человеком.

Борьба за свободу Зория Балаяна сроднила меня с Бончем по телефону

Как ни парадоксально, но моя первая личная встреча с Владимиром Владимировичем состоялась только ранней осенью 2007 года. Причиной стал первый разрешённый официально приезд в Москву, а фактически в Россию, Зория Балаяна. Я не оговорился насчёт официально разрешённого приезда. Дело в том, что Зорий Гайкович Балаян, урождённый города Степанакерта (Ханкенди, азерб.) Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР, по запросу Азербайджанской Республики с начала 1999 по 2001 годы находился в розыске Интерполом, а затем по май 2007 года подлежал задержанию на территориях стран СНГ и передаче Баку как международный преступник, обвиняемый в организации взрыва в бакинском метро 3 июля 1994 года.

Поясняя, что в 1999 году на основе представления Генеральной прокуратуры Азербайджана Интерпол объявил публициста в международный розыск как особо опасного преступника. В 2001 году Интерпол, детально рассмотрев вопрос, исключил Балаяна из списка разыскиваемых лиц. Тогда Генеральный секретарь Интерпола Рональд Нобл отметил, что дело «имеет преобладающий политический характер» и подпадает под статью 3 Устава Интерпола, запрещающей организации «осуществлять какое-либо вмешательство в деятельность политического, военного,

религиозного или расового характера». В ответ Азербайджан тут же заказал Зория Балаяна в межгосударственный розыск в странах СНГ. Генеральная прокуратура Российской Федерации, рассмотрев по заявлению гражданина РФ Кривопускова В. В. (президента Российского общества дружбы и сотрудничества с Арменией) дело Зория Гайковича Балаяна, по результатам проверки приняла решение о прекращении в одностороннем порядке розыска писателя на территории Российской Федерации.

Опуская для краткости всю историю необычного не только для нашей российской Генпрокуратуры, тем более для меня как его инициатора, дела, скажу, что работа по сбору доказательной базы за прекращение инспирированного Азербайджаном межгосударственного розыска Зория Балаяна потребовала длительного времени, настойчивости, упорства и участия в ней многих моих друзей и соратников. Среди самых активных и предметных из них был Владимир Владимирович. Бывали случаи, когда я задышался в прокрустовом ложе бюрократических проволочек и терял надежду, но именно пока невидимый Бонч по телефону помогал вновь обретать мне тонус борьбы за справедливость в отношении нашего верного друга. Именно Бонч стал инициатором и организатором обширной публикации «Литературной газеты» по этому делу, которая придала международной гласности абсурдность азербайджанских обвинений в адрес Зория Балаяна, и, уверен, стала весомым убедительным материалом для принятия справедливого решения Генпрокуратурой России.

Вот тогда-то, в первый беспрепятственный прилёт в Москву Зория Балаяна, состоялась моя первая очная встреча с Бончем, с первых минут которой сложились взаимная симпатия и душевность дружеских отношений. Я был рад, что многолетнее, а, как оказалось, в 18 лет, телефонное общение было подкреплено таким взаимным восприятием друг друга. Опять сработала классика: друг моего друга — мой друг! В последующие годы я не раз убеждался

в основательности, обязательности и не суетности нового друга, его вниманию к собеседнику, всегда продуманной аргументированности каждой его фразы и интеллигентной бескомпромиссности.

Моё предложение войти в состав руководства и стать вице-президентом Российского общества дружбы и сотрудничества с Арменией (РОДСА) Бонч принял безоговорочно и, по-моему, даже с давно желаемой готовностью. Не припомню, чтобы впоследствии Владимир Владимирович отказался от участия в решении какого-либо вопроса нашей беспокойной деятельности общества народной дипломатии. Эта, на первый взгляд общественная работа, выглядит как хобби, которым — хочешь занимаешься, не хочешь, то можешь бросить, да просто не прийти на какое-либо мероприятие. Но это далеко не так. Делается она без пафоса во имя людей и для людей, причём в тех вопросах, где государство, как правило, по разным причинам не уделяет должного внимания. Карьера общественника на 99 процентов устлана терниями. Общественники нередко бывают гонимы. Она прежде всего бесплатная и требует абсолютного бескорыстия, делается исключительно за счёт своего свободного от работы времени, нередко ещё и за свои деньги.

Владимир Владимирович оказался талантливым общественником. Хорошо организованный, с чётко отлаженным графиком, он всегда мог сразу сказать о возможностях своего общественного участия в наших мероприятиях. В этом я убеждался не раз и ещё больше раз брал с него пример педантичной дисциплинированности. Если раньше на мой телефонный звонок получал от него участливый совет или обещание оказать свою поддержку в публикациях о деятельности нашего общества в «Литературке», то теперь это делалось им в завидном инициативном порядке.

С «Литературной газетой» в 2008 году обществом было подписано соглашение о сотрудничестве. В этом же году её журналистский десант в составе Сергея Гловюка, Александра Хорта, Евгения Федоровского, писателей-сатириков

Анатолия Трушкина и Аркадия Инина во главе с главным редактором Юрием Поляковым, принял участие в наших масштабных Днях русского слова в Армении, прошедших с оглушительным успехом с 4 по 11 октября. Но самым грандиозным был полёт на вертолёте в Нагорно-Карабахскую Республику. Впервые за постсоветское время журналисты «Литературной газеты» встретились со студентами, школьниками, священниками, другими жителями и личным составом воинских частей Армии самообороны НКР в городе Степанакерте, а также жемчужине и духовном центре Нагорного Карабаха — древнем армянском городе Шуши. Тогда в преддверии и по итогам Дней русского слова в Армении, в которых приняло участие более 500 тысяч армян, в газете были даны два разворота. Многие годы в «Литгазете» выходило литературное приложение «Страна Наири», посвящённое исторической и современной армянской литературе. Координатором этих программ был Владимир Владимирович.

Но самым величественным проектом РОДСА, осуществлённым вместе с Владимиром Владимировичем, можно безоговорочно считать издание восьмитомного собрания сочинений известнейшего советского и армянского писателя и журналиста Зория Балаяна. Уверяю, преувеличения и зазнайства здесь нет ни капли. Правда, и здесь требуются соответствующие пояснения. И вот они.

С первых дней моего прихода к руководству РОДСА, мы с друзьями, соратниками и приверженцами дружбы с армянским народом, определились, что одним из важных направлений нашей общественной деятельности в части укрепления и развития тысячелетних духовных сфер русского и армянского народа и их первооснов станет пропаганда русской и армянской литературы. Мы занялись переводами и изданием современной поэзии и прозы с армянского языка — на русский, а русской литературы на армянский. С распадом СССР эта духовная нить дружбы двух наших народов прервалась. Достаточно сказать,

что более 15 лет союзы писателей не взаимодействовали, а концертные площадки оседлала попса. Да о чём тут было говорить, если в межгосударственных программах обменных годов дружбы России в Армении в 2005 г. и Армении в России в 2006 году поэтам, писателям, драматургам и переводчикам места не нашлось.

Осознав эту несправедливость, я, по тогдашней наивности, в ходе первой официальной встречи в ранге руководителя Общества дружбы 13 января 2006 года в Ереване со вторым Президентом Армении Робертом Кочаряном*, изложил ему и проблему, и наши намерения. Среди них о проведении уже в 2006 году Дней армянской литературы в России, а также издании книг о корифеях армянской литературы в популярнейшей серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия». И тут же назвал первое имя из самых известных современных армянских поэтов — здравствующей тогда и всенародно любимой поэтессы Сильвы Капутикян**. И если на первую часть проекта РОДСА Роберт Кочарян отреагировал кивком головы в сторону помощника, который потом для нашего общества ничем не проявился,

.....

*Роберт Кочарян, второй Президент Республики Армения, один из руководителей Карабахского подполья 1988–1991 годов. Видный персонаж книги Виктора Кривопущова «Мятежный Карабах. Из дневника офицера МВД СССР», М.: МГОФ «Знание», 2018, 488 стр.

** Сильва Капутикян — золотой голос Армении, крупнейшая армянская поэтесса XX века, писатель и публицист, академик. Занимала активную позицию по Карабахскому вопросу. Один из лидеров карабахского движения в Армении. Вместе с Зорием Балаяном 26 февраля 1988 года встречалась с Горбачёвым, надеясь на его справедливое разрешение карабахского вопроса — передачи НКО в состав Армянской ССР. Автор многих стихов о России и русско-армянской дружбе. С начала 1990-х поэтесса выступала с острой критикой армянских властей и их внутренней политики. В 2004 году вернула полученный на 80-летие орден «Месроп Маштоц» Президенту Армении Р. Кочаряну.

то на имя Сильвы Капутикян бурным возражением, мол, этого делать не надо, ещё рано, мол, жива ещё, займитесь, например, поэтами Средневековья. Зная авторитарный характер президента, перечить тогда не стал ради судьбы других проектов. Хотя я был готов назвать имена других армянских классиков XX века, таких как Аветик Исаакян, Грант Матевосян...

Вернувшись в Москву, я информировал руководство РОДСА о необычной реакции руководителя Армении на наши проекты. Так как дух и идеология Общества состоит в укреплении дружбы между нашими народами, то на весь период президентства Роберта Кочаряна сосредоточились на компромиссных проектах, не получая от него ни внимания, ни идейной поддержки.

С 2008 года президентом Армении стал Серж Саргсян*, с которым у меня со времён мятежного Карабаха сохранились отношения взаимно дружественные и независимые, чистые и бескорыстные. В отличие от Роберта Кочаряна мои встречи с Сержем Саргсяном бывали регулярными, нередко по его инициативе. С 2007 года, тогда он ещё был премьер-министром республики, в Армении мы стали проводить масштабные ежегодные Дни русского слова, причём официально под его патронатом. Он находил в Ереване время для встреч с делегациями РОДСА, а с активистами общества во время его официальных визитов в Москву.

На одной из личных встреч я рассказал ему о неосуществлённом издательском проекте РОДСА, отвергнутом Робертом Кочаряном. Серж, наоборот, сразу высказался за его реализацию. В числе ранее уже названных имён

.....

* Серж Саргсян, третий Президент Республики Армения, один из руководителей Карабахского подполья 1988–1991 годов. Видный персонаж книги Виктора Кривопущкова «Мятежный Карабах. Из дневника офицера МВД СССР», М.: МГОФ «Знание», 2018, 488 стр.

я предложил издать литературные произведения Зория Балаяна, его великолепные рассказы и повести, многие из которых написаны в конце 60-х — первой половине 80-х годов, печатались в разных газетах и журналах и мало знакомы и российским и армянским читателям. Серж сразу перешёл к творчеству Зория Балаяна, прекрасному русскоязычному советскому и армянскому писателю, на счету которого более 60 книг. Он через свои книги «Дорога» и «Между двух огней», философские репортажи о путешествии на парусном судне «Киликия» вокруг Европы в 2004–2006 годах, опубликованные в те дни в газетах и интернете, особенно о судьбоносности армян и России в мировой цивилизации, сегодня по достоинству олицетворяет армянство всего мира, раскрывает истинность тысячелетней русско-армянской дружбы.

Поддержка Сержа Саргсяна, конечно, окрылила, но задача тоже поменялась. Речь теперь уже должна была идти явно не об однотомнике серии ЖЗЛ, а о творчестве плодovitого и разножанрового прозаика. Я знал, что у Зория в начале писательского пути было опубликовано более трёх десятков рассказов в газетах «Комсомольская правда», «Гудок», «Советская Россия», «Литературная газета» и других, во многих журналах. И они, конечно, пока не оцифрованы. На его счету десяток повестей и увесистые плоды блистательной полувековой журналистики в «Литгазете». Первым, с кем я решил посоветоваться на этот счёт, был Бонч, у которого имелся немалый опыт издательской деятельности. Честно признаюсь, что готовился к разговору с Бончем с определённым волнением. Понимал, что если он поддержит, то вместе осилим этот проект. Предварительно составил содержание для трёх томов. К этому времени мы уже имели определённый опыт издания более 10 книг переводов на русский язык армянских литераторов, таких как сборники современных армянских рассказов и армянских повестей, антологии армянской поэзии XX–XXI веков и других, а также переводов на армян-

ский язык современной русской поэзии. Вопросы финансирования этих изданий всегда решались за счёт благотворителей, а они у нас, к большому сожалению, как известно, в очереди не стоят. А тут трёхтомник?

Хорошо помню вопросы Владимира Владимировича, огорошившие меня: «А почему три тома? Разве Зория в три тома можно втиснуть? А в каком издательстве мы будем готовить собрание сочинений?» Уверен, многие, кто знал Бонча, могут представить моё состояние. Не было обычного для него кроткого, с небольшим ласковым прищуром, но тщательно изучающего взгляда, а сразу же вопрос за вопросом. Такого Бонча я раньше ещё не знал, да и потом редко видел. Он ведь был всегда чрезвычайно интеллигентным, корректным и внимательным слушателем. В разговор вступал спокойно, с уважением к собеседнику, к вопросу, теме обсуждения, причём, обстоятельно, убедительно и только в случаях несогласия говорил чуть громче, а в голосе прослушивалось упорство, твёрдость что ли.

В этом случае я встретил завидную внутреннюю готовность Владимира Владимировича и не только к восприятию, но и личному активному участию в предстоящей работе. Как я потом понял, он досконально, зная ценность литературного багажа армянского друга, уже не раз размышлял над его будущем. Представляли ли мы тогда, на какой семилетний и трудный путь встаём, приступив к изданию, как оказалось, первого в истории 500-летнего армянского книгопроизводства персонального 8-томного собрания, в котором будут участвовать наши соратники в Москве и Ереване, многие друзья Зория и даже наши семьи. Но мы оба всегда придерживались принципа древних философов «Или не берись, или доведи до конца!».

Прекрасное классическое собрание сочинений Зория Балаяна в 7 томах, причём последний том в двух книгах, издано трёхтысячным тиражом во всемирно известной «Художественной литературе». В подготовке к печати двух

первых томов я принимал непосредственное участие. Первый том, состоящий из 34 рассказов, формировался почти полтора года, так как их пришлось собирать вместе с сыном-десятиклассником Владимиром из разных архивов газет и журналов, а потом ему же мучиться со сканерами первого поколения, осуществлять компьютерный набор... А вот гигантский труд — литературное редактирование от первого до последнего тома взяла на себя Лена, всеми и всегда любимая жена и верная спутница Владимира Владимировича.

С сентября 2009-го по ноябрь 2013 года, в период моего пребывания советником Посольства России и руководителем Представительства Федерального агентства «Россотрудничество» в Республике Армения, вес издательского бремени безропотно и профессионально взял на себя Бонч! И справился с ним с завидной честью! Лично считаю это подвигом Владимира Владимировича и его Лены во имя большой и крепкой дружбы! Кроме работы вместе с Зорием Балаяном над его собственным литературным багажом и издательским аппаратом Бонч-Бруевичам пришлось организационно и творчески готовить предисловия к каждому тому, которые представлены такими маститыми мастерами русской литературы, как Леонид Жуховицкий, Владимир Огнев и Аркадий Удальцов, Анатолий Юсин, Лев Аннинский и Сергей Саринян, Светлана Соложенкина, Ким Бакши и замечательный русский мореплаватель Фёдор Коныхов. А первый том предваряется эссе из архива великого Сергея Михалкова «Я в нём не ошибся», которое он опубликовал в «Литературной газете», прочитав в своё время очерк Зория Балаяна «Последний выстрел».

Наше издание успело к 80-летию Зория Балаяна, которое по предложению Владимира Владимировича широко отмечалось нашим Обществом в присутствии юбиляра, в московском Центральном доме работников искусств

с участием государственных и общественных деятелей России и Армении. А в Армению на торжества в честь Зорья Балаяна по приглашению президента Сержа Саргсяна в составе официальной делегации РОДСА были Владимир и Лена Бонч-Бруевичи. Я был несказанно рад, что несколько дней с Бончем неотлучно был Зорий, а Нелли Балаян с Леной Бонч-Бруевич.

СОВЕТСКИЙ АРИСТОКРАТ

Стоял на дворе март 1981 года, и мы с Катей, моей тогда ещё будущей женой, приближались по тогда ещё улице Семашко, а ныне Большому Кисловскому переулку, к знаменитому дому, где жил Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич и находилась квартира, в которой жили родители Кати. Впервые я оказался там, поскольку раньше ничего не знал ни о существовании этой мемориальной квартиры, ни о жизни знаменитой семьи. Мы были юными студентами, наш роман недавно возник, Катя пригласила меня домой. И вот прямо во дворе мы встретили Катиных родителей. Впервые я увидел Владимира Владимировича. У меня в памяти сохранился образ удивительно элегантного человека в длинном светлом демисезонном плаще, по тем временам роскошном. Он казался мне человеком из другого мира. В этот момент началась история нашей дружбы. Во Владимире Владимировиче жила удивительная элегантность человека «не отсюда», он чем-то отличался от других. Это было для меня загадкой. Чем больше мы общались и чем больше я его узнавал, тем больше им восхищался и попадал под обаяние его характера, мировоззрения, отношения к людям. И постепенно я расшифровывал для себя эту загадку: что же это за элегантность, осанка, способ нести себя. В какой-то момент я понял: Владимир Владимирович был уникальным представителем даже не сословия, не породы. Он был настоящим советским аристократом. Таких людей практически не было или не осталось в нашей стране, это — единичные «экземпляры». Что я вкладываю в это понятие? Семье Бонч-Бруевичей пришлось пережить много трагедий, которые происходили в те годы со многими представителями советской

элиты. Были и репрессии, и потери. Но Владимир Владимирович родился и вырос, воспитанный В. Д. Бонч-Бруевичем в этих условиях квартиры и дачи в Барвихе, где удивительным образом сохранились уклад жизни, архивы, библиотека, — всё, что создаёт неповторимую среду обитания. Загадочным образом это сохранилось, хотя были все основания ожидать, что Владимир Дмитриевич мог бы пострадать от власти, а семья, принадлежавшая к высшему партийному истеблишменту, могла бы просто раствориться в небытии, быть «стёртой в лагерную пыль». Слава Богу, этого не произошло и Владимир Владимирович вырос в очень породистого советского аристократа в лучшем понимании этого слова. Ему была свойственна уже упомянутая элегантность. Но не это главное. Его отличало особое отношение к жизни, к людям, особое благородство, за что его так любили и ценили. Это дало ему возможность стать основой всей семьи — нравственной, мировоззренческой. Стать тем человеком, на которого мы все опирались.

Когда мы были женаты с Катей, «Литературная газета» обладала силой и авторитетом, а Владимир Владимирович был своеобразной «иконой» всей редакции. Потом, когда времена изменились, и всё стало разваливаться, он держал этот удар, держал стойко и до конца своих дней боролся за родную «Литературную газету», придумывал новые пути и формы взаимодействия с окружающей реальностью. Он всегда оставался настоящим с большой буквы журналистом и настоящим советским аристократом. Я затруднюсь привести другой пример наследника партийной и властной элиты, который, во-первых, просто выжил, а во-вторых, обладал бы такими качествами. Владимир Владимирович остался абсолютным исключением. Я не нашёл ни одного примера человека из этой среды, который мог бы с ним сравниться. Эта концепция советского аристократизма в связи с Владимиром Владимировичем пришла мне в голову задолго до момента, когда нам пришлось писать о нём свои скромные воспоминания.

Я шёл по жизни, подсознательно всё время соотнося её с Владимиром Владимировичем, ценя каждую нашу встречу, беседу. Очень любил приезжать на дачу — она была его миром, он обожал возиться там с кранами, деревьями, бумагами, даже сам порой чистил снег... В этом я его очень хорошо понимаю: моя старая дача — такой же мир для меня. Дача в Барвихе — это мир детства Владимира Владимировича, неотделимый от него. Всю жизнь он кровно связан с этой землёй. Как-то мы разговаривали, сидя на кухне, и он говорил о корнях: как он идёт по тропинке к станции «Раздоры» и под ногами чувствует вылезающие из земли корни сосен. Владимир Владимирович говорил: «Сколько я помню себя с детства, я помню эти корни, проходят годы, жизнь идёт, а корни и сосны всё те же». И эта метафора корней, столь важная для него, пронзила меня. Это абсолютно совпадает с моими детскими воспоминаниями о даче и моим ощущением мира.

И ещё мне хотелось бы вспомнить 90-летний юбилей моей мамы. Всего два года назад... Мы отмечали его на даче в Зеленоградской, это оказался мамин последний дачный сезон. Мама была ещё в силе. А год стоял удивительный, тёплый, такого урожая яблок никогда не видела наша земля — тонны яблок, горы варенья. Лето было пропитано ароматами яблок, слив на старых деревьях, посаженных ещё моей бабушкой, воздух наполняло жужжание пчёл. В начале сентября на мамин день рождения собрался узкий семейный круг. У меня в телефоне хранится видеозапись тоста Владимира Владимировича: «Я смотрю на Нину Александровну, которой исполняется 90 лет. Она окружена любящими близкими людьми. Она прекрасно выглядит и то, что мы видим за окном, тоже прекрасно. И я думаю о себе (в этот момент его голос немножко дрогнул): может быть, и мне будет дано дожить до таких лет в окружении любящих меня людей. И от этого мне становится тепло и спокойно на душе». Владимир Владимирович был моложе мамы на одиннадцать лет, и кто бы мог подумать,

что всё так быстро закончится... К счастью, свою жизнь Владимир Владимирович действительно прожил в окружении любящих, верных ему и близких людей.

Мы все осознаем, что его жизнь оборвалась несправедливо рано и неожиданно для нас. И я до сих пор не могу смириться с уходом Владимира Владимировича, который не укладывается в голове. И мы понимаем, что этот уход очень несправедлив. Мы надеялись на то, что ещё много лет будем сидеть с Владимиром Владимировичем на кухне, на диване в гостиной рядом с книжными полками дачной библиотеки, вести долгие разговоры по телефону. Он часто звонил мне по поводу моей работы, высказывал мнения, соображения, советы — профессиональные, глубокие, внимательные. Я очень ценю его искренний интерес. Он очень поддерживал и гордился всеми нами, нашими победами и успехами в разных областях. Моя судьба сложилась так, что я стал работать если не в журналистике, то в близкой к ней сфере. Он горячо интересовался моими фотопроектами. А сколько тёплых слов, читая мои книги, сказал он мне о том, как я хорошо пишу. И настаивал, чтобы я писал больше. Владимир Владимирович очень тщательно изучал все мои тексты в альбомах «Россия из окна поезда», «Хребет», потом обязательно звонил и советовал, что можно было бы ещё сделать, куда продвинуться.

Многие из наших друзей запомнили выступление Владимира Владимировича по речи, которую он произнёс на поминках по моей маме. Оно было посвящено семье, узам и тому миру, который нас связывает. Не знаю, предчувствовал ли он тогда близость своего ухода... Это произошло вскоре, наши самые страшные потери 2018-го: уход моей мамы и уход Владимира Владимировича разделяет всего месяц...

Я невероятно ценю, что на протяжении всей жизни Владимир Владимирович и Лена были ближайшими людьми нашей семье, они очень ценили и любили мою маму, уважали Леонида Григорьевича. Это чувство со стороны мамы

было взаимным. Единство старшего поколения наших с Катей семей мы ощущали всю жизнь. Когда был 80-летний юбилей моей мамы — парадный, в ресторане Дома литераторов, — мы с Владимиром Владимировичем с радостью делили обязанности тамады. И конечно, символично, что последний выход «в свет» моей мамы произошёл на 80-летнем юбилее Владимира Владимировича в ресторане «Сахли». Я очень внимательно отношусь к символам или знакам судьбы, которые нас объединяют. Может быть, в тот момент, когда это происходит, мы не отдаём себе отчёта, а потом возвращаемся к ним и понимаем, что совпадения неслучайны. На фоне двух наших последних утрат, последовавших одна за другой, я не могу разделить их. И это естественно: наши родители символическим образом все эти годы были действительно очень близки и ценили друг друга.

СПАСИБО ЗА ДРУЖБУ

Лена, я всё думаю и думаю, почему мы так мало говорим ласковых слов друг другу, да что там мало — просто не говорим, не принято... А когда вдруг опомнишься и почувствуешь в том почти мучительную потребность, бывает поздно. Мне так хотелось на прощальном обеде в Доме журналиста сказать ТЕБЕ «Спасибо» за дружбу с Володией, дружбу, которой больше полувека. Испугалась, что голос дрогнет, нервы сдадут... Глубокая печаль не покидает моего сердца...

При прощании о Володе было сказано много хороших и правдивых слов — он, конечно, это заслужил, — но разве всё вспомнишь сразу в такую тяжёлую минуту. Вот передо мной лежит номер «Литературной газеты» за 5–11 апреля 2017 года, где Володю поздравляют с юбилеем. Володя подарил мне этот номер сам и написал на нём: «Дорогой Лине — отчёт о моей жизни, многие годы которой прошли рядом с тобой и Лёвой». Юбилейная статья называется «Просто Бонч». Ты, Лена, знаешь, что Лёва всегда называл Володю «Бончик» и голос его при этом как-то заметно теплел.

Мы (я имею в виду и тебя, и Володю, и себя с Лёвой) шли одной дорогой с тех пор, как оказались на Моховой в конце 50-х. Помнишь, как хороши мы были: несмотря на все жизненные (и политические) сложности, мы искренне мечтали о лучшей жизни для всех без исключения честных людей, верили в силу добра, в любовь и верность, в возможность справедливости. Да, и «Ленин такой молодой», и революция виделась справедливой, а все войны героическими. По коридорам нашего факультета журналистики ходил молодой Ясен Засурский (ему будет 89 лет), и нико-

му, кроме нас, пока неизвестные, но очень талантливые, остроумный Марик Розовский и трагическая Ия Саввина, загадочная Ольга Кучкина и редкостная красавица Гера Гойлова... А во дворе на нас с постаментов с надеждой смотрели Герцен и Огарёв, символы верной дружбы. «Право, хороша была юность!» «...Деятельность кипит, сердце бьётся, кровь горяча, сил много, а мир так хорош, нов, светел, исполнен торжества, ликования, жизни...».

Конечно, можно сказать, что мы жили «в своё удовольствие» и это будет правдой. Но можно сказать, что мы просто жили «с удовольствием», так как учились и работали увлечённо, радостно. И это тоже будет правдой. Мы вышли из времени, в которое грех было не заразиться энтузиазмом и романтизмом. Но эта «длинная короткая» жизнь полна опасностей, не всем удаётся пройти сквозь треволения взрослой жизни, не подорвав веру в действенную силу добра. Володе это удалось. В нём всегда ощущалось желание сделать для окружающих его людей что-нибудь полезное, хорошее — и он это делал. Отсюда ниточка тянется к такой сущности натуры, как доброжелательность, а без этого нет интеллигента, даже если за первооснову взять воспитанность и образованность. Это всё было в Володе, плюс ещё порядочность, честность, мягкость и прочее, и прочее...

Мы не были, что называется, закадычными друзьями: не ездили вместе на рыбалку, не ходили по грибы, не собирались на шашлыки... Но немало приятных часов выпало нам провести вместе, в том числе и в вашем уютном доме на улице Семашко. А с тобой, Лена, ещё и на работе мы оказывались не раз в прямом смысле на расстоянии вытянутой руки. Ты знаешь, что я не феминистка и Мария Арбатова героиня не моего романа, скорее наоборот. Но... наблюдая за удачными супружескими парами, я убедилась в необычайно сильном женском влиянии в формировании не только духа «домашнего очага», но и характера его хозяина. Узнав тебя за эти годы достаточно хорошо

(спасибо, что позволила это), я беру смелость утверждать, что Володя прежде всего в тебе черпал такие качества, как щедрость души, трудолюбие, ответственность, да и многое другое. В тебе при близком общении легко угадывалась страстность натуры, но при этом поражало умение держать себя в руках. Я своими глазами видела, как искренне ты печалилась о потере дорогих тебе друзей и коллег — Бори Козлова и Феликса Городинского, Ларисы Корнеевой, Лены Кнорре, да можно ли всех перечислить — их много. И всё это так естественно, без ненужного пафоса и театральности.

Тебе от Володи досталась особая фамилия. Это наша история. Вы с Володией с большим достоинством её пронесли по жизни — это, думаю, не так уж просто, но вам удалось. Лёва это тоже ценил. В молодые годы наши отношения часто носили налёт ребячливости, милой приятственности. Но шли годы и появлялись другие оттенки: интерес друг к другу и уважение. Лыщу себя надеждой, что это было взаимно.

С любовью и пожеланиями долгой жизни тебе, Катюше, Танечке, Максиму и всем дорогим тебе людям.

ПРОСТО БОНЧ

Не помню, как мы познакомились. Сидели мы на разных этажах в памятном всем литгазетчикам здании на Цветном бульваре, он — на пятом, я — на четвёртом, в Комвосе, отделе коммунистического воспитания по титулу, морали и права — по содержанию. Это были звонкие годы «Литгазеты», достигшей шестимиллионного тиража, мы не ходили — летали по коридорам, гордясь своей газетой и своим читателем: ведь подписку на «ЛГ» не навязывали, её покупали и читали по доброй воле. Мы умножали шесть на три, как рекомендовали наши авторы-социологи, проясняя реальную численность аудитории, и понимали, что за нами — двадцатимиллионная армия единомышленников. Дух захватывало!

Вероятно, аналогичным подсчётам предавались и в инстанциях, озабоченных очевидным идеологическим дисбалансом; во всяком случае, одним утром меня призвали в кабинет Сырокомского, и хмурый Сыр проворчал, не вдаваясь в подробности, что «ЛГ» объявляет всесоюзный конкурс на лучший очерк о жизни тружеников страны, конкурс будет вести отдел корреспондентской сети Бонч-Бруевича, потому что надо задействовать всех корреспондентов на местах, а я перехожу в этот отдел, чтобы непосредственно конкурсом заниматься. «Мы должны показать читателю положительный образ современника», — коротко объяснил он. Иными словами, уравновесить негатив второй тетрадки. И, глядя на мою потрясённую физиономию, добавил: «В конце концов, и от вас зависит, что это будут за материалы...»

Конечно, затея была мертворождённой: от кого-кого, но от «ЛГ» читатель никак не ждал фанфарных откровений.

Кроме того, хорошие очеркисты в стране были наперечёт, и все писали для «родных» изданий.

Бонч не разделял моего пессимизма: активный и целеустремлённый, он днями висел на телефонах, обзванивая собкоров и доводя их до ярости требованием через неделю представить предполагаемый план; рылся в подшивках союзных газет в поисках потенциальных авторов; уговаривал бывших однокашников по журфаку немедленно бросить все дела и написать для нас «живой и яркий материал». Конечно, газета торжественно объявила конкурс, и через пару недель мы начали пожинать плоды. Даже мне, привыкшей к мешкам писем в отделе Комвоса, стало не по себе от творческой активности сограждан. Читать было интересно, публиковать — невозможно. Было много смешного, и когда я зачитывала Бончу какой-нибудь нелепый отрывок, он, щурясь, смеялся характерным негромким, хихикающим смехом, и морщинки разлетались по высоким скулам.

Как водится в редакциях, у нас были заготовлены стандартные ответы для непринятых материалов, подписаны они были В. В. Бонч-Бруевичем. И вот однажды получаем письмо, если верно помню, из Узбекистана: «Дорогой товарищ Бонч-Бруевич! Как я рад был получить письмо от Вас, от соратника великого Ленина...» — и так далее. Смех разбирает, показываю Бончу: «Смотрите, этот товарищ заплутал в хронологии!» — «Дело не в хронологии, — серьёзно отвечает Бонч, — неужели этот чудака думает, что тот Бонч-Бруевич будет работать в “Литературной газете” заведующим отделом корреспондентской сети?».

По поводу его фамилии в газете редко шутили: все призывали, что нёс он её спокойно и с достоинством, не выпячивая и не поддаваясь на приколы. А если жертва не клюёт — какой смысл её подсекать?

Конкурс длился год и вяло сник, не принеся никаких идеологических дивидендов. С ним не связано никаких ярких воспоминаний, но был момент, когда нам здорово потрепали нервы.

Опубликовали мы очерк об одном отважном человеке, железнодорожном рабочем, которому удалось остановить катящийся под уклон вагон: рискуя как минимум рукой, он успел подсунуть под колесо специальную опору. Она так и называлась в тексте: опора. Буквально через несколько дней получаем письмо, автор которого, почётный железнодорожник, упрекает газету в непрофессионализме и требует опубликовать уточнение: упомянутая опора называется «башмаком», и так следовало написать в очерке, а то, что написано — ошибка, которую непременно нужно исправить.

Ну, мы отмазались обычным ответом: дескать, сожалеем, но термин профессиональный, автор мог его и не знать, а очерк уже опубликован. Мы не догадывались, во что ввязались. Дней через десять нас вызвал А. С. Тертерян, которому подчинялся отдел писем, и картинно помахал жалобой все того же бдительного железнодорожника: «Поздравляю! Вы нарвались на профессионального кляузника. Напишите ему так, чтобы он отвязался! Поставьте в этом деле точку!»

Написали — со всеми реверансами и полным уважением. А ещё через короткое время раздался в трубке грозный рык Сыра: «Зайдите ко мне!» Оказалось, товарищ пожаловался в ЦК партии: мало того, что сотрудники неграмотные, так ещё не прислушиваются к мнению опытного профессионала и не желают публично исправлять свою ошибку...

За год совместной работы я оценила невероятную ответственность Бонча, дотошность, доходящую до маниакальности, удивительное дружелюбие и коллегиальность. У него был очень весёлый нрав, и в прищуренных глазах таилась готовность к улыбке, хотя чаще всего он выглядел озабоченным, всегда куда-то торопился, боялся надолго оторваться от своих телефонов. Я ни разу не видела его в ярости — впрочем, как и в безудержном веселье, казалось, он существовал между крайними эмоциональными полями: рассерженный, но не злой, огорчённый, но не впадавший в отчаяние, радостный, но не закатывающийся от смеха.

Внешне он казался чопорным в неизменно хороших костюмах и при галстукe, всегда интеллигентен, вежлив и дружелюбен. Как-то мы заговорили о нём с коллегой: «А чему ты удивляешься, ему не нужно было драться, пробивать себе дорогу, за него всё решила фамилия!» Это распространённое, но неверное утверждение. Я думаю, именно потому, что за него кое-что решила фамилия, он всегда чувствовал себя обязанным соответствовать ей. Конечно, он входил в редакции в «клуб привилегированных», но, в отличие от иных коллег, никогда этого не подчёркивал. Страстно занимался общественной работой. Тогда мне казалось, что у него темперамент общественника. Теперь я поняла, что эта работа была для него формой служения Газете, которое он ставил превыше всего. А все те ярмарки-продажи, «заказы», которые он организовывал и которые неизменно кончались обидами и жалобами, — зачем они были лично ему? Он, думаю, и так мог купить, что хотел.

Его верным и безропотным многолетним помощником была Тоня Горшкова, Антонина Михайловна, секретарь отдела. Красивая, мягкая, по-домашнему уютная и внешне невозмутимая — только она могла не запутаться в суматохе его поручений: позвонить в Ереван, связать его с Ленинградом, заказать гостиницу для прилетающего собкора, проверить, передали ли материал из Вильнюса, а заодно узнать, пришла ли полоса с репортажем из Ташкента. В коридоре то и дело слышался её монотонный зов: «Владимир Владимирович! Телефон! Владимир Владимирович, Фоняков звонит! Вы не видели Бонч-Бруевича?» — это уже кому-то из сотрудников. Он был деятелен и неутомим, и даже поздно ночью, придя домой, мог заказать разговор с Новосибирском. «Ты представь себе, — негодовала моя подруга, один из лучших наших корреспондентов, Замира Ибрагимов, — звонит Бонч, у нас два часа ночи! А он мне говорит: “Давайте пройдемся по планам”! А то вообще: “Вы не могли бы на пару-тройку дней в Нижневартовск

слетать?» Я ему карту Сибири подарю! Вы, москвичи, представляете себе наши сибирские расстояния?!»

В последние годы мы виделись в основном на поминках. И редко — на небольших торжественных вечерах, странно напоминающих похороны. Новые времена родили другую «Литературную газету», но Бонч остался предан ей. И, может быть, благодаря ему наше шаткое литгазетовское содружество кое-как сохранилось. Теперь своё служение любимой газете он видел в том, чтобы созвать всех на редкое торжественное мероприятие; вовремя на страницах газеты поздравить старых сотрудников с юбилеем; к сроку поместить некролог. Эти некрологи и юбилеи, голоса из прошлого, рождали щемящее чувство утраченной, но дружной семьи. Может быть, и ложное. Ему по-прежнему звонили, когда нужна была помощь — с больницей или пенсионными документами, или с местом на кладбище. И именно он провожал многих в последний путь, брал на себя тягостные хлопоты, звонил, скликая нас на проводы. «Вы — литгазетовский Харон», — неловко пошутила я, и он только улыбнулся. Я стала бояться его звонков, и когда в очередной раз услышала в трубке его голос, закричала: «Нет! Не говорите ничего! Не надо!» — «Да успокойтесь вы, — сказал он, и я словно увидела его лукавую улыбку. — Никто не умер, я звоню позвать вас на вечер». Это был вечер памяти Виктора Веселовского. Весной 2018 года. Тогда мы увиделись в последний раз. Теперь вот Бонча не стало.

Я помню один давний разговор. Скончался наш сотрудник, пожилой человек, политический обозреватель с довольно громким именем. Бонч сказал: «Как неприятно, на похоронах было очень мало людей». А я ответила: «Человек должен так прожить свою жизнь, чтобы люди хотели с ним попрощаться».

На похоронах Бонча было много народу.

ХРАНИТЕЛЬ НАШЕГО ДВОРА

Владимир Владимирович Бонч-Бруевич. В моей жизни он был всегда, казалось, и будет всегда. Бонч — так его все называли за глаза в нашем дворе. Не Бонч-Бруевич, не Владимир Владимирович, а просто Бонч. Такое домашнее имя. Мой дом, мой двор — детская и взрослая сказка, заповедный остров. И главный островитянин, без которого всё было бы не так, — сосед из первого подъезда. Владимир Владимирович. Лично исключительно имя и отчество. Только он мог со своей трогательнейшей обстоятельностью детально разобраться в любой проблеме, решить что-то нерешаемое. Только он мог со своей необыкновенной мудростью, деликатностью и выдержанностью гармонизировать, на первый взгляд, негармонизируемое, примирить непримиримое. Владимир Владимирович. Умный, образованный, добрый, сопереживающий, всегда готовый помочь, какой-то безупречный. Хранитель дома, двора, многолетней сказки, чудесный островитянин. И очень похожий на моего папу, с которым всегда было спокойно и надёжно.

НЕЗАМЕНИМЫЙ

Как сейчас, вижу его лицо, вдруг как-то по детскому розовеющее от волнения, и эта знакомая у него черта в разговоре чуть похмыкивать, как бы сглатывая смущение, а голос притом ровный, преисполненный давления неторопливого и неотступного. Все знаки того, что разговор складывался напряжённый. Да и как иначе? Иначе быть не могло. Когда руководитель сети собственных корреспондентов «Литгазеты» Владимир Владимирович Бонч-Бруевич приходил в секретариат, — а он являлся с неотвратимой регулярностью, — обязательно тут же возникала эта напряжённость в лице и проступала краска волнения, если не сказать тихий пламень негодования над тем, что в секретариате у нас собрались волокитчики и канительщики. Он в претензии, маринуются и тормозятся замечательные публикации, статьи, очерки, вести с разных концов страны, подготовленные его подопечным воинством. Дескать, вы, секретариатчики, куда заботливее о «золотых перьях», строчащих рядышком, под крышей самой редакции сначала на Цветном бульваре, потом в Костянском переулке.

Под началом у командира собкоров было два десятка боевых штыков, дислоцированных в каждой союзной республике, а ещё в Питере, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. В разы больше, чем у любого заведующего любым другим отделом редакции. Да ещё на нём же, Бонч-Бруевиче, связь с местными журналистами, в которых у редакции возникала надобность, хотя они не состояли в штате. К тому же весь ресурс не сидел тут же — стоит лишь протянуть руководящую длань, а пребывал в рассеянии по градам и весям отечественной громадности. На его столе не умолкал междугородний телефон. И всей гвардии

хорошо известна была неотступная системность его звонков с беседами по душам. Собкоры, как надлежит в пишущей братии, народ малость расхлябанный, ненадёжный уже хотя бы по причине стихийности приливов и отливов вдохновения. К тому же все мы большие умельцы находить себе извинения при оплошках, просрочках и ссылаться на невероятные нагромождения повстречавшихся препон и ледяных торосов. Однако никто не мог успешно противостоять организованному наступлению нашего Бонча, иначе говоря, ВВ-ББ, как его порой называли, пока не прижилась аббревиатура ВВБ по сходству с президентскими многоуважаемыми инициалами. Чтобы держать в тонусе многоликую, пёструю и такую трудно совместимую с дисциплиной творческую артель, как собкоровский корпус, надо было обладать самоотверженностью ВВБ, его знаменитой собранностью и его преданностью интересам газеты. Ни на одну ноту не повышая голоса и только розовея лицом, — чего по телефону не было видно, — он умел и войти в положение другого и настоять на своём, чтобы дело шло как надо. Самый анархичный, пожалуй, из наших собкоров, Саша Никитин говаривал, бывало, смешивая жалобу с одновременным пиететом: «Уж лучше бы обругал и бросил трубку, но нет, он не отступит. Вот характер у человека!» А уж когда ожидаемый материал приспевал к нашей белокурой, причёсанной волосок к волоску стенографистке Соне Рыбаловой, вот тогда весь танковый напор Бонча оборачивался на нас, грешных служек секретариата: чего вы там манежите, когда собкор проделал огромную работу и написал хорошо, и по делу, а вы... Он стоял горой за каждого, не выделяя любимчиков или неугодных. И правду сказать, собкоровские донесения вносили в газету особый ветерок свежести с широт и долгот от Калининграда до Камчатки.

Каждый журналист сам выбирает для себя профиль и место в ремеслах нашего печатного цеха. Он не рвался на страницы газеты со своей фамилией. Хотя, видит Бог,

мало кого не соблазняло самолюбивое желание напечататься, прямиком от собственного имени обращаться к читателям, которых на пике популярности набиралось у газеты до шести миллионов, считая только подписчиков. ВВБ практически не публиковался. Он выбрал для себя другую стезю, по-теперешнему сказать, специальность медиаменеджера, и без него газета не была бы той, что была. Вдобавок организаторскому таланту ВВБ было тесно в любых рамках; пресловутые скобки «от и до» были не для него. Помимо хлопот с корсетью, чем только он ни занимался в редакции, от организации всевозможных акций, конкурсов, встреч с читателями, до помощи коллегам, друзьям, товарищам во всяческих неслужебных, житейских заботах. Одному подсобит с поездкой в отпуск, за другого похлопочет о даче, жилье, для третьего протолкнёт ребёнка в садик, для четвёртого... пятого... и так далее. Пожалуй, откликаться на любой зов о помощи он считал наивысшим для себя нравственным долгом. Трудно было бы сыскать человека такой отзывчивости и такой обязательности.

Духовным отцом новой в 60-е годы «Литературной газеты», которую теперь называют «старой», по праву был В. А. Сырокомский. Человек большой гражданской отваги и кипучей энергии, он очень много сделал на своём посту первого зама главного редактора и был неблагодарно сослан в опалу из-за интрижных разборок в высотных эшелонах власти. Уже в конце жизни Сырокомский, как последней мечтой, загорелся планом основать Клуб старых литгазетчиков. Не успел. А если бы суждено было сбыться надежде, то, бесспорно, никто не стал бы лучшим статс-секретарём и священнохранителем Клуба, чем Владимир Владимирович. Вместо того, увы, ему в последние годы выпадала печальная миссия оповещать нас о том, как старые литгазетчики один по одному уходили. Служению «старой» и «новой», былой и продолжающейся «Литературной газете» Бонч-Бруевич отдал полвека, если уж быть скрупулёзно точным, сорок шесть лет жизни. Больше не

может засчитать себе никто. Вот уж подлинно стоял до последнего вздоха.

Многие годы я бываю в Москве уже лишь недолгими наездами. Последний раз мы встречались с Володей летом 2017 года. Мне понадобилось кое-что из давних публикаций в «ЛГ», и он тут же, с неизменной своей охотой вызвался помочь. Мы ворочали наслоённые пластами до потолка старые годовые подшивки — слава Богу, пришли на помощь и Лёня Колпаков, и Женя Федоровский. В передышках говорили про всякое. О том, какую гору работы провернула наша заведующая библиотекой Римма Звонарёва, и вот теперь целую стену занимает уникальная картотека, в которой расписаны по карточкам все публикации всех авторов по всем номерам, годам и десятилетиям. Говорили о старых друзьях, кто остаётся с нами, и о тех, кого уже нет. Говорили про яростную грозу, что над Москвой прокатилась накануне. У них на даче в Барвихе рухнула мощная ель, покорёжила крышу, а починить не просто, форматы новой черепицы иные, чем у прежней. Провозились полдня, незаметно было, чтобы он куда-то торопился, а, оказалось, не подавал вида и чуть не опоздал в театр, где его ждали. Уговорились мы, что посидим где-нибудь с чашкой чего-нибудь, когда я приеду следующим летом. А в это самое следующее лето встретились при проводах его в последний путь. Кроме цветов кое у кого были с собой зонтики. Снова, как прошлым летом, по Москве буквально накануне опять прогремела и ещё пугала возвращением шквальная гроза.

НАСЛЕДНИК ПО ПРЯМОЙ

Когда пришла неожиданная, а оттого ещё более горестная весть о том, что не стало Владимира Владимировича Бонч-Бруевича, то первая мысль, мелькнувшая в голове, была — не успели!

Мы много раз предлагали ему наговорить свои воспоминания под аудио- или видеозапись. Он неизменно отвечал: «Я ещё не готов. Вот сейчас закончу...» Дальше шли причины одна другой уважительнее: «Готовим сборник о Московском союзе журналистов...», «Должно выйти собрание сочинений моего друга Зория Балаяна. Надо помочь...». Наконец, в конце весны, когда мы были у него в гостях, Владимир Владимирович сказал: «Ну, хорошо, согласен. Но мне надо подумать, подготовиться. Давайте, в начале осени». До осени он не дожил двух недель...

В 2012 году нас познакомила давний друг Литературного музея журналистка Елена Романовна Мушкина. Человек фантастического темперамента, она всегда возникала неожиданно, задавала интересующие её вопросы, затем на какое-то время исчезала, а потом появлялась с очередной изданной книжкой, как правило, столь же энергичной и непредсказуемой, как она сама. В тот раз она сказала: «С вами хочет познакомиться Володя Бонч-Бруевич. Да-да, сын вашего первого директора. Вам это интересно?» Надо признаться, от этого вопроса перехватило дыхание. В Государственном литературном музее имя его основателя и первого директора Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича овеяно легендами. Человек сложной судьбы, крупный учёный, видный партийный и государственный деятель, он и в музейную сферу привнёс широту замыслов, решительность их исполнения и воистину государствен-

ный размах. Но Владимир Дмитриевич был вынужден уйти из Литературного музея в начале сороковых, умер в 1955 году. Казалось, всё это осталось в другом временном измерении. И вдруг — сын. Конечно же, я ответил, что мы заинтересованы в таком знакомстве.

Вскоре Владимир Владимирович позвонил. Вопреки моим ожиданиям, ни слова о связи семейства Бонч-Бруевичей с Литературным музеем сказано не было: его интересовали перспективы проведения выставки Анатолия Никифоровича Яр-Кравченко — художника, выполнившего по заказу музея несколько серий портретов советских писателей. Разговор на интересовавшую меня тему завёл я сам, упомянув, что приближается 140-летие В. Д. Бонч-Бруевича и что музей хотел бы отметить эту дату. Владимир Владимирович согласился на встречу.

Хорошо помню свои первые впечатления от знакомства, тем более, что впоследствии они неизменно подтверждались. Невысокий. Ладно скроенный. С правильными чертами лица. С живыми глазами. С потрясающей, как сказали бы скульпторы, лепкой головы. Со спокойной, но при этом немного ироничной манерой говорить. Очень тщательно и строго одетый. От общения с ним оставалось ощущение столь редко встречаемого сейчас сочетания непринуждённости и достоинства. Раньше это называли бы аристократизмом, но в наше время выкорчёванной аристократии, вероятно, уместнее вспомнить о врождённой интеллигентности.

В нашу первую встречу я почувствовал некоторую настороженность Владимира Владимировича. Вскоре я понял её причину: у него сложилось впечатление, что в Литературном музее имя Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича несколько подзабыто. Мне было тем более нетрудно убедить его в ошибочности такого мнения, что вскоре началась работа над выставкой, и наш живой интерес к тому, что мы делали, говорил сам за себя.

Это была счастливая для нас пора. Окунувшись в самый ранний период истории музея, мы решили показать

не только документы и личные вещи его первого директора, но и те раритеты, которые были приобретены музеем при личном участии Владимира Дмитриевича. Постепенно выстраивались две линии — история жизни незаурядного человека и судьба его творения.

Я не сразу разобрался в родственных отношениях Владимира Владимировича с Владимиром Дмитриевичем, которого Владимир Владимирович в разговорах обычно называл отцом, но иногда — дедом. Я знал, что дочь Владимира Дмитриевича от первого брака, Елена Владимировна, была замужем за известным литератором, одним из руководителей РАППа, Л. Л. Авербахом. Но лишь на второй или третьей встрече нам было рассказано семейное предание, согласно которому в квартире Бонч-Бруевичей в один день раздались два телефонных звонка: один — о рождении внука Владимира Дмитриевича и его второй жены Анны Семёновны, второй — об аресте зятя, который вскоре был расстрелян. А Елену Владимировну сначала сослали, потом арестовали и осудили на семь лет лагерей. Именно тогда Владимир Дмитриевич усыновил своего новорождённого внука, став для него одновременно и дедом и отцом.

Вообще память о Владимире Дмитриевиче была для Владимира Владимировича священна. Проведя с отцом первые семнадцать лет жизни, сопутствуя ему в поездках, живя рядом в доме в Барвихе (где он окончил среднюю школу), Владимир Владимирович помнил о тех годах удивительно много: о людях, которые приходили к Владимиру Дмитриевичу по работе или в гости, о книгах, которые тот советовал ему прочитать, о мыслях, услышанных от него в юные годы и сохранившихся в памяти на десятилетия.

Всё это мы узнавали постепенно. Сначала Владимир Владимирович нас как будто проверял. Он небольшими порциями приносил в музей фотографии, документы, книги, а сам смотрел, стараясь понять, насколько нам всё это важно и интересно. Помню, как однажды он принёс карманные часы — железные, очень просто оформленные.

Далее последовал рассказ о том, что, находясь в эмиграции, в Швейцарии, В. Д. Бонч-Бруевич продал на партийные нужды фамильные золотые часы, а потом они с Лениным пошли покупать часы подешевле и выбрали самые простые, но местного производства. По словам Владимира Владимировича, эти часы, если их завести, отменно ходят до сих пор.

В какой-то момент Владимир Владимирович предложил посмотреть вещи у него на дому. Мы поняли, что первый экзамен нами сдан. Это посещение запомнилось не только ощущением присутствия в мемориальном пространстве квартиры В. Д. Бонч-Бруевича, не только прекрасными вещами, которые мы там отобрали на выставку, но прежде всего — общением с Владимиром Владимировичем, в домашних стенах смотревшимся совсем иначе, чем при встречах в музее, и с гостеприимнейшей Еленой Ивановной. Умение принимать гостей очень много говорит о хозяевах дома. Чета Бонч-Бруевичей владела этим искусством в полной мере. Если «Застольные разговоры» Плутарха давно уже стали классикой литературы, то застольные беседы в Большом Кисловском также могли бы послужить образцом в этом жанре. Владимир Владимирович был превосходным рассказчиком. Профессиональный журналист, много поездивший и много повидавший, он умел говорить о пережитом кратко, образно и занимательно. Запомнился его рассказ о том, как он оказался в роли выпускающего редактора газеты «Московская правда» в день, когда снимали Н. С. Хрущёва: как ему звонили из ЦК, как он на ходу должен был убрать из номера материал с хрущёвским выступлением, как перепуганный зав. типографией взывал по телефону к главному редактору, а тот, уже будучи предупреждённым о свершившемся перевороте, подтверждал распоряжения Владимира Владимировича. И всё это рассказывалось живо, к месту, с желанием несколько отвлечь слегка утомившихся гостей от проблем подготовки выставки.

А выставка получилась отменная — и по материалу, и по оформлению. Она размещалась на Петровке, 28, где в ту пору находилось главное здание Литературного музея, и проработала с 12 сентября по 6 октября 2013 года. Мне показалось, что перед открытием Владимир Владимирович, которому надо было говорить вступительное слово, волновался. Но говорил очень хорошо и на вернисаже, и день спустя, на заседании Анциферовских чтений. К счастью, в музее сохранились записи этих его выступлений.

Тогда же возникла идея: создать в Литературном музее постоянную экспозицию, посвящённую В. Д. Бонч-Бруевичу. Но было два препятствия: недостаточность мемориального материала и отсутствие места. Решение первой проблемы Владимир Владимирович взял на себя: он подарил музею ряд мемориальных вещей Владимира Дмитриевича, в том числе несколько предметов мебели, что позволило создать «бончовский» мемориальный уголок на выставке «Литературный музей: воспоминание о будущем», проходившей в 2014 году в Царицыне. (Кстати, тогда, оформляя пакет документов на дары, я обратил внимание на удивительное сходство подписей В. Д. и В. В. Бонч-Бруевичей. Когда я сказал об этом Владимиру Владимировичу, он рассмеялся: мол, знает за собой такой «грех», но сознательно к этому никогда не стремился — всё вышло само собой, «генетически».)

Что касается места будущей экспозиции, то рассматривалось несколько предложений, пока не было решено, что она разместится в новом главном здании музея по адресу: Zubovskiy bul'var, 15. Сейчас в этом просторном доме, построенном незадолго до Первой мировой войны, завершаются ремонтные работы. Он должен открыться для посетителей весной 2019 года. И в нём, конечно же, будет комната с материалами В. Д. Бонч-Бруевича, а в ней — вне всякого сомнения — портрет Владимира Владимировича и документы, рассказывающие о нём как о журналисте и друге нашего музея.

Содержимое этой экспозиции мы также неоднократно проговаривали с Владимиром Владимировичем, который в последние годы много занимался изучением архива отца. Надо сказать, что к нам в музей часто обращаются с вопросами исследователи. Несколько раз, понимая, что ответы кроются в архиве В. Д. Бонч-Бруевича и помочь сможет лишь Владимир Владимирович, я, получив его предварительное согласие, переадресовывал просителей к нему. Насколько мне известно, в большинстве случаев искомые материалы находились.

Верность памяти Владимира Дмитриевича для его сына и внука отнюдь не ограничивалась изучением архива. Владимир Владимирович, как мне представляется, считал невозможным изменять политическим идеалам своего отца даже в нашу эпоху многолетней идеологической турбулентности. Мы не говорили об этом напрямую, но по отдельным замечаниям я понял, что, уважая воззрения других, он с некоторой брезгливостью смотрит на тех, кто за последние четверть века несколько раз с лёгкостью переменили свои убеждения. Знаю, что, когда презентация книги его хорошей приятельницы была назначена на 7 ноября, он был вынужден с сожалением отказаться от участия в ней, объяснив, что этот день в его семье соблюдается как праздничный.

Весной 2017 года мы пригласили его и Елену Ивановну на выставку «Двенадцать. Русские писатели как зеркало революции 1917 года». Главная идея выставки заключалась в том, чтобы показать, как литераторы с разными художественными и политическими воззрениями откликнулись на бурные революционные события, свидетелями которых им довелось стать. В этой ситуации мне было особенно интересно узнать, что скажет Владимир Владимирович. Он долго ходил, читал аннотации, тексты М. Горького, А. Блока, В. Маяковского, Д. Бедного, З. Гиппиус, М. Волошина... Потом сказал: «Интересный материал». Помолчал и добавил: «Очень важно и хорошо, что здесь нет категоричных политических оценок. Я этого боялся».

При этом Владимир Владимирович вовсе не был рабом какой-то одной идеи. Так, однажды, придя с Еленой Ивановной к нам в музей, он вдруг заторопился и сказал: «Нам пора в театр». Я спросил, какой спектакль они хотят посмотреть, и с удивлением услышал: «День опричника». В моём понимании сорокинская эпатажная хроника Нового Средневековья не должна была привлекать Владимира Владимировича, более склонного, как мне казалось, к иной эстетике. Вероятно, заметив моё замешательство, он сказал: «Книга мне не понравилась. Для меня она чужая. Но я хочу увидеть, как это будет смотреться на сцене».

Последняя выставка, на которую Владимир Владимирович и Елена Ивановна пришли в наш музей, «Город гнева», открывалась 26 апреля 2018 года и была посвящена литераторам, описавшим Сталинградскую битву, — К. Симонову, В. Гроссману, В. Некрасову. Я не мог присутствовать на вернисаже, но те, кто Бонч-Бруевичей принимали, рассказывали, что они с интересом посмотрели экспозицию, а потом не без удовольствия выпили по рюмке водки, которую наливали пришедшим на открытие в память о «наркомовских ста граммах»...

Тем неожиданнее было на излёте лета узнать, что Владимир Владимирович умер. Несколько человек, сотрудников музея, работавших с ним особенно тесно, собрались, чтобы написать некролог. Мы говорили, вспоминали — каждый что-то своё. И сами собой родились слова: «Для нашего музея Владимир Владимирович был больше, чем друг, он был одним из нас...»

БЫЛ ЧЕСТНЫМ ПЕРЕД СОБОЙ И НЕБОМ

Более полувека назад несколько очень молодых и честолюбивых людей каждый день встречались на четвёртом этаже дома номер восемь на Чистых прудах в так называемом предбаннике отдела информации «Московской правды». Молодые люди, а в их числе был и я, были отчего-то уверены, что их призвание — журналистика. Кто им это внушил — Бог его знает, но обращались мы друг к другу не иначе как «старик или «старуха», непрерывно куда-то звонили, ездили из конца в конец Москвы, встречались с учёными, рабочими, артистами, бродили по тоннелям метрополитена, лазили на крыши домов, с умным видом ходили по цехам тогда ещё живого ЗИЛа, задавали десятки вопросов, после чего в муках творчества сочиняли — и подчас прямо в номер — заметки, репортажи, интервью и на следующий день с молчаливой (а иногда и вовсе не молчаливой) гордостью видели свою фамилию на газетной полосе.

Мы были, само собой, внештатниками. За дверью же нашего предбанника располагался кабинет, где трудились полноценные литературные сотрудники, среди которых в 1957-м появился выпускник журфака МГУ Владимир Владимирович Бонч-Бруевич. Помню ли я Володю той нашей золотой поры? И спрашивать не надо. Он был немногим старше нас, но уже умел держаться с отличавшей его всю жизнь достойной сдержанностью. Он оказался недурным репортёром и — что для нас, из-под пера которых зачастую вылетали такие перлы, от которых и штатные, и нештатные валились с ног от дикого хохота, как, к примеру, от знаменитого зачина Лёни Лернера, единственного, что, я полагаю, останется от него в спецхране русской журналистики,

а именно: «Неузнаваемо изменился Великий Новгород, — отлил он в заметке о юбилее старинного города, — за последние тысячу сто лет», — для нас, повторю, были особенно важны отменные редакторские качества Володи. По-моему, он позволил себе всего лишь чуть улыбнуться над эпохальной фразой, ибо умел с довольно редкой для газеты вежливостью хорошо воспитанного человека указать на наши ляпы, несуразицы и ошибки.

Бонч (как очень скоро мы стали его называть) был прирождённым руководителем, организатором, был человеком, умевшим использовать нашу энергию исключительно в мирных, то бишь нужных для «Московской правды» целях. Умный наш главный, Александр Михайлович Субботин, не мог это не оценить, и Володя довольно скоро стал заведовать отделом информации. Теперь уже ему на стол, предварительно выправленные или Львом Колодным, или Ниной Баталовой, ложились наши творения, его оценка стала определяющей, и от его слова мы могли либо вознестись на седьмое небо, либо рухнуть в бездну отчаяния — иными словами, в очень краткое время пережить то, что от века суждено испытать всякому автору.

Помимо творческих — простите — будней в предбаннике были ещё замечательные вечера в Домжуре, приуроченные к праздникам — 1 мая, 7 ноября, Новому году. Объявляли редакционных лауреатов, вручали премии, кто-то шёл на концерт, а кто-то в знаменитый тогда ресторан, где премия исчезала бесследно. Однажды во время пира и весёлого братания я сказал Володе, что хочу, мол, написать рассказ. Он скептически на меня посмотрел. Понимаешь, с жаром говорил я, вот футболист, получив тяжелейшую травму, падает на зелёную траву, с тоской глядит в голубое небо и думает, что всё: жизнь кончилась. Князя Андрея Болконского, что ли, было мне мало? Но Володя не вспомнил князя. «Лучше бы, — молвил он с трезвой усмешкой, — твой герой, во-первых, глядел бы в небо без упаднической тоски, а, во-вторых, поправился бы и снова стал играть».

Бонч отличался — от меня, например, да и не только от меня — тем, что в голове у него с молодых лет всё было точно расставлено по своим местам. Он понимал приоритеты времени, знал, что ко двору, а что — лишнее, и сразу же распознал признаки бреда в моих литературных мечтаниях. Кроме того, он прекрасно понимал, что, несмотря на своё чисто внешнее сходство, журналистика так же отличается от литературы — воспользуемся сравнением Спинозы — как пёс, лающее животное, от Созвездия Пса. Это не означает, что журналистика хуже; просто она представляет собой совершенно другой способ познания мира. Не знаю, понимал ли он (а я тогда точно не понимал), что советская журналистика вкупе с советской литературой (за очень, очень небольшим исключением: в литературе — появившийся позднее Юрий Трифонов, в журналистике — чуть позже заговорившие в полный голос Юрий Черниченко и Анатолий Аграновский), если и были зеркалом действительности, то всё-таки неизбежно кривым.

Мне кажется, воспитанному в незыблемых коммунистических традициях Бончу невозможно даже было сомневаться, что в подлунном советском мире что-то не вполне так, что не вполне тот сам Ленин и что советский строй — не самое лучшее изобретение человечества. Хорошо это? Плохо? У меня с мамой моей бесценной случались жуткие идеологические споры — вплоть до последующего взаимного безмолвия, иногда продолжавшегося неделю. И я вам скажу, положив руку на сердце: се человек. Куда важней, что Бонч не совершал низостей, не предавал товарищей, не лгал, не подводил — а его генетическая привязанность к советскому образу мышления есть свойство едва ли не большинства нашего с ним поколения.

Предбанник же наш растворился в жизни. Я покинул его, перейдя в кабинет штатных сотрудников, а потом и вообще сменив газету; Володя перешёл на пятый этаж, в секретариат — и мы с ним, казалось бы, расстались. Но удивительное дело: чем больше уходило времени, тем резче

проявлялись нити, когда-то связавшие всех нас друг с другом и замечательно выдержавшие проверку на прочность. Наша память стала притягивать нас — и в радости, когда, к примеру, хоть и в потускневшем, но всё ж в Домжуре мы отмечали ...летье Нины Баталовой, где Бонч был душой нашего застолья; когда праздновали его, Володи, восьмидесятилетие; но особенно в тех случаях, когда друзья нашей юности стали покидать этот мир. Володя был сердечнейшим человеком, участливым, соболезнующим, всегда готовым подставить плечо — и приходил на могилу Саши Мостовщикова, и провожал в последний путь Валерия Вохмянина, оплакивал Юру Синякова и хлопотал о книжке памяти Валерия Дранникова...

Теперь пришло время вспоминать и оплакивать его.

Провожали Володю, Владимира Владимировича Бонч-Бруевича в ритуальном зале ЦКБ. Слышимость — увы — была плохая, но я всё же разобрал, что Лена, его жена, его вдова (какое горькое слово!), сказала, что Володя был убеждённый атеист. Я подумал, что сегодня это стоит поистине дорогого. Замечательный наш мыслитель Георгий Федотов заметил, что оцерковлённое, оправославленное зло куда страшнее открытого антихристианства. Верись ты, не верись — не в этом суть. Будь честным перед собой и Небом.

Володя был честен.

«НО ЖИЗНЬ, КАК ТИШИНА ОСЕННЯЯ, — ПОДРОБНА»

*Ты спросишь, кто велит?
— Всесильный бог деталей,
Всесильный бог любви,
Ягайлов и Ядвиг.*

*Не знаю, решена ль
Загадка зги загробной,
Но жизнь, как тишина
Осенняя, — подробна.*

Эти строки Бориса Леонидовича Пастернака о всесильном боге деталей, о том, что жизнь, как тишина осенняя, подробна, давно стали для меня знаковыми. Почти полвека я знаю Владимира Владимировича Бонч-Бруевича, Бонча — он пришёл в «Литературку» в семидесятом году, а я в самом конце 1967-го. Много тёплых слов — хороших и добрых — уже написано и сказано о том невозвратном, но для нас, старых литгазетовцев, сохранном времени. «Только этого мало», — написал другой мой любимый поэт Арсений Тарковский. Кто-то любит вспоминать детство, первую линейку, первое свидание — что же тут удивительного, а для меня постоянное, немного печальное, но всегда надёжное воспоминание — годы работы, нет, годы жизни в «Литературке», дружбы с Володией Бончем.

Старое здание на Цветном бульваре, куда мы торопились каждое утро мимо старых лип. На 5-ом этаже — отдел корсеты (небольшой кабинет В. В. Бонча, в предбанни-

ке — секретарь Тоня), следом, до конца коридора — наш Международный отдел. Удивительное дело, собкоры (а их было гораздо больше, чем 16 союзных республик в СССР), в принципе, народ очень шумный, подвижный, эмоциональный, но всем передавалось от их куратора Владимира Владимировича спокойное, уравновешенное состояние, они вместе с ним обсуждали и готовили очень острые и сложные репортажи с места событий, вырабатывали модуль поведения с республиканскими и районными руководителями; а с редакционным начальством и местным цензором Бонч справлялся сам. В его тихой, несуетливой манере поведения крылась не готовность уступить окрикам чиновников, а убеждённость, что публикация материала жизненно необходима, потому что решит судьбу человека, завода, шахты, и т. д. и т. п. Не боюсь повторить: «Литературка» тех десятилетий была не просто открытым каналом информации, но инструментом, способным в корне изменить ту или иную проблему. Ведь тираж газеты был 6,5 миллионов экземпляров! И журналистика тогда была Журналистикой, а коллеги Бонча — борцами за правое дело. И это не пышная риторика, а чистая правда. Коллеги — это не только его корреспонденты, а те, кто определяли лицо газеты: Е. Богат, А. Агранович, О. Чайковская, А. Ваксберг, А. Борин, международники и сотрудники отдела литературы. Не говоря уж о легендарном «Клубе 12 стульев».

Ещё Бонч был многолетним председателем месткома: дачи в поселке Шереметьево, командировки, дни рождения, юбилеи, больницы, похороны, квартиры, поездки в Прибалтику, Крым и на Кавказ — это всё он. В той же манере — спокойной и достойной — он помогал людям в тяжёлые минуты и в праздники. Мне довелось быть его заместителем по соцбыту: составляла списки очередников на квартиры, желающих отправиться в праздники на экскурсию, собирала заявления на путёвки и в детские

сады; казалось бы, бумажная работа, но именно у Бонча я училась постоянной готовности помочь. Эх, если бы я не убежала в журнал «Иностранная литература» спустя десять лет, я бы больше успела «позаимствовать» у Володи скромности, уважения к собеседнику, интереса к происходящему в стране и в мире.

И всё-таки я вернулась в родную, хотя и во многом другую, «Литературку» спустя десять лет — и тоже благодаря Бончу: в конце восьмидесятых, как грибы после дождя, стали появляться новые издательства, ведь монстры типа «Советский писатель» и «Художественная литература» дышали на ладан, а небольшие издательства потихоньку вытесняли их с книжного рынка. Вот и Бонч с Валерием Аркадьевичем Горбуновым решили попробовать издавать книги. И рискнули, и позвали меня (благо, к тому времени я набралась кое-какому опыту работы с книгами). Елена Бонч, супруга В. В., долгие годы работала в АПН, она свела меня с молодыми энтузиастами, тоже собравшимися открыть собственное издательство. Правда, первый наш опыт сотрудничества получился не самым удачным: мы предложили им начать с «Путешествия на край ночи» Луи Фердинанда Селина (тогда ещё запрещённого у нас), а они ждали от нас Хейли и Гришема... Но каким вожделенным оказалось моё возвращение в «Литературку»! Любимый коллектив, члены которого знали, что такое артельный труд, талантливые публицисты — Ирма Мамаладзе, Лидия Польская, Лев Токарев, Олег Мороз, Юрий Рост и все-все... Талантливые переводчики — Энга Двин, Валентина Жукова, Ирина Млечина, Евгений Факторович. Тогда мы уже обретались в Костянском переулке, в огромном здании, отданном А. Б. Чаковскому сразу после Олимпиады, выпускали еженедельник «ЛГ-досье», книги зарубежных писателей.

И в августе 91-го года мы были вместе: у Белого дома с Юрием Щекочихиным, а потом — в редакции, окружён-

ной танками, готовили номер. И хотя не всё сразу приняли перемены и перестройку, нам удалось сохранить наше единомыслие, наш артельный дух.

Потом, все годы, что я работала в «ВАГРИУСе» (том самом издательстве, которое учредили журналист-международник О. Васильев и ребята из АПН В. Григорьев и Г. Успенский), моя связь (как впрочем и у всех) с Бончем не прерывалась. Помню, он нашёл меня в Делфте (в Нидерландах), попросил срочно написать несколько строк своей журналистской биографии для справочника о журналистах СССР и РФ. А спустя несколько лет он пришёл вместе со старым литгазетовцем, в ту пору уже большим телевизионным начальником, Юрой Синяковым на презентацию книги Александра Нежного в Овальный зал Библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино, и я с гордостью (и прошу прощения, без излишней скромности) показывала им витрины с книгами, которые мы с моими сотрудниками по издательству «Рудомино» успели выпустить. Идеологических запретов уже не существовало: «модернисты-абстракционисты», Джеймс Джойс, Артур Миллер, Эжен Ионеско, Вирджиния Вулф, Ингмар Бергман перестали быть для российских чиновников чем-то ужасным, просто наступило время новых ограничителей — финансовых. «Литературка» тоже «вышла на рынок»: стали меняться главные редакторы, авторы, приоритеты, цели.

А Бонч оставался все долгие, разные, порой лихие для «Литературки» времена её верным рыцарем. Устраивал вечера памяти ушедших от нас авторов и сотрудников в ЦДЛ и ЦДРИ, звонил и поздравлял с юбилеем, вышедшей книгой, удачной статьёй. Только этого мало — он писал очерки, составлял сборники публицистики, помогал Государственному музею истории российской литературы имени В. И. Даля (его отец В. Д. Бонч-Бруевич был иници-

атором создания этого музея ещё в 1934 году), членом правления и сопредседателем Московского пресс-клуба Центрального Дома работников искусств.

Что дольше всего сохраняется в памяти о человеке? У меня — голос Володи, тихий, мягкий, надёжный. Если бы можно было повернуть всё вспять, я бы не ушла, не убежала из той газеты, от того Бонча, который меня многому научил...

БОНЧ, ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА И СЕВЕРНОЕ ПИВО

В «Литературную газету» мы с Володей Бонч-Бруевичем пришли почти одновременно, — с разницей, может быть, в год, что по истечении полувека кажется вообще очень небольшим отрезком, крохотной полоской времени.

Тогдашняя «Литгазета» захватила всех нас, наши головы, души, вовлекла в водоворот — очень уж интересной была её жизнь, события и люди, к которым была причастна газета. Она и сама состояла из очень интересных людей; и в первую очередь это были те, кто возглавлял «Литературку», Чак и Сыр, — Александр Борисович Чаковский и Виталий Александрович Сырокомский, светлая им память.

Что же касается нас, то мы были молоды, не знали и даже, по-моему, не подозревали, что существует такая коварная штуkenция, как старость, были полны планов, надежд, пытались совершить что-то дельное, способное приблизить завтрашний день, — может быть, даже и коммунизм, — радовались, если из наших потуг что-то получалось, почти всегда лезли туда, где было жарко, в самое пекло событий.

Если случалось разрушительное землетрясение в Узбекистане, в Газли, то первыми появлялись там, если в Казахстане грохнул сель, унёсший множество жизней и чуть не смахнувший с лица земли цветущую Алма-Ату, то мы прилетели туда в момент, когда сведения о беде ещё только готовились поступить на ленты телетайпов... То же самое было и с нефтяными и лесными пожарами, — в стране Тюмени и в Подмоскowie, с морскими катастрофами в Чёрном море и крупными мировыми

событиями, происходившими в нашей стране, которые надо было освещать.

Материалы, что потом появлялись на страницах «Литературной газеты», перепечатывали многие издания в разных странах, ну, а Владимир Владимирович Бонч-Бруевич находился в самом центре этой очень непростой работы.

Годы те, ставшие уже далёкими, люди, делавшие блестящую газету, лучшую в стране, бесстрашную совершенно, которая могла покритиковать любого союзного министра, любого партийного бонзу независимо от его веса, либо вообще выступить против какого-нибудь очень уж великого плана, утверждённого на самом высоком верху (к слову, таким оказался грандиозный план поворота северных рек на юг), — и победить, — ушли... Нет людей тех, легендарных, — жизнь выбила их почти целиком, и поры той нет, и страны, которая воспитала всех нас... Осталась только память, вот ведь как.

С Володей — Владимиром Владимировичем Бонч-Бруевичем мне доводилось бывать в самых разных поездках, в разных местах, — в Казахстане и Кабардино-Балкарии, в Хакасии и Хабаровском крае, в Турции и Китае, на Колыме и Чукотке, — и случалось на тех путях-дорогах всякое, смешное и грустное, торжественное, масштабное и что-нибудь такое, что никем, кроме двух-трёх человек, вообще не было замечено, таинственное, незнакомое и наоборот, много раз познанное, привычное...

Помню, как однажды летней ночью мы большой делегацией прилетели в Анадырь, центр Чукотки, ночь та летняя была ярче дня, потому что солнце ни на минуту не заходило за горизонт; огромный слепяще-красный диск останавливался на некоторое время над урезом моря и, повисев немного в пространстве, снова начинал подниматься вверх.

Гостиница была деревянная, тёплая, за столом администраторши сидела девушка необычайной красоты и заносила наши фамилии в журнал, — в ту далёкую советскую

пору этого было достаточно, чтобы получить крышу над головой.

— Ваша фамилия? — спросила девушка у Володи.

— Бонч-Бруевич.

Девушка старательно вывела в журнальной строке «Бонч-Бруевич». Я бы на его месте непременно вспыл, сказал бы что-нибудь резкое, да и живой классик, который находился тогда с нами в группе, Владимир Фёдорович Тендряков, тоже, наверное, вспыл бы, но только не Володя. На его лице не дрогнул ни один мускул, он мило улыбнулся, получил ключ от гостиничного номера и пошёл к своей двери.

Девушка улыбнулась ответно и неожиданно заинтересовалась:

— Мне сказали, что среди вас должен быть Мамин-Сибиряк... Кто из вас Мамин-Сибиряк? — Она вопросительно пробежалась глазами по группе «литгазетчиков». — Ему приготовлен номер-люкс.

Вот такая потрясающая девушка попала нам в той поездке.

Через пару дней мы на вертолёте переместились из Анадыря в Певек.

Заполярный порт Певек считался конечной точкой Северного морского пути — тут останавливались все: и могучие ледоколы, и полярные суда с корпусами, окрашенными в брусничный цвет, моряки называли их «морковками», и караваны простых сухогрузов, одолевших под присмотром ледоколов опасный северный маршрут...

Сам посёлок, примыкавший к порту, был небольшой, помнил жёсткие зековские времена. Телефонные и электрические столбы на его улочках плясали в разные стороны: один в одну сторону, другой в другую, третий в третью, назавтра они могли поменяться направлениями — дерево, как и бетонные пасынки, постоянно выдавливала из себя вечная мерзлота, — столбы пели и танцевали, как живые...

Провода между столбами никогда не были туго натянуты, — иначе мог случиться «кердык» по всей линии.

На следующий день к нам приехал на козле председатель поселкового совета и предложил посетить... местный пивзавод.

Честно говоря, пивным заводом он гордился больше, чем другими предприятиями, может быть, даже больше, чем знаменитым Певекским портом.

Всё дело в том, что на Севере (или, как говорят полярники, «на северах») было трудно с кадрами и руководители всех заполярных городов усиленно переманивали к себе специалистов, совсем не думая о том, что здорово обделяют тем самым других. «Заманихи» были самые разные, в том числе и очень привлекательные, вкусные, интересные.

Но вот собственного пивного завода, надо заметить, не было ни у кого и нигде...

Через несколько минут мы пересекли поселковую черту, за которой начиналась тундра, где обитали полярные волки и можно было встретить белого медведя.

Но ни волков, ни белых мишек мы в этот час не увидели. По тундре, среди мхов, ходили люди с обыкновенными колодезными вёдрами, а кое-кто ещё имел за плечами и рюкзачишко.

Мы с Бончом вытянули шеи — картина показалась нам забавной.

— Чем это они занимаются? — спросил Володя: интересно всё-таки было, чем народ промышляет в тундре.

— Грибы собирают, — ответил председатель поссовета.

— К-какие грибы? — не поверил тому, что слышит (и видит) Володя.

— А у нас только один сорт грибов и водится, — сказал председатель, — краснюки. Или ещё мы их называем красноголовиками. У вас, на Большой земле, их, по-моему, зовут подосиновиками.

Это было интересно. Мы остановились, вышли из машины. Грибов было много. И все — крупные, мясистые,

отборные. Некоторые имели такие шляпки, что на них можно было, наверное, сажать вертолёт, — едва в ведро влезали.

И что любопытно: среди этих гигантов не было ни одного червивого: ведь здесь, сразу под мхом начиналась твёрдая, как сталь, вечная мерзлота, почва была на многие метры проморожена вглубь.

В такой земле нежные грибные червяки вряд ли когда заведутся, не дано — увы!

Грибы в Певеке солили, сушили, мариновали, запечатавали в полиэтиленовые пакеты и отправляли в морозилку, а потом, где-нибудь в декабре, в январе, в пургу, в лютый мороз, доставали и выкладывали на стол.

Очень хорошо шли грибки в вечерние тёмные часы под стопку водки или самодельного спиртового ликёра «Северное сияние». Существовали ещё ликёры «Полярная звезда», «Шасси», «Шерман-бренди» (по фамилии писателя-фронтовика Ананьева-Шермана) и другие.

Но вернёмся к пивному заводу.

Проблема действительно была. Мы с Бончом уже успели познакомиться с тремя мужиками из числа портовых инженеров, выпускниками одного факультета, которые раз в месяц, в выходные дни, садились в рейсовый самолёт и отправлялись в Хабаровск... С одной-единственной целью — попить там пивка. Очень это было соблазнительно.

Тем более что пиво в Хабаровске выпускали отменное, такого ни в Якутске, ни в Магадане, ни в Петропавловске-Камчатском не было. Наливались там пивом по самую пробку, набивали бутылками с «жигулёвским» по несколько авосек и вечерним рейсом возвращались домой, к пивеской рыбе.

Молодые инженеры готовы были перевестись в любой другой порт, на меньшую зарплату, лишь бы в магазинах того порта продавали пиво. Удерживало только одно — они были молодыми специалистами и по закону обязаны были отработать в Певеке три года.

Председатель поссовета оказался человеком сообразительным: полетел в Молдавию, там нашёл двух девушек, согласившихся переехать в Певек на хорошую зарплату с полярными надбавками, и вскоре выгрузил их вместе со скарбом на берегу Северного Ледовитого океана.

Если насчёт девушек всё было ясно, то насчёт двух старых пивных танков, привезённых в Певек, ничего не было понятно: где он их взял, сколько денег заплатил, как доставил в посёлок, никто не знал, да так, собственно, и не узнал.

Молодые молдаванки, выпускницы техникума, начали варить пиво. И какое пиво!

В Певек повалили специалисты самых разных категорий, в очередь выстроились, инженеры готовы были трудиться на простых рабочих должностях, лишь бы зацепиться за Певек и иметь возможность лакомиться там местным пивом.

Располагался Певекский пивоваренный завод в бывшем лагере заключённых, в одном из отремонтированных бараков, к заводу, бодро кренясь то в одну сторону, то в другую, шагали электрические столбы, производство процветало.

Девчонки-пивовары оказались такими симпатичными и с такими блестящими глазами-вишнями, что мы с Володей даже выпили по паре лишних кружек пива, зачерпнутых, можно сказать, прямо из танка. Ох, и вкусное же было то сидение в прохладном помещении у пивных танков.

В окошко была видна пустая караульная вышка, удивлённо посматривающая с той стороны стёкол на нас — не привыкла ещё к вольным «штатским шпакам»...

До сих пор я помню в деталях ту поездку, — а вообще-то, их было много, поездок этих, большая часть уже затерялась в памяти и вряд ли когда уже всплывёт, но то путешествие на Крайний Север, в Певек и Анадырь, в Уэлен и Билибино настолько живо и свежо, что можно хоть сейчас сесть за повесть и написать её...

НЕ ПРОСТО ЭЛЕГАНТНОСТЬ

Какой же это эlegantный человек! То первое впечатление от знакомства с Владимиром Владимировичем Бонч-Бруевичем так и сохранилось в памяти. Тогда, в середине 90-х годов, было решено создать в ЦДРИ пресс-клуб. У нас было много клубов, советов, секций — они объединяли художников и исполнителей романсов, деятелей эстрады, музыкантов-народников, арфистов и духовиков, иллюзионистов и филателистов и т. д. И вот решили привлечь в ЦДРИ журналистов. В числе первых, кто откликнулся на наше приглашение, был Владимир Владимирович, один из самых известных московских журналистов, заместитель главного редактора «Литературной газеты» и, как оказалось, очень уважаемый среди коллег человек. Впрочем, скоро он стал не менее уважаемым в ЦДРИ. Года через два его избрали членом правления ЦДРИ. Запомнилось его тогдашнее шутовское замечание, что, мол, наш Дом стал первым, кто признал журналистов работниками искусств.

В пресс-клубе Владимир Владимирович сразу стал заместителем председателя и без всякого шума одним из тех, кого называют мотором всей деятельности. Сколько интереснейших вечеров он организовал. Взять хотя бы ставшие традиционными встречи с «Литературной газетой», посвящённые памяти замечательного журналиста Виктора Веселовского, «отца-основателя» «Клуба 12 стульев» 16-й полосы «Литературки». Этого прославившегося ещё на весь Советский Союз настоящего парада самых лучших, самых блестящих, самых смелых сатириков и юмористов. Вечера-концерты собирали столько зрителей, что их не вмещал Большой зал ЦДРИ. Бонч-Бруевич

сумел вовлечь в них самых-самых сегодняшних сатириков и юмористов.

Владимир Владимирович проявил себя прямо-таки замечательным организатором. И не только в рамках пресс-клуба. Но и как активнейший член правления ЦДРИ, как многолетний председатель нашей ревизионной комиссии. Тут проявилась ещё одна черта его характера — скрупулёзность, дотошность во всех делах, которые ему поручались. Помню, как работники бухгалтерии прямо-таки стонали от его требований подтвердить необходимыми документами всякие расходы, большие или маленькие. Зато тогда все поняли, что ревизионная ко всему подходит серьёзно и строго. На заседаниях правления Владимир Владимирович никогда не отмалчивался. А предложения, с которыми он выступал, всегда были продуманными и обоснованными. С Бонч-Бруевичем было не просто спорить. Было бесполезно повышать голос, жестикулировать и т. п. — приводи свои доводы, и пусть все видят, насколько они обоснованы.

Мне доводилось иметь дело со многими журналистами, талантливыми и не очень, яркими и не очень. Некоторые оказывались буквальным подтверждением созданного сатириками образа — самовлюблёнными, настырными, мало образованными, зато самоуверенными, даже хамоватыми, стремящимися во что бы то ни стало получить, написать, снять «материал», который велели принести в редакцию и как можно быстрее. Владимир Владимирович ни на кого не был похож. Сдержанный, неторопливый, всегда кажущийся спокойным, невероятно эрудированный, обаятельный, очень умный... Когда с ним разговариваешь, то сразу понимаешь, что он ничего не пропускает мимо ушей, воспринимает каждое твоё слово. И как же много он при всём этом умел и успевал сделать. И казалось, что он никуда и никогда не спешит, не торопится. Вот он — весь здесь, с тобой, и никуда не уйдёт, не убежит...

* * *

Каталка реанимации уже стояла у двери Володиной палаты, но он сказал, что ему совершенно необходимо позвонить. Он поздравил Энгилису Георгиевну с днём рождения, и это был последний в жизни Володи телефонный звонок.

СПАСАЛ МЕНЯ ОТ ХУЛИГАНОВ

Мне посчастливилось познакомиться с Владимиром Владимировичем, когда мы с его дочерью Катей пошли в первый класс. Для меня общение с Катиной семьёй является важной составляющей жизни на протяжении вот уже 50 лет. Я очень дорожу этой дружбой и связанной с ней памятью.

Тонкий интеллектуализм Владимира Владимировича, его удивительное чувство юмора, строгая и точная оценка наших школьных подвигов и промахов иногда смущали в детстве, но и заронили желание стать достойным интеллигентным собеседником. У Владимира Владимировича была уникальная библиотека, которую нам разрешено было исследовать, и со многими литературными источниками и сведениями из истории, оказавшимися в общей доступности только в период перестройки, мы ознакомились ещё в детстве. Конечно, всё это сильно повлияло на развитие меня как личности.

Хорошо запомнились удивительные смеющиеся глаза Владимира Владимировича и его живой, искренний интерес к нашим детским и юношеским проблемам. Он был очень занятой человек, но каким-то образом всегда находил время прийти на помощь. Мои родители, геологи, часто были в отъезде, и Катя призывала своего папу спасти меня от хулиганов или провожать до метро, дабы уберечь от преследования. И он приходил, и спасал, и провожал. Я была ему безумно благодарна.

Во время учёбы в институте у меня появились новые интересные друзья. Один из них, добрейший и в чём-то грустноватый Феликс учил языки, переживал бессонницы и как-то неожиданно для себя и окружающих оказал-

ся заключённым в психиатрической клинике (не редкость в 80-е). Попытки найти поддержку у знакомых врачей-психиатров не удались, и единственным человеком, заинтересовавшимся ситуацией, оказался Владимир Владимирович. Он позвонил, выяснил все обстоятельства, то, что он выяснил, ему не понравилось, и клиника вскоре была оповещена о том, что группа из «Литгазеты» посетит её для репортажа. Феликса на следующий день отпустили.

Владимиру Владимировичу было присуще такое искреннее чувство ответственности за людей и события, наверное, и за страну в целом; он как-то верил в людей и страну. Он ожидал от окружающих только честности и уважения друг к другу, и был одним из самых добрых, принципиальных, умных и тонких людей, с которыми мне посчастливилось общаться. Все эти качества непременно имели и имеют продолжение в семье Владимира Владимировича и всех, кому посчастливилось с ним соприкоснуться.

ДРУЖБА С ДЕТСТВА

Моё детство и ранняя юность прошли в Барвихе в посёлке «Новь». Долгое время я была одинокой девочкой, даже летние каникулы проводившая за книжками. Но начиная с шестого класса (с лета 1949 г.) я влилась, наконец, в круг своих сверстников, мальчиков и девочек, с которыми неожиданно выясилось много общего.

И жизнь на даче летом сразу стала интересной. Это было время раздельного обучения в школах, и так захватывающе было появление в нашей девичьей компании мальчиков, которые участвовали во всех наших мероприятиях. А уж среди мальчиков наиболее ярким, уже тогда с задатками лидера был Володя Бонч-Бруевич. И хотя тогда ещё не было никаких романов, ни влюблённостей, мы собирались каждый вечер на одной из дач, играли в волейбол (позднее в пинг-понг), а когда темнело, танцевали под патефон.

Ох, уж эти «Брызги шампанского»! Хорошо помню, как выделялся на этих наших танцах (собирались ведь только свои — 8–10 человек) Володя: всегда подтянутый, в выглаженной рубашке, обычно в белых брючках, да ещё со стрелками! В свои 14–15 лет он умел галантно предложить руку девочке, прекрасно водил и не только в танго, но и в более трудном тогда для нас каком-нибудь вальсе типа «Амурских волн».

Несколько раз в неделю мы всей компанией ездили на велосипедах в Ильинское купаться, в Архангельское — в парк, в Тушино — на авиационный парад, на Николину гору. Сейчас при ужасном скоплении машин и современных скоростях невозможно даже представить, как мы цепочкой, иногда не держась руками за руль (это был самый

кайф на пустом шоссе!), ездили по Рублёво-Успенскому шоссе: 20–30 км за раз!

Рекорд был побит, когда нас после того, как мы проехали через университетскую стройку (это был 1952-й или 1953 год), охрана не пустила вернуться обратно, и нам пришлось ехать домой на дачу через Москву до Кутузовского проспекта, потом по Кутузовскому до Кунцева и потом уже по Рублёвке — 72 км! (по спидометру).

В те годы Барвиха была совсем другая. За станцией Раздоры начинался красивейший лес: берёзы, осины, сосны. Мы часто ходили в сторону Ромашкова, которое оправдывало тогда своё название: на больших полянах между деревьями расцветали ромашки. Их было так много, что поляны выглядели просто как огромное белое одеяло, лежащее на зелёном мху. Мы приносили из леса охапки ромашек, ваз не хватало, оставляли ромашки в вёдрах с водой. А озерца, которые сейчас заросли ряской, были тогда прозрачные, и мы залезали в них не для того, чтобы купаться, а чтобы достать камыши и плавучие жёлтые кувшинки.

Но больше всего мы тогда любили ходить в кино в замок Майендорф. Мне почему-то всегда не удавалось выйти с дачи вовремя. Бывало, Володя ждал меня и мы встречались на переезде у моссоветовского посёлка и вместе бежали через лес. Спуск крутой вниз к ручью, подъём ещё круче к посёлку замка, там в каком-то окне одного из домов всегда были видны часы: есть ещё пять минут! Подбегаешь к кино — Ура! Есть билеты!

А какие там шли фильмы — их в Москве не показывали! Я думаю, именно из этого детства и у меня, и у Володи зародился интерес к настоящему кино. Обратно домой — целой компанией, иногда через лес, а если поздно в темноте — вдоль шоссе: это дальше, но не так страшно. И, самое главное, родители за нас тогда совершенно не боялись.

И климат тогда вроде был другой: в мае, как раз тогда, когда шли экзамены в школе, всегда была такая жара,

что хотелось всё бросить и бежать купаться. И лето было всегда хорошее. Хотя в Москве-реке в Барвихе купаться было строжайше запрещено (запретная зона начиналась у Ильинского), а по берегу постоянно ходили милиционеры, мы всё равно купались: выглянешь из-за кустов — налево—направо: не видно милиционера — и лезешь скорее в воду. А если по реке идёт милицейская моторка, с визгом выскакиваешь из воды — и в кусты. А однажды недалеко от поповского леса (там когда-то было имение Попова) у дачи тогдашнего министра Жаворонкова — туда сейчас и не пройдёшь, всё загорожено новыми дачами, — при появлении милицейской лодки Володя и Андрей Герасимов повисли на тросе паромы. Трос попал как раз на середину моторки и сбросил в реку милицейский велосипед — ох! сколько было крику! Мальчики ныряли, вытаскивали велосипед! Нас хотели забрать в милицию! Но всё как-то обошлось. Видно, милиция тогда была сговорчивее.

Хорошо помню Володиного дедушку Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. Когда мы бывали у Володи на участке, он всегда выходил с нами поздороваться, но сразу уходил в кабинет: мы знали, Владимир Дмитриевич пишет воспоминания. А нас усаживала пить чай с вареньем бабушка Анна Семёновна. Володина мама (почему-то даже я, девчонка, фамильярно называла её Нелли), необыкновенно красивая женщина, жила на несколько участков выше со своим мужем — известным скрипачом Самуилом Фурером. Он много занимался дома, и скрипичные вещи с таким красивым тембром разносились по всей округе и долетали до моей дачи тоже.

Ну, а потом мы выросли и повзрослели. В 1953 году Володя, а в 1954 году я поступили в институт. У каждого из нас появилась своя московская уже студенческая компания. Встречаться стали редко, даже летом перестали собираться старой компанией. Потом пошли семьи, дети. Не

отпускала работа. Я всегда следила за творческими успехами Володи в жизни и радовалась, что у него, как и у меня, дружная крепкая семья.

Изредка мы пересекались. И каждый раз: «Надо бы собраться...»

Так и не собрались. Но та детская дружба осталась навсегда.

ОТКРЫТИЯ В ТОЧКАХ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Вопреки эвклидовой геометрии наши жизненные дороги в течение долгих десятилетий неизменно пересекались. И тогда в точках пересечения мне неизменно открывались факты интересной биографии и яркие черты этого цельного характера.

Заочное знакомство началось в студенческие годы на журфаке МГУ, когда мы действительно шли параллельными курсами (в буквальном смысле) — он окончил университет на два года раньше, хотя уже много позже обнаружилось, что Володя был лишь на неделю старше меня. Тогда, в студенчестве, я впервые услышал на обязательных занятиях по истории партии звучную фамилию близкого соратника Ленина и с удивлением увидел её в списках наших старшекурсников. Повеяло историческим прошлым... Однако вот он, сегодняшний день: по факультетским коридорам рядом с тобой пробегает сын видного большевика, управляющего делами Совнаркома в 1917–1918 годах.

Спустя годы Володя рассказывал, что именно под влиянием усыновившего его в своё время Владимира Дмитриевича он и поступил на факультет журналистики. Он в полной мере оправдал надежды духовного отца. На факультет поступил «раньше графика» — в 16 лет. Уже один этот факт говорил о целеустремлённости Владимира. Успешно завершив университетский курс, он так же стремительно начал подниматься по ступенькам нашей беспокойной профессии, с первых шагов окунувшись в стихию репортёрства.

Первые восемь лет творческой биографии — «Московская правда», путь от репортёра до ответственного секретаря. Это в его-то молодые годы! Два года — в «Правде», здесь он уже сам возглавляет информационный цех главной газеты страны. С 1970 года причал на всю оставшуюся жизнь — «Литературная газета», где в полной мере проявились выдающиеся организаторские способности Владимира Бонч-Бруевича. Каково руководить корреспондентской сетью такой газеты, когда под твоим началом — уже собственно и не журналисты, а яркие литературные перья, такие как Зорий Балаян, Замира Ибрагимова, Илья Фоняков... (В 2001 году в Новосибирске я познакомился с Замирой и помню, когда в разговоре случайно всплыла фамилия Владимира, с какой признательностью она его вспомнила.)

Организатором Володя и впрямь был великолепным. Это ещё в 60-е годы отметил король пред- и послевоенного репортажа Евгений Иванович Рябчиков. Именно он в 1962 году предложил избрать Бонч-Бруевича (в журналистской среде — просто Бонча) председателем бюро секции репортёров. Через два года именно это обстоятельство привело к «очному» пересечению двух журналистских судеб.

В 1964 году я, молодой известинский репортёр с четырёхлетним стажем, решил вступить в Союз журналистов СССР, и принимал меня в его ряды на бюро секции репортёров Москвы Владимир Бонч-Бруевич. Тогда для меня открылось одно из его лучших качеств — доброжелательность. Не помню никаких конкретных слов, но тепло души, которым веяло от этого человека, впоследствии сопровождало меня все пятьдесят с лишним лет нашего знакомства, переросшего в крепкое товарищество (боюсь назваться другом — для этого, полагаю, понадобились бы особые обстоятельства).

С тех пор наши дороги постоянно пересекались — мы встречались, делились новостями, участвовали в различ-

ных мероприятиях, помогали в решении каких-то профессиональных проблем.

У меня есть подозрение, что однажды он сыграл конкретную роль в моей журналистской судьбе. На исходе 1986 года меня пригласил в популярную тогда «Неделю» ответственным секретарём Виталий Александрович Сырокомский, только что возглавивший это известинское приложение. В первом нашем разговоре со свойственной ему прямоотой сообщил, что навёл обо мне справки, назвал фамилии двух литгазетовцев — Константина Барыкина и Анатолия Рубинова. Фамилия Бонча не прозвучала, но, думаю, дотошный «Сыр» обращался и к нему. Когда я как-то попытался проверить у Володи своё предположение, он его не подтвердил, но и не опроверг. Промолчал. Сказались его природные деликатность и скромность...

И ещё три качества из многих других хочу отметить — настойчивость в достижении цели, безотказность в разного рода просьбах, преданность в дружбе. По примеру на каждое. Начну с последнего.

У нас был один общий друг — уже упомянутый Константин Барыкин, прекрасный человек и журналист. Последние годы он тяжело болел, хотя тщательно это скрывал. Но Володя всё знал и, как мог, помогал Косте, доставая лекарства, устраивая в больницы. Год назад лишь мы с Бончем из журналистского братства провожали Константина Константиновича в последний путь...

Ещё вспоминаю. Когда Бонч активно участвовал в подготовке эпохального издания «Журналистика на стыке веков. Люди и судьбы» (2012 г.), он позвонил мне в «Известия» и попросил организовать участие в сборнике нашей знаменитой очеркистки Эллы Максимовой (мы с ней тогда делили в редакции один кабинет). Я попытался уговорить — бесполезно. Тогда за дело взялся сам Володя. И после нескольких телефонных разговоров сокрушил-таки неприступную стену...

В том же году я обратился к нему с аналогичной просьбой. Тогда мне пришлось организовать публикацию памяти легендарного известинца Дмитрия Мамлеева. Районная газета в Курганинске (Краснодарский край), бывшей станице, где в своё время снимался фильм «Кубанские казаки». Главную роль в нём сыгралась Клара Лучко, в будущем жена Дмитрия Фёдоровича. Со временем здесь был открыт музей актрисы. И вот теперь местная газета решила отдать дань памяти её мужу-журналисту. Я позвонил нескольким знавшим Мамлеева коллегам, в том числе Бонч-Бруевичу. Его уговаривать не пришлось, отложил все дела и чуть ли не на следующий день прислал страницы тёплых воспоминаний.

Но с ещё большим энтузиазмом он откликнулся на более фундаментальную просьбу. В 2013 году журнал «Журналист» (где я тогда работал) взялся за издание энциклопедического словаря «Журналисты России. XX-XXI век». Я предложил Владимиру войти в редакционный совет издания и подготовить аннотации на сотрудников «Литературной газеты». Он с готовностью согласился и вскоре прислал тщательно подготовленные микробиографии многих своих коллег. Благодаря Бонч-Бруевичу они нашли достойное место в единственной в своём роде журналистской энциклопедии.

И уж совсем недавно наши с Бончем отношения закольцевались совсем, казалось бы, невероятным образом. Впрочем, ничего невероятного. В марте 2017 года «Известия» готовились отметить столетие. Меня как одного из ветеранов газеты пригласили помочь редакции в подготовке юбилейных мероприятий. Я-то знал, к выпуску первого номера газеты прямое отношение имел Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, собственно, он был его редактором и основным автором. Вот я и предложил организовать выступление в газете его сына. Тот и в этом случае охотно пошёл навстречу. Но нужно отметить, с каким тщанием он отнёсся к заданию. Разумеется, Володя прекрасно

знал эту историю, но пошёл в «Ленинку», поднял старые публикации, проверил факты, нашёл интересные дополнительные подробности. И подпись «В. Бонч-Бруевич» появилась в «Известиях» спустя сто лет.

Последнее воспоминание — апрель 2018-го, два дня до рождения Бонча. Он в преддверии своего дня рождения организует в ЦДРИ вечер памяти Виктора Веселовского, посвящённый его 80-летию. Приглашает вдову — Татьяну Харламову и некоторых его сокурсников (в том числе и меня). Вечер был прекрасно организован — целиком и полностью заслуга Володи. Он стоял в дверях, встречая, а в конце провожая гостей. На его лице были следы усталости и удовлетворения. А ещё, увы, тень подкравшейся болезни.

Это была наша последняя встреча. Наши дороги ненадолго разошлись...

*Один из самых близких друзей, конечно же,
много мог бы рассказать о Володе. Но его не стало
за два месяца до ухода самого Володи. В архиве осталась
шутка Юры к одному из дней рождения.*

СЛОВАРЬ

1. Бонч — номенклатурно-творческая единица с твёрдыми, как конвертируемая валюта, убеждениями, один «бонч» равен десяти секретарям райкома, пяти префектам округов, трём профсоюзным боссам.
2. Бончиха — его жена.
3. Бонч-Бруевич — дочь.
4. Бонч-Каплевич — зять.
5. Бончиниана — собрание сочинений В. В.
6. Бончиниада — Бонч в гневе.
7. Бончёвка — ветровка для дачных прогулок В. В. (типа будёновки).
8. Бончидзе — пьяный Бонч (выпивший много грузинского коньяка).
9. Бончовка — самогонка, сваренная в Барвихе.
10. Бончик — пирожок, приготовленный Бончихой.
11. Бончики — внуки.
12. Бончарка — рюмка.
13. Бончвиван — влюблённый Володя.
14. Бончанка — тележка для перевозки угля и дров во время приготовления шашлыка (типа тачанки).
15. Бонч-бич — набережная на Мальдивах.

05.04.06

ДРУЖБА БОЛЬШЕ ЧЕТЫРЁХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

В августе 2018 года не стало Володи Бонч-Бруевича, с которым мы дружили около 45 лет. Он был постарше, и к моменту нашего знакомства на отдыхе в Сочи возглавлял корреспондентскую сеть «Литературной газеты» — любимого чтения советской интеллигенции. Я же был младшим научным сотрудником в Дубне, начинающим физиком-теоретиком, то ли готовящимся к защите кандидатской диссертации, то ли только что её защитившим. У нас тогда на пляже вообще собралась весёлая компания, в которой были представлены разные специальности: МГИМО, мехмат, физфак и журфак МГУ, московский авиационный институт, Первый медицинский и другие. Мы все сдружились под южным солнцем на берегу моря с бокалами «Изабеллы», и наша компания не распадалась много лет, даже несмотря на возвращение всех в Москву к своим делам. Мы находили возможность и время встречаться всем вместе, и темы для оживлённых бесед обнаруживались, несмотря на разные профессиональные интересы. Все мы были ровесниками, почти одного возраста, кроме Володи Бонч-Бруевича. Но он был очень демократичен в общении, на нашу психику никак не давил ни авторитетом, ни своим более богатым опытом, ни обширными связями с известными людьми. Но и не снисходил до нас, не подлаживался под молодёжь, а относился с благожелательностью, искренним интересом и уважением. С течением времени встречи сочинской компании становились всё реже, но дружеские связи всё равно не распались. Я, например, особенно сильно ощутил Володин талант дружбы

в последний год, когда меня настигла серьёзная болезнь. Володя не оставлял своим вниманием меня и мою семью. Он звонил регулярно, дотошно выспрашивал о ходе медицинских процедур и успокаивался, заключив из рассказов, что всё делается в штатном режиме. Но строго наказывал позвонить, если чего-то из лекарств не сможем достать или какую-то процедуру обеспечить — мол, быть может, он сумеет помочь по своим каналам. В последний раз мы с ним говорили за три-четыре недели до его неожиданно-го ухода. Видя полноту его душевных сил, которых хватило бы не на одну персону, я и представить себе не мог, что ему не хватит сил для жизни. А сам он никогда о своих проблемах со здоровьем не распространялся, ни единым словом не обмолвился.

Знакомство с Володией пришлось на время возникновения у меня интереса к истории КПСС. Понятно, что соответствующие лекции по этому предмету в обязательном порядке читались всем нам на первых курсах, но никаких эмоций у меня тогда не вызвали. Интерес возник уже вскоре после окончания физфака МГУ, когда я осознал, что на самом деле история КПСС со всеми отвратительными деталями в виде интриг, борьбы вождей за власть и использованием силовых структур ВЧК-ГПУ-НКВД могут лечь в основу увлекательных исторических романов, не хуже «Проклятых королей» Мориса Дрюона.

Но, увлекшись этой темой, я столкнулся с проблемой поиска источников. Большое подспорье нашёл в третьем издании собрания сочинений В. И. Ленина — красном тридцатитомнике, первые тома которого сначала, в 1935, выходили под редакцией Л. Б. Каменева, далее их редактировал Н. И. Бухарин, а заканчивал уже В. М. Молотов. Я купил это издание в букинистическом магазине по какой-то смешной цене (50 копеек за томик), его историческую ценность мало кто тогда распознал. Это издание

было снабжено прекрасным научным аппаратом — биографиями упомянутых Лениным лиц и рецензиями из газет, откликавшихся на выход тех или иных его произведений. В том числе, далеко не всегда комплиментарных, но резко критиковавших как содержание некоторых работ Ленина, так и их стиль. Но тогда меня в первую очередь интересовали биографии, ведь Большая советская энциклопедия хранила стойкое молчание о Троцком, Зиновьеве, Каменеве, Бухарине, Рыкове, не говоря уже о репрессированных деятелях более низкого ранга. Ещё один источник — энциклопедический словарь братьев Гранат, где был том с биографиями революционных деятелей. Это я упомянул главные источники, но были и мелкие, появившиеся благодаря недосмотру редакторов и уполномоченных Главлита. Забавный пример есть в однотомной энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (СЭ, 1977 г.). В статье «Разлив» было написано, что это посёлок и станция, где Ленин скрывался в шалаше от ищеек Временного правительства. А в статье «Дибуны» сказано, что это станция, куда вышли Ленин и Зиновьев, покинувшие своё убежище в Разливе. О присутствии Зиновьева рядом с Лениным в Разливе нам в советской школе никогда не рассказывали. Но вот цензоры просмотрели статью о Дибунах.

Начитавшись биографий тех, про кого я всё-таки кое-что знал и тех, чьи фамилии мне не были знакомы, я понял, что надо бы собрать полный список всех, кто олицетворял власть ВКП(б) в те ещё годы. Говоря проще, мне захотелось составить для начала списки членов и кандидатов в члены ЦК Коммунистической партии и уже потом разыскать биографии их всех. Направление поиска было понятно: надо лишь найти стенографические отчёты съездов ВКП(б), в конце которых, естественно, приводились списки новоизбранных лидеров. Но вот незадача: некоторые отчёты нашлись в университетской библиотеке, другие — в букинистиче-

ских магазинах, и в то же время некоторые отчёты всюду отсутствовали, будто таких съездов и не существовало. Это было для меня удивительно, не представлял, что можно подвергать цензуре официальные материалы собственной истории. Кто-то объяснил мне, что эти книги просто запрещены к распространению и изъяты из библиотек. Вот на это я пожаловался Володе Бонч-Бруевичу в бытность нашу ещё на югах. На что Володя ответил: «Нет проблем. Приезжай ко мне в Москве, в домашней библиотеке всё найдется. Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич всё сохранил, побоялся держать у себя и сжёг лишь сочинения Троцкого».

Так оно и вышло, недостающие для работы стенографические отчёты нашлись на книжных полках в доме Володи, украшенном несколькими мемориальными досками. И я составил полные списки в виде таблицы: строки соответствовали персонажам, а столбцы — съездам и партконференциям, в клеточках на пересечении строк со столбцами стояли условные значки для членов ЦК и кандидатов в члены ЦК. Когда я закончил работу, стало ясно, что между 1934 и 1939 годами в стране произошёл государственный переворот. Большинство тех, кто был в таблице чуть ли не с дореволюционных времён и в период гражданской войны, исчезли из списков, были заменены на ответственных постах совершенно новыми людьми. И стало ясно, чьи биографии старых революционеров надо разыскивать, что было делом более трудным, так как не все из них попадали в доступную тогда литературу. Но большую часть удалось найти, и когда уже в перестройку стали печатать материалы, за которыми в дни молодости я гонялся, многие из них были мне уже знакомы. За что спасибо Володе Бонч-Бруевичу. Это сейчас в таких разысканиях помогает всеведущий Гугл, а тогда «работали» поиски в книгах, беседы с очевидцами событий и участниками — точнее, с их потомками, как в случае с Володей.

И за беседы общего плана на исторические темы — тоже особая благодарность Володе. Ко всем интересующим меня темам у него всегда находились лаконичные и отнюдь не казённые ответы. Помню, как мы с ним вдвоём смотрели фильм «Шестое июля» о мятеже левых эсеров в 1918 году. Мне было интересно, это случилось ещё до моей работы над списками, и я, скажем, не знал до конца биографии М. А. Спиридоновой, не знал о её расстреле чекистами в сентябре 1941 г. Володя мне рассказывал кое-какие подробности, и критиковал фильм за исторические неточности (не помню сейчас, какие именно). Или я ему излагал свои взгляды на Гражданскую войну, на ужасы «Донских рассказов» Шолохова, где отец идёт против сына и брат — против брата. На что Володя так спокойно сказал: «А вот у близкого к Ленину революционера Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича был брат Михаил Дмитриевич, генерал императорской армии. Так они спокойно и интеллигентно переписывались». Собственными воспоминаниями Володя тоже делился. Когда он ещё был студентом МГУ, а в стране началось развенчание культа личности Сталина, комитет комсомола журфака обратился в КГБ с просьбой сообщить имена тех педагогов, кто писал доносы на своих коллег, которых потом арестовывали. И как ни странно, они получили ответ. Но вскоре КГБ уже перестал отвечать на такие запросы, добавил Володя. Вот не помню сейчас (наверняка, спрашивал), что произошло дальше со стукачами с факультета журналистики.

Я сосредоточился на том эпизоде нашего знакомства, от которого осталось больше всего воспоминаний. Но как меня интересовала малознакомая мне партийная история, так и Володя расспрашивал меня о далёкой для себя области — о физике. Его интересовали взгляды на перспективы развития нашей науки, новые в ней достижения. И даже предлагал кое-что из моих рассказов оформить для «Литературки», от чего я уклонился, поскольку взгляды мои

были изрядно пессимистичными и мне не хотелось пугать народ и будоражить своих коллег.

Была у нашей семьи ещё одна, особая, территория общности с Володиёв — это его глубокий интерес к Армении, её истории и культуре. Для моей жены Ирины Арутюнян, которая родилась и выросла в Ереване, деятельность Бонч-Бруевича в Российском обществе дружбы и сотрудничества с Арменией, рассказы о визите в Армению в связи с юбилеем Зорья Балаяна, с чьим творчеством он нас познакомил, всякий раз становились ностальгическим путешествием на Родину предков.

Не могу не упомянуть о Володином мягком чувстве юмора, но тут я помню не так много живых деталей. Как пример, Володя оставил своей дочери Кате послание в стихах, где объяснялось, чем ей питаться и где что из еды она найдёт в отсутствие родителей. Начиналось послание так:

«Екатерина, твою мать

Пришлось в театр сопровождать».

Продолжение с подробностями о предлагаемом меню и загрузке холодильника уже не помню, но начало забавляет до сих пор.

Мы с женой очень привязаны к семье Бонч-Бруевичей, в которой, нам кажется, Володя играл роль деятельного начала. Безусловно, вклад Володи и его жены Лены в формирование мировоззрения и восприятия жизни дочерью и внуками не сводился только к шуткам. Можно быть уверенным, что благодаря старейшинам семейная история и традиции находятся в надёжных руках и продолжают своё существование.

СУЩЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ ЖИЗНИ

Володя Бонч-Бруевич — существенная часть моей жизни. Он был моим другом в самом полном смысле этого слова. При том, что мы с ним люди совершенно разные... ну вот абсолютно разные — и по стилю жизни, и по биографическим подробностям, и по общественным симпатиям. В молодости, в студенческие годы мы часто виделись и много времени проводили вместе (вечеринки ровесников, литературные дискуссии, интерес к девушкам, картёж и т. д.). А потом были чуть ли не десятилетия, когда мы вообще не виделись и даже жили за тысячи километров друг от друга. Но я всегда знал, что у меня есть друг, чья помощь и поддержка в случае необходимости мне обеспечены. Надеюсь, и он всегда думал обо мне также.

О близких людях трудно писать коротко. Какие-то очень личные, интимно-семейные подробности Володиной жизни, может, могли бы стать предметом увлекательного романного повествования... но мне это не под силу. А поскольку бывали годы, в которые мы жили не рядом и как бы в параллельных временах, я мало что могу написать о профессиональной и общественной стороне Володиной жизни — знаю только о ней много доброго от третьих лиц... Нет, всё-таки однажды мы даже чуть не стали сотрудниками. Я работал тогда в комсомольском журнале «Молодой коммунист», Володя же был зав. корсетью в «Литературке». Я сказал ему как-то о тоске присутствия в своём «органе»... и друг мой тут же начал предпринимать соответствующие усилия, чтобы отправить меня собкором не то по Забайкалью, не то по Хабаровскому краю. Дело, конечно, провалилось: видимо, не та репутация была у претендента, и инстанции не утвердили кандидатуру. С самого нача-

ла это была, конечно, авантюра. Но Бонч-то не был авантюристом: пусть хоть самый минимальный шанс поддержать товарища, но надо попытаться использовать.

Мы познакомились студентами первого курса зимой 53-54 года, в каникулы в доме отдыха «Поречье» под Звенигородом. Трудно сказать, как и по какой причине возникает взаимное расположение между молодыми людьми и почему остаётся нерушимо на долгие годы. В те давние времена я часто бывал и в московской квартире Бонч-Бруевичей, и на даче в Барвихе, сживал за одним столом с Владимиром Дмитриевичем (впрочем, сильно робея и «зажимаясь»), вёл пространные беседы (не помню уж о чём) с казавшейся строгой Анной Семёновной, души не чаявшей в Володе. Когда уже не стало ни его, ни её, я, испытывая при мимолётном первом браке некоторые квартирные затруднения, по щедрому разрешению хозяина месяцами жил там на даче. Когда же я женился прочно и у меня родился ребёнок, именно Володя дружески дал мне взаймы на покупку кооперативной квартиры и никогда не настаивал на срочном возврате долга, хотя вернуть эти (к слову, сильно подешевевшие) деньги я смог уже только вернувшись из лагеря...

Ах, да! Я же бы «дружкой» (или как это там называется) на свадьбе Володи и Лены и был рад за друга и даже несколько ему завидовал: такая юная красавица его любила. Есть соответствующая фотография: все мы молоды и прекрасны. Понятно, я тогда и думать не думал, что выпью за их здоровье через пятьдесят лет на их золотой свадьбе...

Теперь, когда Володи нет с нами, я очень рад, что затеяна книга с добрыми словами о нём. Рад, что могу хоть несколько слов сказать о своей любви и дружеской признательности. Мне 82 года. Не знаю, сколько ещё Господь мне отпустит прожить. Я пишу эти слова в больнице... И наших общих с Володи́ей друзей или даже просто знакомых остается всё меньше и меньше... Но, знаете, оглядываясь назад, я думаю, мы прожили счастливые жизни.

УЧИВШИЙ ПОБЕЖДАТЬ ВРЕМЯ

Бытовал в период благословенного застоя среди разнообразных взглядов на «Литературную газету» один совершенно особый, не отражённый до сих пор, кажется, ни в каких мемуарах. Взгляд пристальный, пристрастный, хоть и не лишённый наивности: его выразителями были разновозрастные и не по годам понятливые дети работников «Литературки». Те самые акселераты 70-х.

Понятное дело, мы (а я как раз из их числа!) не составляли в то технологически отсталое время никакой группы в социальных сетях, да и вообще общались друг с другом вполне эпизодически: в основном в иногородних поездках, с блеском организованных профсоюзной организацией «ЛГ», да летом в дачных посёлках любимого почти во всём народе издания. Но вот тут-то, из отрывочных реплик пребывавших в бытовом расслаблении мам и пап, и возникали в восприимчивом детском сознании и наивном дискурсе, как бы сейчас сказали, былинно-сказочные образы, наделённые экзотическими именами. Именами, как бы вышедшими со страниц то ли Аркадия Гайдара, то ли Марка Твена: Чак, Сыр — ну и, конечно, Бонч.

Причём смею утверждать: последнее «прозвище» звучало из уст журналистов — обитателей дачного поселка Шереметьево с неизменным пиететом, о чём бы ни шла речь. Как-то неизменно выходило, что носителю именно этого звонкого имени были по-своему благодарны многие из участников таких вот междусобойчиков. И только через годы стало ясно, о ком речь.

Не сомневаюсь, что куда более авторитетные авторы этой памятной книги воздадут должное Владимиру Владимировичу за редкое тогда (а уж в наши дни и вовсе ископа-

емое) сочетание качеств человека и журналиста. Поэтому вспомню то (немногое, к сожалению), чему был свидетелем сам.

Именно Владимир Владимирович «до последнего», что называется, опекал, помогал с извечными лекарствами-больницами маме Олега, моего лучшего друга по Шереметьевке. Женщине замечательной — но, кстати, не занимавшей в «ЛГ» заметных постов.

Именно Владимир Владимирович напутствовал меня весной 2017 года на возобновление издания когда-то гремевшего на всю Советскую страну журнала «Радиофронт», выкроил время для личной встречи, дал много дельных и мудрых советов. И один из них, кстати — не искать его родства с Михаилом Александровичем Бонч-Бруевичем, основателем советской радиоламповой промышленности, активным автором «Радиофронта» довоенного периода...

Именно он помогал словом и делом многим старым литгазетовцам, которых в наши дни остаётся, увы, всё меньше и меньше. И если бы не его деятельное участие — вряд ли читающий мир узнал о кончине одной из легенд газеты Инны Сергеевны Котылёвой, заслуженного заместителя ответственного секретаря газеты. Тот некролог потряс многих, кому довелось знать эту удивительную женщину...

Моя мама вспоминает ещё Антонину Горшкову, помощницу Владимира Владимировича, свою близкую подругу, человека огромной доброты и самоотверженности. Да и каким, если задуматься, мог быть коллега, многие годы работавший под началом столь элегантного, преданного делу и в самом высоком смысле интеллигентного руководителя!

Владимир Владимирович был не только выдающимся представителем «Литературной газеты» эпохи Александра Борисовича Чаковского — он вошёл в историю как один из её активных и преданных творцов. Как представитель когорты, каждому члену которой немыслима замена; кото-

рая сделала «ЛГ» неоднозначного советского времени не только литературной — и уж точно не просто газетой!

С благоговением (лет примерно 45!) смотрю я на дочь Владимира Владимировича Екатерину, несомненно, унаследовавшую не только всепроникающее обаяние отца и красоту мамы, но и ещё одну удивительную черту: способность начисто побеждать безжалостную субстанцию под названием «время». Кто знает, поймёт: не всегда с уверенностью определишь, где на счастливых семейных фото сама Катя, а где её дочь — кстати, уже вполне взрослая красавица!

Склоняя голову перед светлой памятью Владимира Владимировича Бонч-Бруевича, снова и снова вспоминаю те первые заочные впечатления о нём, почерпнутые из родительских «шереметьевских бесед». И хочется поблагодарить судьбу за то, что мы знали такого замечательного человека: я и моя мама Валеска Фёдоровна Турбина, тогда и сейчас гордящаяся своей принадлежностью к славной и не по времени свободной стихии под названием «Литературная газета»: к стихии, которую всеми силами души и гранями таланта создавал великий Бонч.

ДВЕ ПОБЕДЫ НАСТОЯЩЕГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

Из энциклопедии: Интеллигент — сведущий, понимающий, знающий. Человек глубокой внутренней культуры и самостоятельного мышления. Интеллигент — деятельный и трудолюбивый. Он развит духовно и чист сердцем, ему чужды чванство, он ценит культуру и знания.

Всё прочитанное выше в полной мере характеризует того, о ком я хочу написать. Владимир Владимирович Бонч-Бруевич, Володя или просто Бонч, которого теперь уже нет с нами, долгие десятилетия был моим товарищем по работе ещё в той «Литературной газете», которую создавал и которой руководил Чак, а помогал ему Сыр. (Главный редактор Александр Борисович Чаковский и его первый зам. Виталий Александрович Сырокомский.) В коридорах семиэтажного здания редакции возле Сретенки слышалось не только «Чак вызывает, Сыр звонит», но и «Бонча не видели?», «Попроси Бонча — он поможет».

И помогал. Всем. Искал и находил нужных врачей. Добивался для сотрудников квартир в Моссовете. Давал советы журналистам, которые корпели над своими статьями и репортажами. А за советом обращались к Бончу потому, что Володя многое, очень многое, знал, недоступное другим. И обратиться к нему за помощью было не зазорно, потому что Владимир Владимирович был настоящим интеллигентом. О чём и написано в начале моих заметок. Я часто слышал эти слова о Бонч-Бруевиче от многих людей: настоящий интеллигент. Сейчас и не припомню, слышал ли такое о других. Нет, конечно, выражение «интеллигентный

человек» звучит часто. Но интеллигентный человек и настоящий интеллигент — две большие разницы (даже без всякой Одессы) считаю я. Пусть другие спорят со мной, но Володя был НАСТОЯЩИМ во всём.

Однако вернёмся к любимой им, и мной, «Литературной газете».

Уверен, что Владимир Владимирович Бонч-Бруевич совершил две большие победы, без коих наша газета не могла обойтись.

Главный редактор «ЛГ» Чаковский, добившись в ЦК КПСС разрешения (каким образом, остаётся загадкой), начал с 1 января 1967 года издавать газету абсолютно нового типа для Советского Союза, публикующую острые и, насколько тогда это было возможно, правдивые статьи о всех сторонах жизни, а не только о литературе. Первым делом он приступил к набору новой команды. Рекрутом первого призыва оказался и Володя. И это уже была, пусть небольшая, личная, победа Бонч-Бруевича. За ней последовала и первая большая. Ему было поручено создать отдел корреспондентской сети и набрать в каждой из республик Советского Союза и в крупных городах РСФСР корреспондентов, которые не только присылали бы свои интересные материалы в Москву, но и набирали на местах авторов таких, кто хорошо понимал и вникал в специфику каждой республики. И Володя, побывав по многу раз в тех далёких краях, добился этого. Я за время работы в «ЛГ» тоже поездил по столицам теперь независимых государств. И где бы я ни был — в Киеве или в Ташкенте, в Ленинграде или в Таллине, в Минске или Ереване, ну и т. д., я всюду встречал команду преданных нашей газете творческих людей, которые буквально заваливали меня вопросами, просьбами и поручениями, адресованными Бонч-Бруевичу. Да, теперь уже трудно поверить, но всё это я наблюдал даже в Таллине, в Вильнюсе и в Риге. А что говорить о встречах с Кипнисом в Киеве или с Балаяном в Ереване! Все они снабжали редакцию свежей информацией со всего Совет-

ского Союза, и потому «Литературная газета» была не только столичным изданием, что очевидно прорисовывалось у некоторых других газет. Думаю, пятьдесят процентов того, что потреблял наш читатель, а их насчитывалось около четырёх миллионов, было так или иначе подготовлено корреспондентской сетью, которую создал и возглавлял Владимир Владимирович. Это ли не победа талантливого организатора журналистского дела?! А находить общий язык с писателями союзных республик, которые не очень жаловали Москву уже тогда, помогало Володе то, что он был настоящий интеллигент.

Уверен, это «звание» помогло ему и во второй победе.

Шли лихие (или прекрасные) девяностые годы. Было тяжело всем, а печатной прессе особенно. Одни издания погибали, другие становились «жёлтыми», третьим как-то удавалось вписаться в нарождающийся рынок. Именно в то горячее время судьба привела меня на пост главного редактора «Литературной газеты». Мы хотели остаться теми же, не впадая ни в какие крайности новой жизни. А главное, сохранить «Литературную газету», основанную ещё Пушкиным для будущих поколений. Но было тяжело. Надо было покупать бумагу, оплачивать печать в типографии, а главное, платить хотя бы небольшую зарплату нашему большому (225 человек) коллективу. Вскоре я понял, что самому мне не справиться, и попросил Владимира Владимировича быть моим заместителем по решению всех этих проблем. Он согласился, потому что, как и мы все, хотел сохранить уникальную газету для будущего. И дело у него пошло. Он вник во все превратности этой новой, нарождающейся жизни. Как настоящий интеллигент, сумел найти общий язык даже с теми, кто ранее сторонился нашего издания. И вскоре российские художники, высланные при советской власти за границу, стали присылать нам для продажи свои картины; большое здание помогало нам — мы начали сдавать помещения солидным организациям, таким как газета «Век» или Институт журналистского и лите-

ратурного творчества; появился в наших стенах и аукцион редких изданий и не менее редких произведений искусства; проникли мы и на рекламный рынок. И даже Лёня Голубков (кто помнит, тот поймёт) помелькал на наших страницах. И за всем этим так или иначе стоял Владимир Владимирович Бонч-Бруевич. И это была его вторая большая победа. Конечно, у него были помощники, первым назову Василия Макартумьяна, да и весь коллектив старался, но главным был он, умевший интеллигентно объединить других, как ранее объединял корреспондентов страны. Мы спасли «Литературку» — так её ласково называли в народе, и передали пушкинское творение в руки новых поколений.

Когда-то, сам прощаясь с «ЛГ», я приводил слова из спортивной песенки:

Придут честолюбивые дублеры,
Дай Бог, им лучше нашего сыграть.

Вот, Володя, пришли. Будем надеяться на лучшее. То, что заложено тобой — настоящим интеллигентом — никому да испариться не может.

ЖУРФАК МГУ — ЭТО ДРУЖБА НАВСЕГДА

Прошло 65 лет с тех пор, как в сентябре 1953 года мы с тобой встретились впервые на факультете журналистики МГУ, тогда мне, самому молодому китайскому первокурснику было 19 лет, а ты моложе нас на три года, самый молодой на всём курсе, всего нас было 198. Говорят ещё, наши девушки были самыми красивыми на факультете.

Володя, ты всегда по-простому аккуратно одетый, вежливый и отзывчивый, ты комсорг нашей группы и был золотой медалист в школе.

Никогда не забуду, как на втором курсе по просьбе студентов ты пригласил своего деда старшего Бонч-Бруевича, ближайшего соратника Ленина, на факультет. Из его доклада я узнал, почему Ульянов взял себе псевдоним «Ленин» и как совершались не раз покушения на его жизнь.

В 1954 году, в октябрьский праздник, ты пригласил нас, человек 20, на дачу деда в Барвихе под Москвой. Была и молоденькая блондинка Ия Саввина, и другие. Я впервые узнал, как красива русская зима и как веселится молодёжь в России.

В начале 1980-х годов, когда отношения наших двух стран стали улучшаться, я гостил у родственников моей жены в Москве, долго искал и нашёл тебя. Ты был уже в «Литературной газете».

Ты тепло принимал меня в редакции, мы разговаривали так дружески, каждый рассказывал о себе, даже забыли о времени. Меня вдруг осенила мысль: всё меняется — и человек, и его возраст, и его взгляды на жизнь, и мир вообще меняется, но не меняется тот факт, что мы

учились пять лет вместе в одной группе, за одной партой на журфаке МГУ!

Примерно в 2014 году серьёзный китайский учёный сказал мне, что в одном китайском журнале опубликована переводная статья, где говорится, что Ленин был очень жестоким и болел сифилисом. Болел сифилисом! В Москве я спрашивал Володю и некоторых известных историков, все отвечали, что они первый раз слышат про это. Явная клевета.

После покушения на жизнь Ленина в 1918 году, его лечили в больнице, проверяли его и даже его мозг лучшие врачи, никто не заявлял, что у него был сифилис. Я один из многих китайцев, которые продолжают чтить Ленина. На старом пекинском книжном рынке я нашёл четыре тома «Воспоминаний о Ленине» на китайском языке, привёз в Москву как подарок в дом Бонч-Бруевичей. Наш однокурсник Юрий Лобов спросил меня: «Какая ленинская работа тебе больше нравится?» Я ответил: «Философские тетради, гениально, какая высокая абстракция мышления!» Кстати, некоторые люди в России пытаются умалять значение Ленина. А американские авторы иногда ценят его куда выше.

Весной в мае прошлого года Володя с Леной позвали меня посмотреть новую достопримечательность Москвы — Зарядье. Какая открытость парка в центре города, какое плавное течение Москвы-реки под широким мостом, по которому мы с Володей ходим рука об руку. Как тепло, приятно и дружно идём мы, словно родные братья.

Мы все ученики Ясена Николаевича Засурского. Помню, однажды я шёл по Тверской, случайно заговорил с пожилым человеком, узнав, что я окончил журфак МГУ у Засурского, он воскликнул: «Засурский это исключительно порядочный человек!» Ясен Николаевич, будучи молодым деканом факультета, уже был знатоком творчества американского писателя Драйзера. В какой-то праздник ты, Володя, от имени группы сделал мне подарок — роман Драй-

зера «Гений» на русском языке , который я потом прочитал с большим удовольствием.

Володя, также я благодарен тебе за то, что ты познакомил меня с твоим другом, замечательным русским писателем Валерием Поволяевым, автором семи-восьми исторических романов, в том числе трилогии о Рихарде Зорге (один из томов называется «Зорге в Китае»). У Валерия собрано материалов о Зорге больше, чем у кого-нибудь другого в России. Даже я знаю из китайской печати, что Зорге был знаком с Сун Чинлин — супругой Сун Ятсена — в Шанхае, встречался один раз с Чжоу Эньлаем, который просил его помочь с вооружением для красных районов Китая. Я рассказывал многим людям о Зорге и писателе Поволяеве, а недавно я узнал, что в 2019 году русские и китайские кинематографисты совместно выпустят фильм «Зорге».

На встрече с Поволяевым и его супругой были также Володя Бонч-Бруевич с Леной и Саша Блохин, наш однокурсник. В китайском ресторане «Харбин» мы провели пять часов. Володя говорил, что «Цао мой лучший друг из иностранцев». Я знаю, что он, кроме города Харбин, нигде в Китае не был. Десяток раз я приглашал его к себе в Пекин погостить, каждый раз он хотел ехать, но из-за проблем с сердцем всё откладывал... Теперь мне остаётся только приглашать Лену и их дочь Катю приехать в Китай погостить.

НАДЁЖНЫЙ, ПЕДАНТИЧНЫЙ, ПРЕДАННЫЙ ДЕЛУ

Весной 2011 года Владимир Владимирович сообщил мне по телефону: благодаря усилиям главного редактора Юрия Михайловича Полякова и всего коллектива «Литературной газеты» мэрия Москвы согласовала установку мемориальной доски А. Б. Чаковского, моего отца, на доме, где он жил с конца 60-х годов. Новость была совершенно неожиданной, и тем более радостной. После ухода отца с работы в 1986 году, а затем и из жизни в 1994 году, никаких контактов с редакцией у нас не было. Менялись руководители, вместе с ними — и идеологическое направление издания. Задуманная в конце 60-х годов прошлого века и ставшая чрезвычайно популярной 16-страничная «Литературка», проросла традициями едва ли не во всю российскую журналистику, однако сама по себе ушла в прошлое, как и имя её создателя. Национальный обычай самоутверждения на костях предшественников, всегда вызывавший у отца грустное недоумение, а часто и возмущение, прекрасно работал применительно к нему самому. В общем, я порадовался за отца, но едва ли не больше — за «Литературную газету», которой он отдал почти четверть века, за людей, проявивших интеллектуальную честность, человеческую и профессиональную порядочность. Предлагая принять участие в организационных хлопотах, Владимир Владимирович искренне радовался вместе со мной и, как мне казалось, по тем же причинам. До того я был знаком с ним в основном заочно — по отзывам отца, который считал его надёжным, кажется, чересчур педантичным и даже упрямым руково-

директором отдела, но преданным делу «абсолютно приличным» человеком. В его устах такое определение дорогого стоило.

В этих качествах Владимира Владимировича я имел счастливую возможность убедиться, общаясь с ним чуть ли не еженедельно в течение более двух лет — столько времени понадобилось для реализации проекта. Проявляя недюжинный аппаратный опыт, дипломатический такт и завидное упорство, именно он был главным «мотором» всего предприятия. Когда дело заходило в очередной бюрократический тупик, на выручку приходили упорство и железная деловая хватка Владимира Владимировича — качества, весьма неожиданные в столь деликатном и органически скромном человеке. Наибольшее уважение вызывало то, что при этом он руководствовался не какими-то личными мотивами и привязанностями (каких-то «особых» отношений с Чаком, насколько я знал, у него не было) но поистине подвижнической преданностью делу — традициям «Литературной газеты», хранителем которых он оставался до последнего дня.

26 июня 2012 года мемориальная доска была открыта на фасаде здания по Тверской, 8, где расположен книжный магазин «Москва». Именно Владимиру Владимировичу удалось убедить Департамент культуры в том, что её место — именно там, хотя технически квартира располагалась в другом корпусе того же дома. Всем собравшимся при открытии это показалось удачным и совершенно естественным, хотя мало кто знал, чего стоило «пересогласовать» место установки. Избегая славословий в свой адрес, Владимир Владимирович сказал, что пить шампанское рано, поскольку предстояла подготовка к столетию отца. Едва переведя дух, он принялся за дело: подготовил ряд публикаций в «Литературной газете», включая главы из неоконченной автобиографической книги отца «Время действия», работал в РГАЛИ и архиве Гостелерадио, соби-

рая материалы для фильма, который должен был быть показан на юбилейном вечере в ЦДЛ.

Вечер состоялся 30 октября 2013 года. При подготовке к нему у нас с Владимиром Владимировичем вышел некоторый спор. Мне казалось возможным ограничиться малым залом ЦДЛ, и дело тут было не в ложной скромности. По опыту юбилеев некогда известных советских писателей, в 2000-е годы, я опасался унылого зрелища полупустого главного зала. Руководство ЦДЛ заняло нейтральную позицию. Однако Владимир Владимирович твёрдо сказал: «Нет. Только большой». Чаковский — не просто известный писатель, пояснил он, а, «Легендарный Главный. От «Блокады» до «Победы» (так значилось на пригласительном билете). «Вы даже не представляете себе, — продолжал он, — сколько людей выросло на «Литературной газете», помнят её и любят». Владимир Владимирович не побоялся взять на себя ответственность и оказался прав: подобного аншлага ЦДЛ не видел очень давно.

Вот таким мне запомнился Владимир Владимирович Бонч-Бруевич. Надеюсь, что навсегда.

БЕЗБОЖНИК-ПРАВЕДНИК

Дар судьбы — слова немного выпренные, но порою без них не обойтись. Как иначе начать заметки, где предмет — моя дружба с Владимиром Владимировичем? Она длилась много дольше «золотой свадьбы», целых 65 лет, и наложила отпечаток на всю мою жизнь. Я всегда видел в нём не просто умного, доброго, порядочного, духовно близкого мне человека, а эталон добра, пример редкостной духовной красоты.

Наши жизненные пути начались почти одновременно и поначалу судьбы оказались схожи: он родился в недоброй памяти 1937-м, я на год раньше; у него забрали отца, у меня отца и мать, обоих воспитывали бабушки. От бабушек досталось нам в наследство уважительное отношение к старым духовным приоритетам, таким как честь, достоинство, умение не сгибаться перед властью обстоятельств.

Вместе с тем росли мы в разной среде и смотрели почти на всё на свете по-разному. Он вырос в семье соратника Ленина, знаменитого старого большевика, я выходец из интеллигентской старомодной среды, он чуть ли не с пелёнок усвоил революционную идеологию, я зачитывался забытыми старыми романами, в театральном репертуаре предпочитал классику, и в школе меня поддразнивали, называя «человеком XIX века». Он был атеистом, я — агностиком.

Обыкновенно основой мужской дружбы становится сходство взглядов. Мы, оба от рождения отчаянные спорщики, не сходились буквально ни по одному вопросу. Познакомились во время собеседования медалистов, поступавших на факультет журналистики. Новый факультет, учреждённый в МГУ имени Ломоносова перед смертью

Сталина, был мечтой абитуриентов, и мы, конечно же, едва получив аттестат зрелости, туда и подались. Обоих приняли. Стали испытывать друг к другу симпатию чуть ли не с первого взгляда. Сразу начали и спорить. Первый спор, помню, разгорелся вокруг разногласий «отцов и детей», следующий был о том, как относиться к непостоянству любимой.

Надобно заметить, что в годы сталинщины по умолчанию предполагалось, что в оценке всех исторических событий, во взглядах на будущее вся страна придерживается единой позиции; в ходу был фразеологизм «великое, несокрушимое единство партии, правительства и народа». Не было и не могло быть ни одной публичной дискуссии. Газеты, радио (телевидение только зарождалось) по всем вопросам выступали одинаково. Поднимали на щит такие новые шедевры, как картины «Пир в колхозе» и «Митинг в цеху». Существовала, правда, и другая культура. Не согнулись под тяжестью обстоятельств Пастернак, Ахматова, Заболоцкий. Но их не печатали, они не имели доступа к аудитории, и творческая судьба каждого из них была трагична.

Наш с ВВ однокурсник, замечательный поэт Вячеслав Назаров чуть позднее напишет о самом главном в этом времени:

А надо всем, давя гранитом
Побеги зелени весенней,
Зрачками в каменных орбитах
Следил богоподобный гений.
Два пальца туго сжали китель,
Рука протянута над миром,
Незрячий взгляд надменен: «Ждите,
Я дам, идите за кумиром!»

И вдруг в один прекрасный день установленный, казалось, на века миропорядок приказал долго жить. Великий

диктатор умер, и сразу же, в считанные недели и месяцы, началась переоценка ценностей. СМИ выступали по-прежнему единым хором, с трибун собраний продолжали звучать заученные речи. Но в привычные дружные голоса начали врываться иные, несогласные. Возрождались инакомыслие. Наше поколение только ещё вступало в жизнь, было мало запуганным, и нам судьбой было уготовано стать застрельщиком процесса духовного освобождения.

Перейду к отдельным эпизодам, особенно врезавшимся в память. Начну с того из них, в котором даже при самом лихом воображении никого другого не могу себе представить на месте ВВ. Нам около 25, мы в кафе невольно стали слушателями чужого разговора: его участница исповедуется спутнице: «Муж не приносит домой ни копейки, всё пропивает, нечем кормить ребёнка». Услышав «нечем кормить ребёнка», ВВ достаёт несколько ассигнаций и протягивает их на соседний столик. Получательница, конечно, обескуражена, стесняется, отказывается, но ВВ настойчив. В конце концов она уступает, деньги приняты.

По смыслу близок первому ещё один эпизод, которому оказался свидетелем. У только что вышедшей на пенсию сослуживицы ВВ умер муж, она осталась одна как перст, и необычайно тяготилась одиночеством. ВВ надумал, что ей станет легче, если она возьмёт собаку. Прочитав в «Вечёрке» объявление: «Замечательный пёс потерял хозяев и нуждается в новых, сделает счастливым любого, кто его возьмёт», ВВ не замедляет откликнуться. Человек занятой и творческий, он, отложив все дела, начинает обзванивать разные организации и частных лиц, едет куда-то, и в результате судьбы вдовы и осиротевшего пса соединяются. Счастливая развязка!

До конца моих дней не забуду, как ВВ участвовал в моих собственных делах. Опять великолепное бескорыстие, опять постоянная готовность прийти на помощь, не дожидаясь зова о помощи. Когда я заболел, в начале 90-х, понадобилась дорогостоящая кардиологическая операция, а денег

у меня на неё не было. ВВ выхлопотал у университетского начальства безвозмездную материальную помощь. Когда я потерял железнодорожный билет, устроил так, что я всё-таки смог уехать вовремя. Перестроив память, пытаюсь отыскать эпизод, где он бы нуждался в помощи, и я бы ему её оказал. Иначе говоря, чтобы мы обменялись ролями. Тщетно! Нет, я был обычным, а он особенным человеком! Ведь наверняка и он в чём-то когда-то нуждался, но был в этих делах скромен и едва ли что-то у кого-то просил.

Единственный был в наших отношениях случай, когда в результате недоразумения мы едва не поссорились. Развязка оказалась благополучной опять-таки благодаря такту и находчивости ВВ. В разговоре участвовали он, я и моя любимая жена Алла, в просторечье, по какой-то между нами изначально установившейся, взаимно-добродушной традиции именуемая Бабой-Ягой. Когда он начал издали: «В начале вашей связи я думал, это временное увлечение», я почему-то его зло прервал с не характерной для меня резкостью: «В чём же тут можно было сомневаться? Неужели сразу не мог увидеть: она ангел? Никому, тем более тебе, ближайшему другу, не позволено сомневаться в этом...» ВВ вежливо отпарировал, подхватив мою интонацию: «Ну, конечно, она ангел, но порою это не сразу заметно из-за того, что крылья спрятаны под кофточкой». Я рассмеялся, напряжение было снято.

ВВ был своеобразно верующим человеком. Вера в особую историческую миссию пролетариата, в неизбежность мировой революции. Убеждённо отказывался допускать даже возможность бессмертия души. Я ему говорил: придёт время, и каждый точно узнает, бессмертна ли душа. К громадному сожалению, для него это время теперь наступило. Но если принять, что он ошибся и загробная жизнь всё-таки существует, то его душу ждет Рай. Так как он был праведником.

Когда я ещё не начал писать эти заметки, а только обдумывал их, передо мной встал вопрос: чем отличается наше

с ВВ поколение от нынешнего? Достал из шкафа старую чёрно-белую групповую фотографию с надписью сверху «С новым 1953 годом» и начал по-новому вглядываться в лица моих одноклассников-десятиклассников, раздумывать над тем, как сложились их судьбы, сравнивать знакомых с нынешними 17-летними. Пришёл к такому заключению: нынешние раньше становятся самостоятельными, раньше влюбляются, раньше определяют в выборе жизненного пути, раньше начинают зарабатывать. Мы были простодушнее, доверчивее, податливее к внушениям. Я на этой фотографии одет, как все, долговязый, неуклюжий, с томиком Лермонтова в руках — тогда учил наизусть «Мцыри».

Всякая дружба, всякая жизнь неизменно заканчивается на трагической ноте. Ещё не начав писать эти воспоминания, я уже знал, что последняя страница дастся мне с большим трудом. И вправду, написал с десятков её вариантов. Выбрал интонацию бесстрастную, стороннего наблюдателя, а когда над нею работал, хотелось кричать от боли. Со дня смерти ВВ прошло сорок дней. Только 40 дней. Уже 40 дней. Душа о нём болит по-прежнему.

Последние три года я тяжело болел. Оказался прикован к постели. ВВ дольше меня держался. Он был сверх головы занят работой и меня почти не навещал. Постоянно спрашивался о моём здоровье, заботился о врачах и медикаментах, чуть не каждый вечер подолгу разговаривал со мной по телефону. Так и сказал однажды: «Новая разновидность дружбы — телефонная». Я ему читал по телефону стихи, он угадывал авторов. Всё обещался вот-вот меня навестить, не получалось. И вдруг неожиданно: «Буду в ваших краях, на час заеду». Побыл действительно только час, говорили о пустяках злобы дня, не успели даже ни о чём поспорить. Я не смог встать, чтобы его проводить, провожала Алла. Она вспоминала: «Лифт начал спускаться, и он, Володя, в моих глазах стремительно убывал в размере: сначала исчезли ноги, потом туловище, наконец, голова».

Больше нам не суждено было встретиться. Ничто, казалось, не предвещало бедствия. ВВ был бодр, как всегда, жизнелюбив и оптимистичен. Терзаюсь догадкой: не был ли его неожиданный ко мне приход и уход из жизни после этого и для меня каким-то особым знаком, сигналом, предначертанием смысла, которого я не сумел пока разгадать?

После нашей встречи прошло несколько дней. Ему внезапно стало плохо, вызвали «скорую», она сразу увезла его в больницу, потом — реанимация, искусственная кома. Надеялись, что, пусть ненадолго, он выкарабкается. Но нет. Умер, не приходя в сознание, смерть случилась, кажется, под утро и была, говорят, лёгкой. Лёгкую смерть, по народному убеждению, господь посылает праведникам. Праведником он запечатлелся и в моей памяти.

Вместо эпитафии — стихи:

И будем мы судимы — знай —
Одною мерою.
И будет нам обоим — Рай,
В который — верую!
*(Марина Цветаева, «Чужому»,
1920)*

* * *

22 февраля 2019 года Андрей Александрович Чернышёв ушёл из жизни. До последнего дня он интересовался, как идёт работа над книгой, когда она выйдет. Не дождался.

И будет им обоим Рай!

БУДЕМ ПОМНИТЬ

Первое, что вспоминается при упоминании этого имени, — тихий, скромный, суперинтеллигентный человек, преданный делу, профессии.

Я познакомилась с ним в далёкие 70-е, когда приезжала в Москву из Киева. Тогда это были мимолётные встречи, короткие разговоры о времени, о судьбе нашей творческой организации, о профессии. В Москве мы подружились и часто встречались: он в качестве представителя «Литгазеты», а я — секретаря Союза. Но особенно нас сплотила работа над вторым томом нашей энциклопедии «Журналистика на стыке веков». Почти каждую неделю он, я, наша любимая подруга Зоя Крылова собирались в Союзе и обсуждали, как формируется книга, о чём и о ком мы должны не забыть написать, какие интересные факты из жизни журналистов и их творческих коллективов вскрываются при тщательном отборе материалов. Рождалась замечательная книга, и делали её удивительные, замечательные люди и настоящие профессионалы.

Из одиннадцати членов редколлегии в живых осталось только трое. Вот имена тех, кто делал эту книгу: Бонч-Бруевич В. В., Крылова З. П., Мамлеев Д. Ф., Петрякова Н. Ф., Плутник А. У., Пьянов А. С., Репин Л. Б., Соколовская В. А., Щербаков А. С., Яковлев Б. Г. Славные, знаковые имена, и книга, как говорится в предисловии, о том, «как в сложнейшую эпоху перемен менялась отечественная журналистика». Редкая, уникальная книга. В ней о времени, о себе и своих товарищах по профессии вспоминают, размышляют «Золотые перья» России. Она, эта книга, стала продолжением выпущенной к 300-летию российской прессы книги «Журналистика XX века: люди и судьбы».

Как и в первой, во второй книге-энциклопедии много мастеров отечественной журналистики. Назову некоторых из них: Генрих Боровик, Аркадий Ваксберг, Юрий Щекочихин, Владимир Познер, Эдуард Сагалаев, Леонид Парфёнов, Анна Политковская, Владислав Фронин, Симон Соловейчик, Михаил Комиссар, Геннадий Бочаров.

Эта книга была издана в 2012 году тиражом 1500 экземпляров.

И все эти годы, вплоть до нынешнего, когда ушёл Володя Бонч, он мечтал о третьей книге.

Технический прогресс вызвал к жизни десятки новых телеканалов. Серьёзное, а иногда и главное, место занял интернет. Но живое слово, серьёзная публицистика и аналитика, вся та журналистика, ярким представителем которой был и Владимир Бонч-Бруевич, нужна и остро необходима нашему обществу. Вот почему, пока живы, мы будем вспоминать, учиться и любить тех, кто отдавал свою жизнь «ради нескольких строчек в газете».

СОДЕРЖАНИЕ

Четыре письма о любви

7

Наша семья

21

Раньше всех расскажет репортёр

49

Вспоминают друзья и коллеги

89

Литературно-художественное издание

Библиотека «Литературной газеты»

Наш Бонч

Памяти Владимира Владимировича

Бонч-Бруевича

(05.04.1937 — 14.08.2018)

Ответственный за выпуск — Л. В. Колпаков
Редактор и составитель — Е. И. Бонч-Бруевич
Корректор — А. П. Пенская
Дизайн-макет — А. В. Дирижаблев

Подписано в печать 18.03.2019. Формат 84х108/32
Гарнитура «Calibri». Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8
Тираж 1000 экз. Заказ № 1471

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская
д. 50а/5, тел.: (495)690-67-19

www.uniki.ru